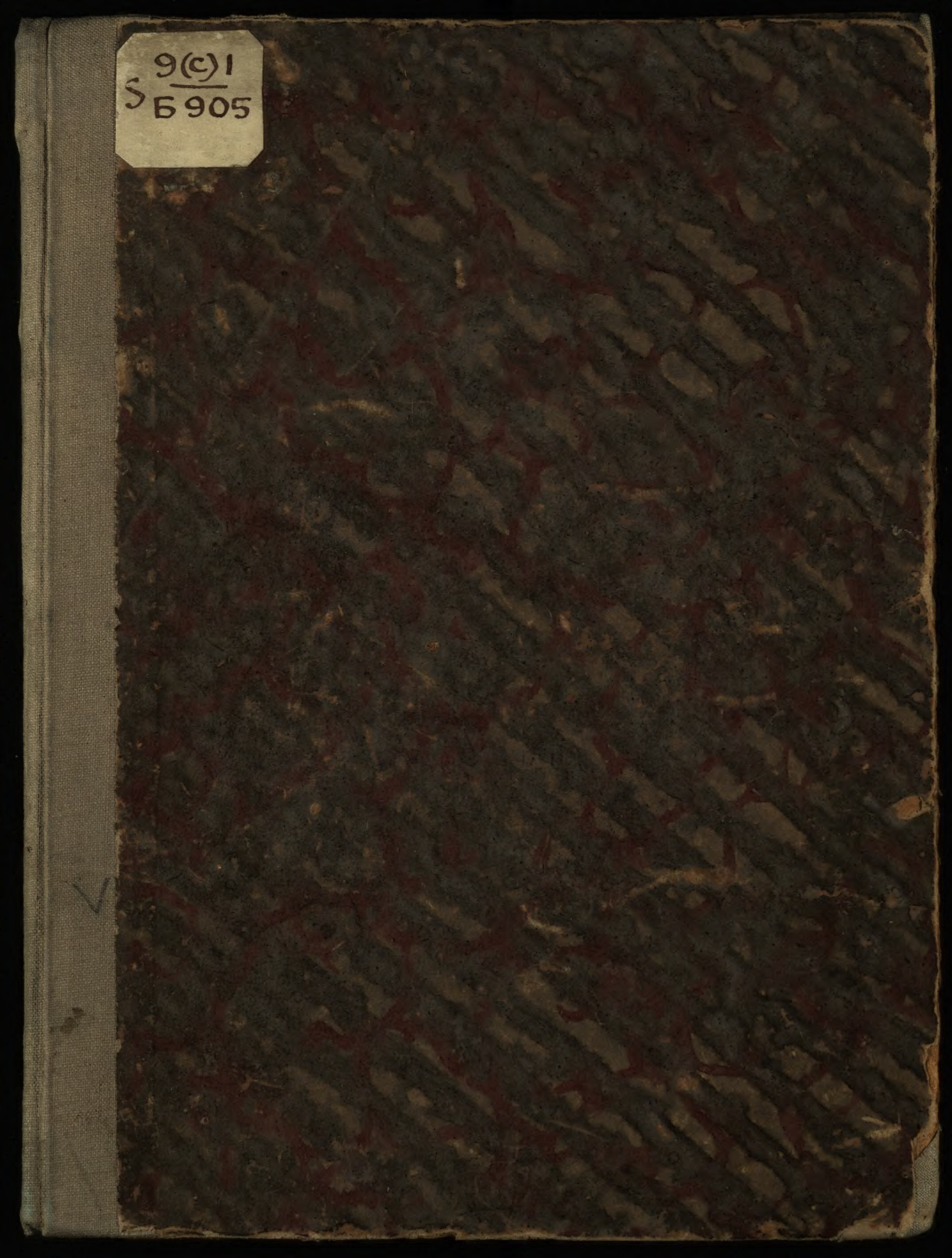
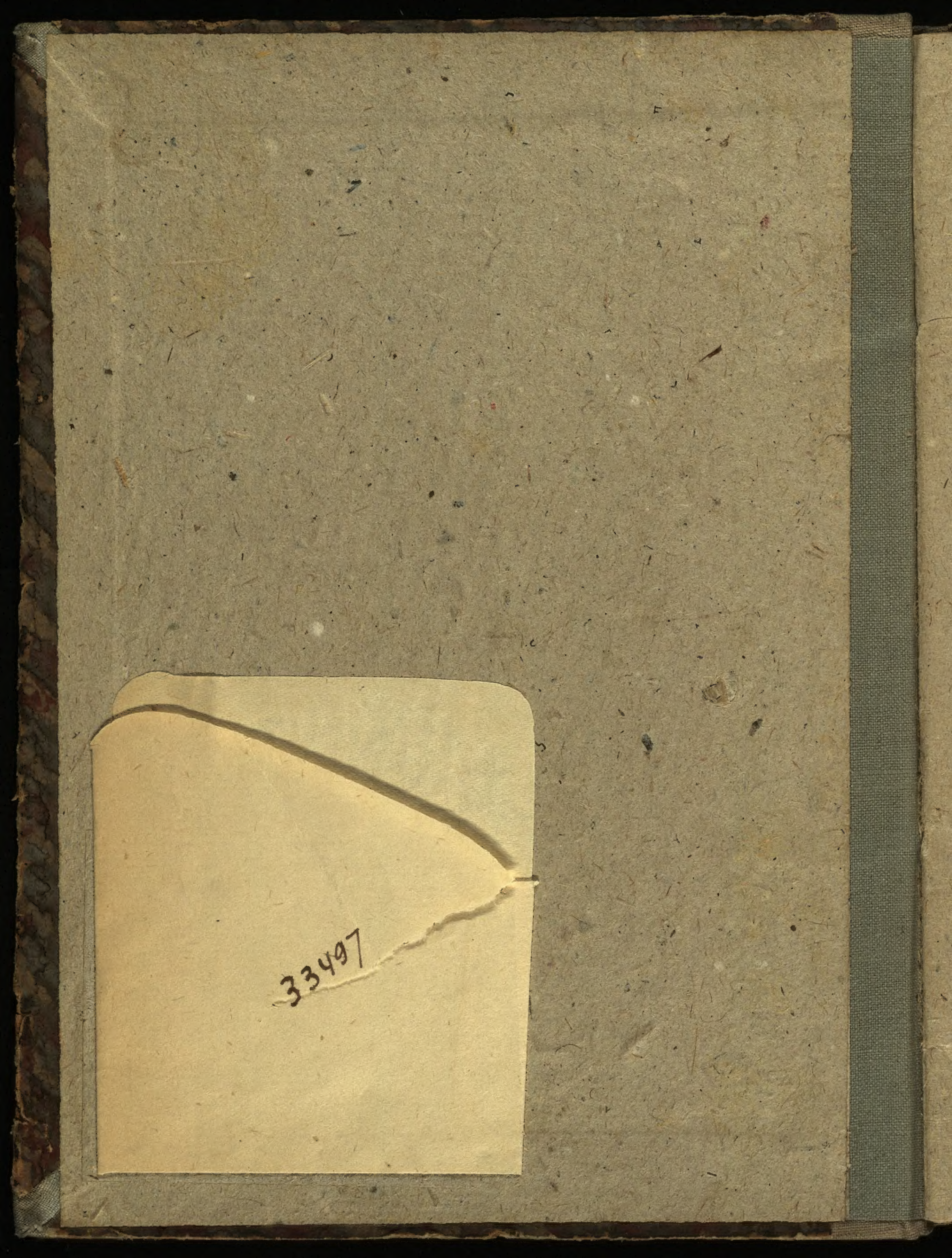
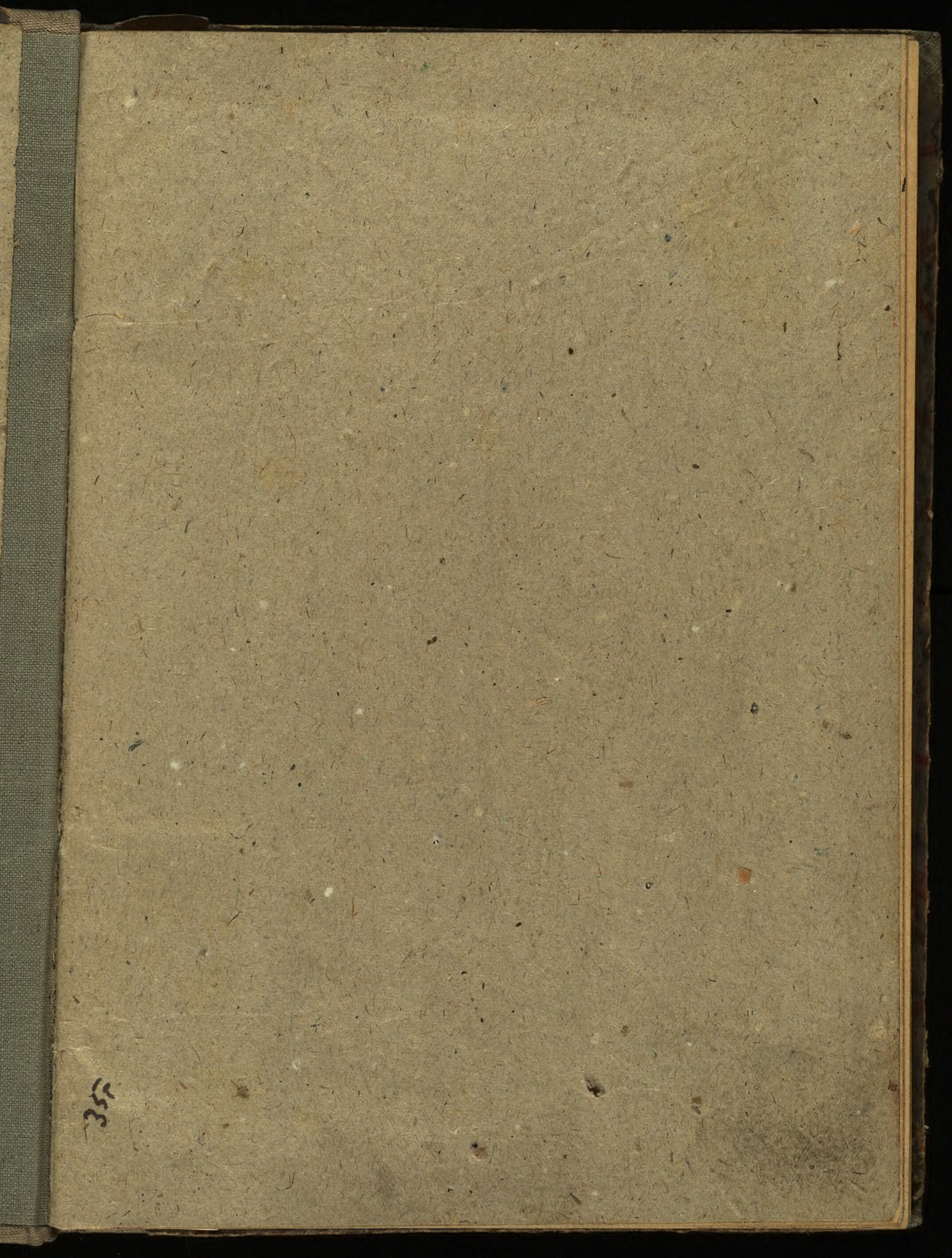

9(С)1
S Б905

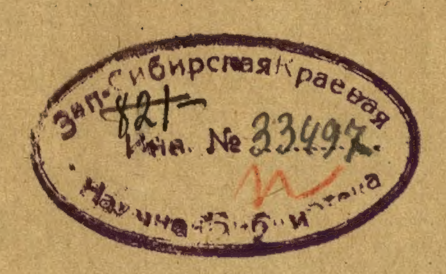
А. Н. БУЙСКИХ.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОЧЕРКИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЗА 25 ЛЕТ.

КНИГА 1-я.

НОВОНИКОЛАЕВСК.
ИЗДАНИЕ „КЛИЧ“
1922 Г.

Рабочие всего мира! Проявляйте крепче классовую солидарность в едином революционном интернациональном фронте.

(*Автор*).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Настоящая книга принадлежит перу рабочего Алексея Никитьевича Буйских.

С раннего детства, жизнь царской России заставляет крестьянина Вятской губернии А. Н. покинуть родную деревню и отправиться за поиском куска хлеба на заработки.

12—14 лет он уже впервые на Уральских заводах сталкивается лицом к лицу с царским произволом.

Здесь, в то время, во всем своем величии кандальная Россия проявляла всю свою деспотию к рабочему, как к человеку, к личности.

Бесправие рабочих, ужасная эксплоатация их хозяевами и т. д. пробуждает в юноше А. Н. глубокое чувство негодования против такого положения, против своих господ.

Он, юноша начинает страдать.

Мятущийся, малограмотный, покидает он Урал в надежде найти у жизни справедливости.

Он уезжает в Сибирь.

Из завода на завод, с поденщины на поденщину ходит по заработкам А. Н. в Сибири.

Юноша ищет правды, ищет свободы, ибо ему невыносимо тяжело страдать больше за других, чем за себя.

В повседневной жизни он сроднился, сжился с этой массой угнетаемых, он—индивидуум этой массы, как рабочего класса.

Естественно, что той правды и свободы, которая могла бы удовлетворить пылкое воображение А. Н., нигде не находится, а, наоборот,—гнет и эксплоатация рабочих сопутствуют его на каждом шагу.

С каждым днем он прозревает все больше и больше. В нем просыпается злоба, и ненависть ко всему обществу царской России, к укладу несправедливой общественной жизни и т. д.

В нем зарождается революционер.

С каждым годом революционность в сознании А. Н. крепнет и вскоре он, руководствуясь, исключительно, своими рассуждениями, начинает бунтарить среди рабочих.

Позднее он примыкает к организации революционного синдикализма, оставаясь видным ее членом и до последних дней.

Предлагаемые очерки быть может не с достаточною полнотой и ясностью дают, те или иные периоды рабочего движения в освещении А. Н. Буйских, но, тем не менее, в общих чертах, они являются ценным вкладом в освещение рабочего движения, и, главным образом, Сибири.

Не безинтересны и не лишены ценности также очерки из Октябрьской революции в Сибири со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Быть может и здесь не совсем подробно дается им освещение, но издание „КЛИЧ" надеется, что и это для истории современника Сибири явится некоторым материалом, а для рабочего даст представление картины переживаний их товарищей-сибиряков в великую русскую революцию и их отношение ко всем партиям, претендующих на защиту прав угнетенных.

Издание „Клич".

I.

Угрюмый Урал гордо раскинул свои седые горы. Далеко на север тянутся они вереницами. Могучие великаны-его, девственные леса своим угрюмым шопотом укутали их и кажется, что своей хмуростью и угрюмостью рассказывают страшные дни былого...

Рассказывают о том, как шли сюда гонимые своими господами, крепостные крестьяне и рабочие.

Десятки, сотни, тысячи шли сюда на Урал, чтобы нарушить царственный холодный покой природы-- строить заводы...

Десятки, сотни, тысячи—шли сюда вольные и смелые ходоки, спасавшиеся от гнета своих господ...

Всех приютил седой Урал, всем дал свой приют...

И нарушился покой, как вечный сон.

Сотни заводов прорезали своим громыханием хмурую тишь Урала, а с ними и впервые по Уралу и пронесся тяжелый стон рабочего, попавшего в каторжную работу, в кабалу к заводским.

Помню я,когда будучи 14 летним мальчиком исходил пешком эти заводы и, пробираясь глухими тропами, встречал, возвращающихся отсюда на родину, обманутых миражной вольностью Урала. Изнуренные каторжным трудом на заводах, они бежали от непосильного труда.

Но мало кто из них достигал своей цели. Дикая поросль плотно застелила свои просторы и скрыла все выходы с Урала, и пустившиеся на побег терялись в них, умирая от голода где-либо в лесных дебрях Урала...

Так шли года.

Наконец, после долгих лет, человек в упорной борьбе за существование мощной волной снова устремляется в открытый клапан: в первую очередь на Урал, а потом дальше—в Сибирь, в поисках работы. Особенно такое сильное явление наблюдалось тогда, когда аграрный вопрос в России принимал для крестьянства острый характер. А еще больше эта тяга в Сибирь и на Урал увеличилась, когда в связи с аграрным вопросом среди крестьянства начали проявляться первые брожения, принимавшие весьма неблагоприятные формы для царского правительства.

В этот период сибирский клапан открывался еще шире и рабочие и крестьяне широкой волной вливались в эти далекие углы России.

Довольные и недовольные своим переселением переселенцы смешивались, а в общем итоге получалась масса недовольных своей судьбой, своей жизнью.

Попавшие недовольные в среду неуравновешенных поселенцев, мало по малу сеяли свои недовольства и среди них выливавшиеся в первые революционные побеги.

Рабочие и крестьяне, очутившиеся в цепких лапах акул-заводуправителей и их администрации, видя беспомощность своего положения, противостоять силе не могли. Но чем больше осозновал рабочий свою безвыходность, тем больше в его сознании внедрялись и революционные мысли.

Правда, мысли грубые и неоформившиеся в какие-либо определенные идеи, но, тем не менее, зачаток мыслей о своем материальном улучшении уже явился.

В 1897 году на Урале и в Сибири окрепшая мысль рабочего подала свой первый голос, вылившийся в форму бунтарских вспышек. Иногда эти назревшие бунтарские вспышки готовы были перейти при об'ективных условиях, а иногда и суб'ективных—в открытую борьбу, в ясном—представлении вражды и ненависти угнетенных к угнетателям.

Конечно, особых грозных явлений рабочее движение, здесь, на Урале, а так-же и в Сибири принять не могло, Несмотря на свое недовольство, и даже революционные мысли и так далее, над свободомыслящими рабочими висело, как Домоклов мечь, сложившийся заводский быт, имеющий преобладание над ним больше, чем все остальное. Мелкобуржуазное собственничество, служившее основой его революционной мысли вместе с этим являлось и тормазом для ее осуществления в жизни.

Уральские заводы, или вернее назвать их поселениями, или даже городками, состояли из 90 проц. жителей, работающих всю жизнь на этих заводах, где так же работали их отцы и деды. Старинная закостенелость положила в основу оседлость, а отсюда и то, что являлось революционным толкачем и тормазом. Все это естественно и привязывало их и делало их покорными рабами своих господ.

Дальнейшие же годы, с постепенным, и вместе с тем, с быстрым ростом фабрично-заводской промышленности

Урала, с одной стороны, а с другой—притоком новых сил, революционные побеги принимают уже другую окраску, другой характер. Прибывающие новые рабочие в колею мелкого буржуазного собственничества войти сразу не могли в силу об'ективных условий и причин, почему и оставались особняком.

Такие разделения в конечном итоге вселили между рабочими старыми и новыми некоторый антагонизм.

Кажущееся на первый взгляд, безотрадным такое явление—положило крепкое начало рабочей спайке в дальнейшей жизни Уральских рабочих.

Алапаевский горный округ в 1897 году подвергся крупному расширению. Здесь шла постройка двух доменных печей, на которых я работал в качестве каменщика. Рабочий день здесь начинался в 4 часа утра и кончался в 7 часов вечера, т.-е. продолжался 15 рабочих часов.

Непосильно тяжелый труд, а главное, плохая оплата труда, ставившая нас в тяжелое материальное положение перед оседлыми рабочими, выдвинула среди нас вопрос об улучшении своего материального положения. Моя агитация и агитация товарищей, подталкивающих на забастовку рабочих нашего участка для улучшения своего положения, вскоре провалилась.

И о каких-либо здесь стачках надежды были потеряны навсегда, так как рабочие были на 90 проц. все местные жители, для которых пред'являемые требования являлись не столь необходимыми, как для нас. Потеряв надежду, я отправился в тайгу на постройку узкоколейной железной дороги.

Меня вновь потянула тайга, тайга, которая дает силу порыву к свободе и своим шелестом воскрешает мечты тех радостей вольных полей и лесов, где запасается мыслитель и борец к дальнейшей борьбе своей несокрушимой силой..

В 40 верстах от Алапаевского завода, в тайге, где между гор и утесов пробивается бурливая река Богуй, чрез которую в то время строился каменный мост, я нанялся к подрядчику Я. Лежнину в качестве каменнотеса.

Здесь на всей постройке работало более двух тысяч человек. Подрядчик в погоне за барышами беспощадно эксплоатировал рабочих; держал их в скотских, бараках, кормил их впроголодь, заставлял работать от зари до зари. И рабочие, поставленные в зависимость, молчали.

На весь этот произвол сурового режима жаловаться было некому, так как полиция всегда были на стороне этих сильных подрядчиков; она брала с них взятки, а некоторые из ее чинов жили у них даже на иждивении, а потому о каком-либо правосудии не приходилось и говорить. И с каждым днем среди рабочих начинало проявляться недовольство все больше и больше. Неприязнь рабочих к своему хозяину эксплоататору расла и расла. Среди рабочих выделилась передовая группа, стремившаяся к организационной спайке всех работавших здесь рабочих и для пред'явления подрядчику своих требований. Мне в то время было 20 лет, я был полон сил и не останавливался никогда ни пред какими страхами, если от меня требовалось какое-либо исполнение товарищеского долга.

Как одного из организаторов этой спайки, рабочие выдвинули меня для переговоров с хозяином, для пред'явления требований: 1) об улучшении их быта, 2) об улучшении жилых помещений, об улучшении пищи, об уменьшении рабочего дня и проч. и проч., такие требования были нами пред'явлены в Троицын день, как праздник, когда рабочие все были в сборе у главной конторы, в 8 верстах от города Алапаевска, на берегу реки Синячихи.

Пред'явленные нами требования не только не дали положительных результатов а, наоборот, вызвали репрессии. В результате произошла схватка, вылившаяся в борьбу двух сторон: с одной стороны эксплоататоров и полиции, а с другой стороны всей сознательной части рабочих.

Стычка произошла в 12 часов дня и к 4 часам дня превратилась в серьезное сражение. Победа была за нами и противник бежал. Потерпевшие поражение убежали и подняли на ноги окружную полицию и к веч. были вызваны новые резервы полиции, которые были нами также разбиты и обращены в бегство. Весть о нашем бунте быстро распространилась по округу, и для усмирения нас были высланы уже более сильные отряды полиции, вооруженные винтовками. Прибывшие отряды предложили прекратить бунт, как его назвала полиция и выдать зачинщиков. Ввиду бесплодности дальнейшего сопротивления и неосуществления результата в стачке, перешедшей, в открытую вооруженную схватку, нам ясно представлялось, что дело проиграно и необходимо спасаться.

И товарищи, не выдав меня, прекратили бунт. Я же, как зачинщик, ушел в глухую тайгу, в те леса, которые скрывали и скрыли навеки всех таких смельчаков, пытавшихся бороться с невыносимым гнетом работодателей.

Жутко было в одиночестве среди этой глухой тайги, а в особенности тогда, когда у вас не оказывалось среди лесного моря компаса и оружия, и когда вы рисковали каждую минуту подвергнуться растерзанию зверем, или таежному урагану. Последние здесь, на Урале, встречаются часто. В такую полосу урагана попал и я.

Жутко еще и сейчас вспомнить об этом страшном урагане, как будто и здесь, в тайге, также происходит генеральный бой двух сил природы.

Я, как во сне, вспоминаю этот лесной ураган и мое одиночество в этой глухой и веками спящей тайге, сон которой прерывается только силой лесного духа.

Над вершинами этих вековых великанов пронесся страшный шум и свист. Все потемнело. Солнце, стоящее высоко над лесным морем. временно, как-бы не желая смотреть на развертывающий этот бой лесных сил, скрылось за пылью.

Ураган все свирепел и свирепел.

Вековые непокорные сосны своими курчавыми шапками начали нагибаться до самой земли, как-бы прося о пощаде.

Но вот налетает внезапный шквал ветра, как будто разом проснулись тысячи спящих лесных духов; каждый выхватывает себе дубинку ввиде векового дерева, стараясь в бешеном порыве вырывать подряд, без разбору, все свежие и свежие деревья...

В этой клокочущей страшной лесной буре в несколько минут десятки десятин были выкорчеваны...

Семь дней пробирался я этой глухой тайгой без куска хлеба, питаясь лесными грибами и ягодами, как в сказке. И теперь еще я с гордостью вспоминаю эти дни, которые, быть может, многие пережили их в эту великую русскую революцию в Уральских горах, где впервые огласили пушечные выстрелы эти горные массивы и нарушили вечную дремоту и спячку вековых лесов, не слышавших никогда грохочущей пушечной песни и их подголосков,—трескотни митралье. что всколыхнули от вечной дремоты заводы, ютившиеся здесь в ущельях вечно дремлющего Урала, который в годы великой революции свое имя занесет на страницы истории.

В конце 7 дня, передо мной показался величественный Нижне-Тагильский завод, который растянулся более, чем на 7 верст в длину узкой змейкой, в несколько улиц по реке Тагил.

Туда я и направил свой путь. Здесь стражевые псы на одном из постоялых дворов хотели меня задержать, и мне пришлось продолжить свой путь. Мне удалось ускользнуть из цепких полицейских лап. После чего пришлось навсегда уйти из сказочного Урала и забыть те причудливые были, среди которых проявлялись первые революционные вспышки в виде бунтарства в целом ряде лет.

Через два года, после этого, я попадаю в отдаленный край, где покровительствует бог Амурвольному простор досужих мечтателей. Но мы не принадлежим к их натурам и в городе Благовещенске нами создается кружок, об'единяющий все революционные течения, бывшие здесь.

Едва только мы начали свою партийную работу, как полиция обнаруживает нашу организацию и вскоре накрывает нас на консперативной квартире, а всех участников арестовывает. Мне, как и другим товарищам, было предписано властями в 24 часа покинуть город и отправиться под надзором полиции на Кавказ.

В 1902 году с Кавказа я вернулся в свою Вятскую губернию, где я родился в 1878 году, в бедной крестьянской семье, где провел лучшие годы детства, воспоминания о прошлом притянули меня в родные заводы, в свою деревню. Здесь, среди своих родных и знакомых думалось пожить после нескольких лет странствующей жизни, а также набраться новых сил под родным кровом для дальнейшей трудной дороги, которую мы должны были расчищать себе своими руками.

Так еще и тогда, двадцать пять лет назад, лелеялась золотая мечта, которая теперь превращается в действительность, о той свободе, о той красоте жизни, о равенстве, братстве всех угнетенных мира, когда все народы сольются в одну трудовую семью, живя одной религией взаимного уважения, и будут жить законами своей совести, без всяких писанных кодексов.

Многие назовут это детской мечтой, но мы, боровшиеся всю жизнь за раскрепощение угнетенных, убежденно верим, что все дороги ведут в Рим, и знаем, что вопросы мирового значения решаются только силой оружия.

Этим оружием мы разрушаем старый прогнивший буржуазный мир и несем исстрадавшему человечеству раскрепощение от вечного рабства цепей, расчищая тернистый и длинный путь к конечному торжеству социализма.

В такой плоскости велась работа по возвращении моем на родину и в 1902 году. Пылкая молодая натура пошла еще дальше. Будучи в деревне я повел горячую агитацию среди крестьян по аграрному вопросу, который так остро стоял тогда в России. Однако, развернуться мне здесь не пришлось: за всеми моими действиями зорко следила полиция.

Опасность для меня расла с каждым днем все больше и больше. И мне пришлось быстро смазать пятки и удирать от ареста, который был уже назначен.

В 1904 году, из Оренбурга, куда я приехал, пришлось переехать в Сибирь, так как уже началась Русско-Японская война и нам предстояла громадная работа.

По Сибирской железной дороге шли все войка на фронт. В нашу задачу, в угол нашей партийной работы, и были поставлены эти войска. Наша работа среди них сводилась к разложению армии, для чего мы должны были развить всюду, где только возможно на станциях революционные очаги. Попутно в нашу задачу входила и агитация среди рабочих в Анжерских копях куда меня и бросают другие товарищи, как в более крупный рабочий район. Здесь, работая каменщиком в шахте по устройству перемычек и на каждом шагу общаясь с товарищами шахтерами, исполняющими каторжный труд, я и повел свою работу. Работа моя пошла быстрым темпом и революционные толкования скоро прививались среди них. В очень короткое время среди них организовался кружок революционного синдикализма, который часто собирался в квартире одного сапожника, товарища Юрченко, имевшего свой барак и не вызывавшего никакого подозрения. Постепенно в этот кружок втягивались все новые и новые силы, тем более, что в этот период в Сибири наростало революционное движение.

В этой плоскости работа была связана с железнодорожными мастерскими станции Тайга, куда в силу практической работы вскоре мне пришлось переехать жить и устроиться печником на железной дороге. Между тем, безумная империалистическая война на полях Маньчжурии принимала все более затяжный характер и требовала все

новых и новых жертв. Вследствие этого, ударность нашей задачи по разложению армии выростала еще с большей силой и все наше внимание было теперь обращено на питательные пункты, где имеют довольно продолжительную стоянку солдаты, а особенно на станции Тайга, что являлось весьма благоприятным в смысле снабжения нелегальной литературой солдат и для словесной агитации. Агитация эта как литературная, так и устная заключалась в следующем.

Царскому солдату раз'яснялось, что он—ни больше, ни меньше, как пушечное мясо, что во что бы то ни стало наша русская армия должна быть побеждена, а вместе с тем и должен быть уничтожен и трон деспотизма; раз'яснялось царскому солдату, что Русско-Японская война есть авантюра, которая затеяна царскими генералами, концессионерами, Безобразовым и Алексеевым в угоду банкирам и их личной наживе, унося сотни тысяч жизней рабочих и крестьян, обманывая гнуснейшей присягой, под лозунгом:—„За веру, царя и отечество"! Суть этой присяги тогда очень немногие солдаты понимали; большинство верило, что всякий христолюбивый воин, погибший на поле брани, попадет в царство небесное.

В начале-же 1905 года раз'яснилось солдатам о неслыханном варварском расстреле невооруженных рабочих в Петрограде, в день 9 января, которые шли во главе с провокатором священником Гаппоном, с хоругвями и иконами ко дворцу к царю-батюшке, высказаться о своих нуждах. И вот этот-то „Отец—печальник народа" как называли его попы, вместо отцовских сожалений ответил пушечными ядрами, а вместо просимого хлеба, послал в упор им град свинцовых пуль.

Между тем, шли вести, что царская армия на полях Маньчжурии несла поражение за поражением. Вести эти окрыляли нас и укрепляли в нас дух и веру, что исстрадавшийся рабочий и крестьянин, наконец, поймет корень зла своего угнетения, что гнев велик, что все жертвы 9 января не пройдут даром всем этим палачам, что государственный царский корабль погибнет в пучинах девятого вала, разбушевавшегося моря человеческих несчастий.

Все это создавало веру и надежду, что народ поднимется. И наша надежда скоро оправдалась: долго ждать ее

не пришлось. В октябре поднялся первый вал рабочего движения—всеобщая забастовка.

Необходимо на время перенестись в Россию, чтобы полнее охарактеризовать подготовление этой всеобщей забастовки. В России в то время, как в центре всех наших революционных вспышек, останавливали на себе внимание социал-демократы „меньшинства" и „большинства".

Деятельность обоих фракций выражалась в то время в пропаганде и агитации среди фабрично-заводского и ремесленного населения, среди крестьянства, учащейся молодежи и других слоев.

Для пропаганды среди войск в составе Российской социал-демократической рабочей партии, с которой здесь, в Сибири, мы работали рука об руку, была образована в 1905 году военно-революционная организация.

На Западе, Варшавский комитет летом 1905 года, вступил в соглашение, в целях совместной деятельности, с социал-демократическими группами Польши и Литвы. Важнейшей в тот момент целью признавалось только вооруженное восстание. Для этой цели центральный комитет образовал особую организацию, которая и должна была ведать приобретением заграницей оружия; для поставки-же литературного дела независимо от подпольных организаций, издавалась Центр. комитетом газета „Северная Почта" и „Самарская газета", а в августе 1905 г. Центральный комитет начал издавать популярную и революционную газету „Рабочий". Все организации, входившие в состав Российской социал-демократической рабочей партии, респределяются следующим образом:

1. В Астраханской губ.—Астраханский комитет.
2. В Бессарабской губ.—Кишиневская организация, с боевым отрядом для устройства вооруженной демонстрации.
3. В Варшавской губернии—Варшавский комитет,—военно-революционная организация. Варшавская группа „меньшевиков".
4. В Виленской губернии—Виленская группа.
5. В Владимирской губ.—Иваново-Вознесенская группа.
6. В Витебской губернии—Витебская группа—Двинский комитет.
7. В Вологодской губернии—Вологодская группа.
8. В Волынской губернии—Житомирская организация.
9. В Воронежской губ.—Воронежский комитет.

10. В Вятской губернии—Прикамская группа.

11. В области войска Донского—Донской комитет.

12. В Екатеринославской губ.—Екатерининский комитет „меньшевиков".

13. Екатеринославская организация (большевики), Александровская организация, Луговская, Мариупольская организация, Рудничный союз, Юзовская группа.

14. В Казанской губернии—Казанский комитет с военной группой (местный социал-демократич. деятели пытались распространить свое влияние и на татарское население в городе Казани).

15. В Калужской губернии—Калужская группа.

16. В Киевской губернии—Киевский комитет, Бердичевская организация, Бердичевская группа, Уманская организация, Уманская группа, Чирковская организация и Украинский союз.

17. В Костромской губернии—Костромская группа.

18. В Курляндской губернии— Митавская группа.

19. В Курской губернии—Курский комитет—Путиловская группа.

20. В Финляндской губ.—Рижский комитет—Рижская группа.

21. В Минской губернии—Минская группа—Бобруйская организация—Пинская группа.

22. В Могилевской губернии—Гомелевская группа.

23. В Московской губернии—Московский комитет, издававший в соответственной (подпольной) типографии газету „Голос труда", Московская группа, Серпуховская группа.

24. В Нижегородской губернии—Нижегородский комитет, Нижегородская крестьянская группа.

25. В Орловской губернии—Орловский комитет, Брянская организация. В Севске группа об'единенных социалистов Орловской губернии.

26. В Пермской губернии—Пермский комитет.

27. В Полтавской губернии—Полтавская группа—Кременчугский комитет.

28. В С.-Петербургской—Петербургский комитет (большевиков), Петербургская группа с боевой дружиной.

29. В Рязанской—Егорьевская группа.

30. В Самарской—Самарский комитет, группы для вооруженных демонстраций среди крестьян.

31. Саратовский комитет и группа.

32. В Смоленской губ.- - Смоленский комитет.

33. В Таврической—Крымский союз (меньшевиков), в состав которого входило 10 организаций: Севастопольская, Симферопольская, Мелитопольская, Феодосийская, Евпаториевская, Ялтинская, Бердянская, Геническая, Ореховская, Керченская.

34. В Тамбовской—Борисоглебская группа.

35. В Тверской—Тверской комитет.

36 В Тульской—Тульский комитет.

37. В Уфимской—Уфимский комитет.

38. В Харьковской — Харьковский комитет об'единившиеся большевики, меньшевики, Сумская группа.

39. В Херсонской—Одесский комитет (большевики)

40. В Черниговской—Черниговская группа.

41. В Ярославской—Рыбинская, Ростовская Ярославская организации.

42. На Кавказе—Кубанский комитет и группы: Екатеринодарская, Новороссийская, Ставропольская, Армавирская, Ейская, Майкопская.

43. В Сибири – Иркутский комитет, Красноярский комитет, Томский комитет, Читинский комитет, Харбинская группа.

Вот те организации 1905 года, подготовлявшие рабочее движение и всеобщую забастовку по всей России и руководившие Октябрьской забастовкой 1905 года. Центральная роль в этой забастовке падала на центральные районы—Питер и Москву, а главенствующая роль осталась за Петербургским Советом, образовавшимся во время этой забастовки. В основу своих задач Питерский совет взял выполнение функций стачечного комитета, затем—роль примирительной камеры, разрешая конфликты между трудом и капиталом, в тоже время он являлся и профессиональной конфедерацией и центральным бюро профессиональных союзов; в чем и была его историческая ошибка, как выяснилось нам впоследствии.

Итоги работ Петроградского совета 1905 года представляются в следующем виде: Совет провел три стачки в Петрограде; октябрьскую ноябрьскую и почтово-телеграфную, выпустив до миллиона воззваний и известий к рабочим, солдатам и другим слоям населения; затем совет вступил в тесное сношение со всеми боевыми организациями для совместной деятельности революционного пролетариата и с сознательной частью армии. Свою ошибку в неправильной тактике в октябрьские дни осознал впоследствии и сам Совет.

Бывший в то время председателем совета Хрусталев-Носарь говорил впоследствии, что совет только позднее Петроградский совет стал правильно подходить к революционной тактике и принял во внимание, что момент захвата власти в свои руки был пропущен.

Царские власти, ошеломленные внезапным революционным движением рабочих, вскоре ориентировались и вышли в боевой порядок. Аксиома пролетариата, что всякие твердыни и крепости берутся только штурмом, Петербургским советом была позабыта, а царской власти это и послужило возможным к проведению в боевой порядок своих сил для ликвидации своего грозного положения.

Все-же, в конечном итоге этой стачечной рабочей кампанией, удалось царскому правительству внушить, что рабочие ни на час не забывают о своем положении и, кромѐ того, удалось заставить царское правительство дать народу куцую Октябрьскую конституцию, которая и удовлетворила разношерстный Петроградский совет, состоявший из различных политических группировок. Куцая конституция склонила на свою сторону за Советом и часть рабочих; особенно, это сказалось со стороны железно-дорожников, которые после манифеста 17 октября прекратили забастовку. Правда, несмотря на уклон Петроградского Совета и железнодорожников к соглашению с правительством на конституцию, данную царем, в самом Совете уже образовалась некоторая брешь, так как нашлись и противники соглашения, которые признавали возможным улучшение своего положения лишь дальнейшей борьбой и свержением самодержавия. Появившийся раскол в самом Совете повлиял и на дальнейшую борьбу. Эта передовая часть, признававшая конечное достижение своей цели, только без всяких компромиссов и продолжила свою работу, которой благоприятствовало состояние основного ядра рабочих Петербурга. Петербургский пролетариат не верил в куцую конституцию и имел желание ответить на манифест 17 октября продолжением забастовки, но разногласия в Совете о единстве действий приняли затяжной характер и время для продолжения забастовки было упущено. Таким образом, конституция казалось рабочими принята....

Но едва только успели рассеяться грозные тучи, для царского правительства, как данная им конституция свелась к нулю: все свободы были даны, и не даны. Так, дана сво-

бода собраний, а между тем всякие собрания оцепляются войсками, данная свобода слова порождает цензуру, дана свобода науке, а университеты занимаются войсками. Словом все дано, а в действительности—нет ничего.

Октябрьская всеобщая забастовка началась с 8 октября и продолжалась в течение десяти дней. Стачка охватила всю сеть железных дорог, длиной свыше 40 тысяч километров, и с ни одним миллионом служащих и рабочих.

Стачечный энтузиазм волной катился по остальным рельсам и проводам во все концы России: на фабрики, заводы и через несколько дней, жизнь такой громадной страны, как Россия, замерла; телеграфные агентства забыли бесцветный язык и заговорили стилем военных реляций. Вскоре телеграф и почта также приостановили свою работу, проявляя свою лойяльность к всеобщей стачке.

Теперь уже окончательно страна сделалась мертвой, т.-е. готовилась к похоронам смердящего трупа царского самодержавия. Вот в этот то момент царское правительство, вместе со своими тронными владетелями, десять дней и придумывало для себя выход из создавшегося тупика.

Между тем железнодорожная и почтово-телеграфная забастовка ударила рекошетом заграничных экспортеров. С прекращением почтового и телеграфного сообщения коносаменты на грузы отправлений морем не могли попасть в руки грузополучателей.

Страшная паника охватила биржу. Никакого курса на акции не стало и биржа замерла. Отсутствовали покупатели и продавцы. Все это казалось благоприятствовало развивающейся Всероссийской стачке, ибо, кроме того, каждый новый день усиливал ряды бастующих.

Царское правительство, видя свое безвыходное положение, уже скомбинировало свой манифест о свободах и ждало момента; и момент 17 октября наступил; момент, когда революционный энтузиазм в рабочих массах достиг высшего апогея. Правительству делать больше было нечего, как обнародовать свой манифест, а результаты, как я уже говорил выше, не замедлили сказаться. Уступки железнодорожников и отказ от дальнейшей забастовки положили ослабление сил в рядах бастующих. Вскоре забастовка, таким образом, была прекращена и опомнившееся правительство стало проявлять свою реакцию в отношении рабочих; буржуазия об'единилась с правительством и начала систематически закрывать

фабрики и заводы. Сотни тысяч рабочих стали выбрасываться с фабрик и заводов. Буржуазия расчитывали голодного рабочего превратить в покорного слугу.

Петроградский Совет Рабочих Депутатов от 14 ноября по этому поводу выпустил следующее воззвание:

Граждане.

Более ста тысяч рабочих выброшено на мостовую в Петербурге и других городах. Правительство об'явило войну революционному пролетариату. Реакционная буржуазия об'единилась с правительством и намерена голодом заставить рабочих смириться и расстроить борьбу за свободу.

Совет Рабочих Депутатов заявляет, что этот невиданный расчет рабочих масс есть провокация со стороны правительства, которое хочет вызвать пролетариат Петербурга на одиночные вспышки и, таким образом, разбить нас по одиночке.

Совет Рабочих депутатов заявляет, что дело свободы в опасности. Но рабочие не поддадутся на провокацию правительства. Рабочие не примут сражение в тех невыгодных условиях, в которых хочет навязать им правительство. Мы должны приложить и приложим все усилия, чтоб об'единить борьбу всего Российского пролетариата и революционного крестьянства, армии и флота, которые героически поднимутся за свою свободу.

В Сибири, период октябрьской стачки, жизнь также замерла. Мы, сибирские рабочие. не отставали от своих товарищей Петербурга и так-же примкнули ко всеобщей забастовке. В эти дни мы находились на станции Тайга, где и работали не покладая рук, проводя безпрерывно собрания в мастерских и не теряя связи с углекопами Анжерских и Судженских копей.

Для постоянной связи нами был выделен дежурный паровоз, два раза рейсирующий в день.

Этим забастовочным движением у нас руководил Совет Р. Д. Вся организационная и агитационная работа вёлась студентом Томского Университета товарищем Писаревским, который в течение пяти дней беспрерывно проводил собрания в мастерских на станции Тайга, на Анжерских и Судженских копях. В последнюю ночь на копях, пред окончанием забастовки, он, разгоряченный на одном из многолюдных собраний, напился холодной воды от чего чрез несколько часов умер в мучительной агонии. Так погиб на своем революционном посту товарищ Писаревский, один из

крупных вождей сибирской железно-дорожной стачки 1905 года.

После смерти товарища Писаревского, нам пришлось выехать на лошадях в город Томск, так как, живя на ст. Тайга, мы не знали, что делается в гор. Томске и связь эту в 80 верст держали только на лошадях.

Город Томск в это время оказался самым крупным сибирским черносотенным гнездом.

Здесь, во главе всей черной рати, стоял черный ворон епископ Макарий, впоследствии митрополит Московский, и губернатор Азанчеев-Занчевский. У первого находилась в командовании черная сотня погромщиков, которую он благословил открыто с амвона и, во вторых, вся рясовая братия, ведущая везде погромные призывы с амвона и на улицах. Второй заправило Азанчеев-Занчевский командовал казачьей сотней, которая своими нагайками застегивала на смерть всех бунтарей и забастовщиков.

Вот те главари города Томска, руководившие в Октябрьские дни в 1905 году подавлением рабочего движения.

Будучи очевидцем зверской расправы этих погромщиков, привожу один из крупных фактов, имевших место в городе Томске.

22 октября, рабочие города Томска хотели продемонстрировать по городу свой протест по поводу погромной провокации черной сотни и казаков. С двух улиц приближались рабочие массы, по Почтамской и пересекающей ее улице, к Кафедральному собору, расчитывая манифестировать по Почтамской, как по главной улице и дальше. Но едва только они дошли до собора, как из церковной ограды собора раздались выстрелы, преграждая путь манифестации. С другой стороны улицы навстречу демонстрантам вышла черная сотня громил, вооруженная дубинами и чем попало. Дойдя до демонстрантов, яростно бросилась она на них, избивая их.

Один черносотенец на моих глазах ударил одного из студентов по голове, так что сразу у него мозги вылетели по сторонам. Пока на улице шла борьба, епископ Макарий с амвона благословлял во все услышание без жалости убивать крамольников, идущих с красными знаменами.

Манифестация не выдержала напора черных разбойников, так как манифестация была мирная и не охранялась боевыми дружинами, и начала отступать, а черная сотня

все яростнее и яростнее напирала на манифестантов. Окруженные с трех сторон манифестанты вынуждены были укрыться в каменном трехэтажном здании, что напротив собора, в управлении Томской железой дороги. В этот день как раз в управлении происходила выдача жалования и народу было больше, чем в обычное время, вследствие чего манифестанты смешались со служащими. Черная сотня в своей бешенной злобе бросилась преследовать загнаных бунтарей, но манифестанты поднялись во второй этаж, а входы загородили баррикадами и доступ погромщикам и убийцам черной сотни был закрыт; видя такой оборот, черная сотня в своем зверском исступлении всю мебель нижнего этажа собрала в кучу, облила керосином и подожгла.

Скоро громадное здание было охвачено огнем. Наступил дикий страшный час.

Рабочие революционеры, очутившиеся в западне—горящем здании, метались во втором и третьем этажах, бросались в окна, лезли по водосточным трубам, спасаясь от страшной смерти.

Но спасаясь от огня, спускаясь по водосточным трубам они падали сраженные пулями, стрелявших по ним солдат.

Среди засевших революционеров были и женщины.

Такое расстреливание людей, спасавшихся от страшной смерти сгореть в огне пожара, происходило на глазах епископа Макария.

Когда весь дом был об'ят пламенем, да и не только в этот момент, а еще даже после пожара спустя несколько дней, в воздухе пахло человеческим жареным мясом.

Более 200 человек погибло в этом огне и очень небольшая часть лишь могла спастись случайно, которая укрылась внизу в подвале.

Представляя такую картину страшного зрелища, можно ли хоть на минуту сомневаться в предательстве в то время Томских отцов церкви. Костенеет язык передать роль разбойников-палачей служителей церкви, особенно главы церкви Макария, который, выполняя роль деспотического палача под скипетром главы православной церкви, залил рабочей кровью улицы города Томска. Я слышал после этого его на Анжерских копях, после подавления уже забастовки, куда приезжал этот палач в своей шапке с бриллиантами и говорил с амвона, что те, кто идет и шел

против царя и начальства, то те люди есть подколодные змеи и что эту крамолу нужно уничтожать в корне, как это с его благословения уничтожено в городе Томске.

Вот одно из обращений епископа Макария, напечатанное в „Церковных Ведомостях“ 1905 году в г. Томске.

...Об‘единимся около матери нашей—земли русской, твердо оберегая древние устои ее: православие веры, самодержавие царя и единство народной жизни.

„Бойся царя и Бога“ и будет тебе повсюду дорога. Таков завет русской старины.

„Бойся, сын мой, Господа и царя“. С мятежниками не сообщайся (Причт. Солом. 24, 21). Так повелевает нам и мудрость Израильского мудреца.

Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! Да оживет древняя „Святая Русь“ и побегут от лица его ненавидящие ее, да исчезнут они с лица земли русской, как исчезает дым. Как тает воск от огня, так да погибнут грешники-мятежники земли, а праведные сыны церкви, истинные дети земли, да возвеселятся перед Богом. Наше знамя, наша хоругвь, вера православная, царь Самодержавный и Русь единая, неразде ьная. Умрем за это знамя, за эту хоругвь, но никому не отдадим их. В этом да поможет нам Бог. Макарий епископ Томский.

Вот до какого опьянения и абсурда доходили тогда служители церкви, неся полицейскую и жандармскую службу Государству.

Гнуснее и подлее есть ли еще какая провокация на земном шаре?.

Мы скажем—н е т.....

Такие палачи, подобные Макарию, за ревностную службу, якобы церкви, производятся в высшие чины. Так Макарию, Московскому митрополиту стоило несколько сот жизней революционных борцов города Томска в те жуткие октябрьские дни 1905 года, чтобы стать митрополитом.

Вот как составляли себе карьеру служители алтаря, переходя через гору трупов к своим золотым и бриллиантовым шапкам.

После всех тяжелых пережитых дней в городе Томске, я выехал на станцию Тайга, где уже забастовка приходила к концу. Здесь все наши протесты о непрекращении забастовки и о дальнейшем развитии революции, были гласом вопиющего, ибо мы были неправы, так как действительные условия говорили свое и одна ласточка не делает весны.

Тяжело было до горечи, но отступать надо было.

И несмотря на то, что поезда уже пришли на станцию с запада и востока, станция Тайга еще держалась. Были взвешены все обстоятельства и учтено, что дальнейшее сопротивление для нас является невозможным. Общим собранием решено было после этого присоединиться к ликвидации забастовки.

Характерным явлением, помню, было то обстоятельство, что уже на последнее собрание пришел жандарм, чего раньше он не мог сделать, и заявил, что если добровольно мы не прекратим забастовку, то это заставят сделать силой оружия.

Наметив дальнейшую ориентацию, и спасая передовых товарищей, мы забастовку прекратили.

Касаясь других мелких явлений 1905 года в Сибири, остановлюсь на Красноярской Республике. Город Красноярск, по своей революционности в то время являлся революционной колыбелью Сибири.

Естественно, что обнародованный манифест не мог примирить революционных красноярцев и с появлением его они еще больше усилили демонстрацию и обязательные забастовки против него. Но и здесь нашлись провокаторы, враждебно относившиеся к забастовкам, и ими были устроены провокации; так во время одной демонстрации, произошло столкновение, где было убито несколько человек. Всеми забастовочными движениями здесь руководил забастовочный комитет, избранный 5 ноября на митинге. С объявленной забастовкой оказались солидарны почта и телеграф.

Сибирская железная дорога в это время без разрешения стачечного комитета не отправляла ни одного поезда и Красноярск, таким образом, оказался отрезанным от всего остального мира, но революционный Красноярск не падал духом.

20 ноября на митинге в железнодорожных мастерских ясно вытекло, что власть надо захватить в руки рабочих. Офицеры гарнизона Красноярска, верные своему царю, услышав об этом, ополчились на губернатора за его бездействие против революционеров. Во главе этого офицерства стал полковник Казерацкий, который и арестовал губернатора, но на помощь губернатору во время пришел войсковой наряд и его место на гауптвахте занял полковник Казерацкий.

С каждым днем революционный порыв захватывал массы города все больше и больше.

Началось наблюдаться разложение среди солдат и офицеров. Вскоре, на митингах выступали уже солдаты и офицеры присоединившихся частей и сочувствующих. В конце концов получилось полное общение солдат с революционными рабочими железных дорог: в железнодорожных мастерских, как например 3-й железнодорожный баталион и 3-й Сибирский запасный баталион открыто высказались за присоединение к революции Части эти проходили с театра военных действий и в городе Красноярске пред'явили ряд требований военному начальству, заявляя, что дальше двигаться не будут; военное начальство, видя такую опасность, немедленно удовлетворило их требования и отправило дальше.

Революционная волна всколыхнула также казаков, в частях которых произошли волнения, так во втором железнодорожном баталионе, который перешел на сторону рабочих железнодорожных мастерских.

Революционность воинских частей расла с каждым днем.

На одном из митингов, 6 декабря, вооруженная масса солдат с красными флагами об'явила свое полное единение с рабочими. Появление такой опоры придало восставшим еще больше сил Здесь же было решено захватить власть в свои руки и создать временное правительство.

9 декабря, громадная масса солдат всех частей и рабочих разоруживала полицию и жандармов, а 10 декабря город оказался уже во власти революционеров. Во главе стал прапорщик Кузьмин, студент-технолог из второго железнодорожного баталиона. Революционеры, захватившие власть по городу, установили свой порядок, так сорганизовалась милиция, установилось военное патрулирование, началась издаваться газета „Красноярский Рабочий". Таким образом вся царская власть в городе Красноярске перешла к республиканцам и продолжала свое существование до 2 января 1906 года.

Красноярская республика без боя не сдала своих позиций, а умерла с достойной честью революционера. Обеспокоенные Красноярской республикой, царские власти бросили военные силы для ее ликвидации. Город Красноярск занимается войсками и об'является на военном положении. Временным генерал-губернатором назначается гене-

рал Редько. Вступив в свою должность, он тут же принялся энергично за ликвидацию республики. Оставшиеся революционеры солдаты и вооруженные железнодорожники, ввиду ожидавшегося начала правительственных действий, укрылись в сборно-паровозном здании железнодорожных мастерских. Здесь они забаррикадировались старыми вагонами, паровозами, колесами и так далее. Утром, 2 января правительственные войска открыли по засевшим революционерам пулеметный огонь, на который засевшие отвечали также выстрелами из револьверов и ружей. Вечером с осажденными правительственные войска начали переговоры о сдаче. Переговоры в этот день не привели ни к каким результатам и закончились к 12 часам дня 3 января. Осажденные, видя, что всякое сопротивление бесполезно перед многочисленным и хорошо вооруженным противником и что, кроме того, отсутствие продовольствия и воды не дает им возможности противостоять осаждающим правительственным войскам, решили сдаться. Здесь сдалось около 180 человек солдат железнодорожного баталиона, свыше 250 человек рабочих и свыше 20 человек женщин. Сдавшиеся были обезоружены и арестованы; под строгим конвоем они все были посажены в тюрьму, а прапорщик Кузьмин—душа Красноярских революционеров временно скрылся. Сдавшиеся были преданы военному суду, который приговорил многих к смерти, а иных к пожизненной каторжной работе, как впоследствии задержанного прапорщика Кузьмина. Так закончилось недолгое существование Красноярской республики.

С ликвидацией Всероссийской Октябрьской забастовки, царское правительство ожило. Начался разгром всех рабочих организаций, аресты, карательные отряды, пытки и расстрелы без суда и полный произвол всех таких экспедиций. Происшедший разгром по своим размерам был колоссальным Этим разгромом, по свидетельству министра юстиции; были уничтожены следующие организации: в Двинске и Бобруйске. Здесь же были взяты типографии от разных социал-демократических групп и арестовано 18 человек активных руководителей Двинского комитета. среди них, Юрий Фридланд, Исаак Историк, Самуил Коварский, Альберт Сливкин, Симх Шкудович.

В Екатеринославле. на собрании было задержано 9 революционных деятелей и среди них отказавшийся назвать себя, а впоследствии назвавший себя Виктор Зановский.

В Казани, 15 марта, у соединенной группы взят мимиограф, гектограф, революционное издание. Арестовано пять человек. 27 июня взята типография Казанского комитета, а 6 июля взят склад изданий в несколько тысяч экземпляров. В Кишиневе 5 апреля взята типография одесской группы тысячи экземпляров воззваний, взята печать и арестовано 4 человека.

В Киеве 10 марта в квартире Леонтьевых взят транспорт социал-демократических изданий и арестован Розенфельд. 22 марта арестовано 22 человека взята типография и 8 тысяч отпечатанных воззваний в квартире повивальной бабки Бетей-Софья. 15 сентября арестованы на собрании 38 человек всех районов Киевского комитета, собравшихся для выборов членов комитета: взята печать гектограф и мимиограф.

В Моске 29—30 апреля арестовано 30 человек. 27 у почтово-телеграфного чиновника Виктора Муравьева захвачены за работой заграничного транспорта 4 человека. В магазине Ланиной найдены нелегальные издания, арестован крестьянин Кулинич, дочь священника Вера Предкова, мещанка Вешковская, студент Денбо. 25 июля арестованы видные деятели: дворянин Рыковский, мещанин Холпочихин, зубной врач Амалия Рубинович, купеческий сын Абрам Германт. 15 августа взята типография московской группы печатавшая газету „Московские рабочие"; арестовано 2 человека.

В Нахичиване 15 марта взята типография: арестовано пять человек; отобрано 1500 экземпляров воззваний„ арестовано 9 человек.

В Нижнем-Новгороде 8 июля, взята типография Нижегородского комитета; арестовано пять человек.

В Ново-Зыбкове 1 марта обнаружена тайная типография Полесовского комитета.

В Новороссийске арестовано пять человек; взята типография Кубанской группы.

В Одессе 8 июля, взята типография Петроградской группы, Центрального комитета ВКВ у зубного врача Хансар-Кафьян. 6 и 7 апреля взяты три типографии; кроме того две комитетских, устроенные студентом Александром Заболотским, у студентов Петра Кирапса и Константина Жерновицкого; все арестованы. 15 апреля арестовано 20 человек в квартире Чеховского члена боевой дружины. 17 июля

арестовано 17 человек активных деятелей Петроградского комитета (большевиков)· Анна Маркевич, Александр Гусаров, Николай Челеликин, Николай Багланов, рабочий Романов, Сверчков, Севелькин, Сергей Цедербаум.

Кроме того, в Петрограде взято еще шесть типографий и сотни тысяч экз. революционной литературы; 12 транспортов и арестовано до 1500 чел.

В Самаре 24 июля взята типография и много подложных паспортов; арестовано два человека.

В Саратове взята типография местного комитета с набором первого номера газеты „Пролетарская поробка". арестовано три человека.

В Тифлисе взята типография, арестованы: Хелат, Кахечадзе, Габун.

В Харькове, 19 августа, в квартире студента Николая Трапезникова найден типографский шрифт; Трапезников арестован.

В Ярославле, 2 августа в аптеке Маргони взята хорошо оборудованная типография центрального комитета; арестован Давид Либерман, его жена, сын и Корасев.

Всех по России арестовано в 1905 году 72,000 человек и расстреляно по приблизительным подсчетам карательными экспедициями без суда и следствия до 400 человек и забито по тюрьмам, по грубым предположениям, до 200 человек.

В Сибири ликвидация закончилась карательными экспедициями по железным дорогам Меллер-Закомельского, а по Забайкальской дороге генерала Рененкамфа. Прибывшие в Сибирь каратели тотчас-же приступили к своим обязанностям. У себя в поездах они чинили и суд и расправы; тутже в вагонах у них были виселицы. Как только эти экспедиции прибыли в Сибирь, нами была организована боевая дружина, в задачу которой входило—пустить их поезда под откос или взорвать. Генералы, узнав об этот, стали возить по 200 человек заложников, видных руководителей движения и на случай, если будет сделано хотя малейшее покушение или проявятся признаки на покушение, об'явили, что 200 человек заложников будут немедленно расстреляны или повешены. Вот как охраняли себя эти кровавые генералы, помимо того, что их оберегала жандармерия. Учиненным их судом из мастерских станции Тайга было административно выслано до 60 человек; в Красноярске около 200 человек, в Омске из мастерских до 160 человек, из Петров-

ского завода, в Чите, было выслано до 200 человек, а расстреляно 6 человек и на разных станциях по Сибири, по неточному предположению, до 175 человек.

Так было ликвидировано движение рабочих в Сибири в 1905 году и кончая 1908 г. В 1907 году мне снова была возможность устроиться рабочим на Анжерских копях, где нужна была вновь усиленная работа после разгрома всех организаций. Многочисленная эмиграция заграницу товарищей ослабила революционную работу, а потому нужно было поставить работу в новых условиях тактики, об'единяя рабочих с беднотой деревни; такова была цель моей работы на Анжерских копях. Однако здесь проработать мне не пришлось долго, так как смотрителем зданий был один бывший жандарм который узнал меня и мне пришлось в 24 часа удрать на Чулым в глухую деревню

В 1908 году. я снова вернулся на Анжерские копи, где спокойно мог проработать шесть месяцев.

В 1911 году, живя в Чите, мне пришлось заняться агитацией среди солдат нескольких полков, стоявших в лагере. Цель этой пропоганды — бросить служить царскому правительству и стараться как можно быстрее разложить гнусную дисциплину, которая уже пошатнулась в 1905 году, а теперь офицерство с новой злобой пыталось восстановить ее. Агитация проходила с явно ощутительным результатом, так из одного полка разошлось солдат или, вернее, бежало солдат до 30 проц. Всем мы им выдавали документы и давали возможность бежать и укрыться. Таким образом, когда начали таять полки, стоящие в лагерях, военное начальство поторопилось сняться с лагерей раньше времени, опасаясь чтобы не разошлись все 100 проц. В общем с 1905 года солдаты сразу шагнули вперед, и вера в царя была поколеблена навсегда.

После этой Читинской операции, которая вызвала со стороны власти ко мне подозрение, мне пришлось бежать на Амур.

Как только вскрылась река Шилка и верховья Амура — мы 6 человек, в небольшой лодочке, вслед за ледоходом пустились в этот опасный и рискованный путь.

Свыше 600 верст проплыли мы таким путем, подвергаясь часто голоду и смерти, но революционный дух и сила рабочего переносят все ужасы обыденной жизни. Красивая

живописная местность одухотворяла наши идеальные революционные стремления.

Вспоминается береговой тракт „Семи грехов“, проходящий по совершенно безлюдной местности.

Здесь, в былое время, небезопасна была эта дорога, о которой сложились теперь целые легенды о сказочных разбойничьих шайках, не дающих проходу ни конному, ни пешему... Много скрывают хребты в себе вековых тайн, тайн своих ущелий, где водится большое количество диких коз и разного зверья, да изредка показываются кочующие племена манегров.

У станции или пристани Горбицы, где река делает крутой поворот от Горбицы, этой последней постовой стоянки, есть те „Семь грехов“, которые каждого проезжающего в этих горах погружают в сказки и легенды; в этом крутом повороте Амура среди самого русла стоит камень, выходящий своей острой головой на поверхность воды. Этот камень называется жителями „Небеспечальным камнем“, т. к. много разбивается здесь о него барок, плотов и барж, назван „Небеспечальным камнем“ подводный утес потому, что заставляет печалиться многих проезжающих с плотами и баржами во время проезда. Здесь, в этом крутом повороте река становится шире и приобретает настолько быстрое течение, что малейшая оплошность лоцмана всегда грозит потере всего того, на чем вы едете. Можно предполагать, что этот камень есть большая береговая скала, которая была подмыта водой и затем рухнула в реку и оказалась посреди реки как злой дух, заставляющий трепетать каждого проезжающего на лодке, барже и барках. При приближении к этому камню у всех замирает дух и только, когда проплывают его, только тогда раздается облегченный вздох—что „Семь грехов“ окончились.

Три дня почти уже на лодке мы были голодные. Наступил канун Пасхи.

В деревне останавливаться наша лодка не всегда решалась. Несколько товарищей были совсем без документов и явиться так для нас было рисковано...

Золотилось весеннее солнце, близкое к закату. Утомленные, мы решили остановиться на ночевку на безлюдном берегу Амура, куда и причалили свою лодку и высадились. К нашему счастью, недалеко от берега оказался шалаш пастухов или рабочий кров. Чудный предпраздничный вечер

пурпурного заката не убаюкивал всех нас скитальцев, не евших уже трое суток. Ничто не могло нас развлечь: ни тихое журчание бьющего ключа вблизи нашей ночевки, ни тихий плеск красивых вод Амура, ни пейзажи берегов реки; ничто нас не могло прельщать; все были угрюмы, всех давила тяжелая дума—как-бы достать себе хоть что-нибудь перекусить, но незнакомые для нас места не давали нам никакой ориентации как быть и как выйти из этого положения Вдруг вырвался у всех крик радости: взоры товарищей были обращены к лесу, откуда выходило небольшое стадо коров... Чтобы избавиться от голода, мы решили приколоть одного небольшого бычка: один из товарищей оказался искусным мясником и не прошло часа как уже в двух котлах варилось свежее мясо и на второе блюдо жарились почки...

В 1912 году, при своем возвращении из Николаевска на Амуре, в Хабаровск, я был задержан и арестован сыскным отделением, как однофамилец своего племянника, одного из членов той боевой дружины, которая была в 1905 году направлена против генерала Рененкампфа. Благодаря большим связям в Хабаровске, вскоре я был освобожден, после чего я уехал во Владивосток...

В последние десять лет до Европейской войны, Владивосток являлся крупным пунктом сосредоточения рабочих масс. Помимо портовых работ-рабочую силу в летнюю пору сосредоточивала еще и Владивостокская крепость своим спросом на рабочие руки в летнюю пору по ремонту. Едва только наступал зимний период, рабочие попадали в чрезвычайно тяжелое материальное положение, ибо работы в местной крепости приостанавливались и десятки, сотни, тысячи рабочих раскидывались и выбрасывались за борт. Концентрируясь в зимний период безработные рабочие образовывали компактные спаянные группы. Мне также пришлось прожить в одной из таких групп во Владивостоке, где я видел все ужасы голодающих рабочих; здесь можно было встретить всех профессий физического и интеллигентного труда. Все они имели одну мысль, как-бы найти себе службу и работу, лишь-бы иметь кусок хлеба.

Жить приходилось в день на три копейки нескольким рабочим, питаясь китайскими пельменями, а иногда и совсем голодая. Здесь рабочие в расцвете сил, все желают

работать, продать свой труд, но никто его не находит. У всех ясно накипает день ото дня злоба ко всему порядку.

Да и как не негодовать, когда все хотят честного труда и не находят его; все хотят избегнуть голода и никто им в этом не хочет помочь потому, что все власти глухи к стонам рабочих, власть сыта, а об умирающих с голода не хотят и слышать.

Кто испытал эти переживания, никогда не сможет забыть той злобы и ненависти к буржуазным паразитским правительствам. Все, кто из пролетариев опускался в эту бездну трущоб, и прошел горнило всех испытаний и ужасов безработицы, нищеты и голода тот выходит оттуда сильным закаленным борцом за жизнь и свободу Слабые натуры не выдерживают этого жизненного экзамена, свихиваются и погибают на своем жизненном полпути, посылая всем и всему и дню своего рождения проклятья.

Так много погибло товарищей во Владивостокских трущобах от невыносимых условий жизни, какие создавала царская власть.

В 1913 году мне удалось устроиться на Сучанские каменно угольные копи. Через некоторое время меня администрация взяла под подозрение и замечание о моей лойяльности к рабочим, так как в это время я был, в некотором роде, администратором, дававшим рабочим зарабатывать высокие ставки.

Вся эта сумма причин вызвала меня на личное столкновение с начальником копей Мурзаковым, старым царским инженерным генералом, который в 24 часа отдал распоряжение убраться мне с Сучанских копей. После изгнания мне пришлось вернуться в деревню, в 30 верстах от Владивостока, где я и занялся крестьянством. Здесь я расчитывал найти тихую пристань после 20 летнего изгнания и скитания по Сибири и заграницей: в Японии, Китае, а во время пребывания на Кавказе и в Персии, и Армении и вообще после долголетнего мытарства.

В этих живописнейших горах, где еще остались древние развалины крепостей, живших ранее несколько веков назад жителей желтой расы „ХОДИ“, а может быть Ярбо (корейцы), которые и теперь заселяют все долины этого хребта Сихота-Алин, идущего из пределов Китая и уходящего далеко за бухту Святой Ольги и Тетюхе.

В одном из ущелий этих гор, мне пришлось и прожить полтора года; здесь в этих, большей частью необитаемых горах, где водятся медведи, дикие козы, кабаны, а дальше на север и тигры, нагоняющие страх на жителей.

Во время лета вы чувствуете себя как в сказочных тропических странах, той легендарной Ост-Индии, где в прибрежной полосе моря достаются с морского дна драгоценные жемчуг, кораллы. Так и здесь, в вечно дремлющих и спящих под палящим огнем солнца высоких сопках хранится очень много волшебных и сказочных феерий. Каждому проходящему здесь путнику, вся эта картина красивейших местностей в горах Сихота представляется волшебною и заманивает сюда часто охотников, обещая им при удаче хороший заработок на срезывание понтов и отыскание волшебного корня Чан-Чун и Жень-Шень. Здесь же, в этих глухих сопках в более отдаленных местах, также иногда незаметно, где либо в густых зарослях, прячется фанза, принадлежащая какой либо шайке хунхузов, занимающейся грабежами и набегами на проходящих и проезжающих, где наблюдаются не только грабежи, но и по прилегающим здесь дорогам практикуется довольно часто увод заложников, родственников, богатых купцов и деревенских кулаков, за которых они получают солидный выкуп.

Вообще здесь, в этом причудливом и местами глухом Сихота-Алине много есть странного и непонятного.

В таких разнообразных условиях я прожил полтора года, избегая мобилизации, и последняя в 1916 году мобилизация все-же взяла меня, хотя как и негодного для строевой службы. Эпидемия милитаризма достигла в это время высшего апогея и люди брались без всякого разбора: горбатые, слепые, хромые и даже с одним глазом.

Был февраль месяц 1917 года. Солнце все выше с каждым днем поднималось по небесному своду; лучи его все теплее лились на столицу Сибири, а тучи все сгущались над отживающей царской Россией. Я помню день 28 февраля, когда после молитвы скомандовали нам „направо", где на стене висели портреты самодержавных величеств и наследника престола, которые все еще по царски глядели на нас. Раздалась команда „смирно", мы должны были пропеть гимн, но солдаты все молчали. У всех не шевелился язык. Дежурный офицер, видя такой крутой

поворот солдат, изменил свой начальнический тон и любезно пытался агитировать, что царь есть, что царь нужен и так далее. Но всей этой посуле никто не верил.
Я вышел из шеренги и сказал офицеру, что если еще он одним словом обмолвится и будет здесь агитировать солдат о верности преступной присяге, то немедленно будет арестован.

Такой оборот дела „Его Благородию" пришелся не по вкусу и он быстро ретировался и исчез, после чего его никто ни разу не видел. Солдаты вернулись к своим винтовкам и больше уже никого не допустили из своего командного состава всех тех, кто был не с нами.

Так мы были у преддверия Февральской революции и так готовились отразить всякую попытку царских генералов и офицеров, еще не вполне понимающих надвигающиеся, развертывающиеся события против буржуазной революции.

II

1 Марта, 1917 года, из 10-го нашего полка отобрали 600 человек квалифицированных шахтеров для посылки на работу в Черемховские копи

В это число рабочих шахтеров, подлежащих откомандированию, попадаю и я.

Обстоятельства развертывающихся революционных событий заставляли меня не противиться отправке на копи, т. к. в этой командировке я видел, что очутившись среди близких мне по духу товарищей-шахтеров, я смогу поработать в политической области.

2 марта, в день нашего от'езда, в 10 часовъ утра было назначено полковое собрание.

Собрание это было у нас первое, с момента падения самодержавия, а потому интересовало всех.

На площади. против полковой канцелярии, где должно было быть собрание, шли к нему приготовления,—воздвигалась трибуна, украшалось красными флагами и т. д.

Все ждали с нестерпением услышать впервые открыто запретное о свободе.

В день собрания, с раннего утра, как в светлый праздник, солдаты были оживлены. Шли неугомонные разговоры и споры о царе, о свободе и т. д.

К 10 часам, небольшая площадь собрания была уже застлана морем солдатских рубах.

Ждали начала . . . .

Вот загудел и автомобиль и к месту собрания подкатили местные заправилы—эсэров.

Приехали: Апполон Кругликов, впоследствии краевой комиссар, Краковецкий, впоследствии командующий войсками при Иркутском Военном Округе.

Едва только прибывшие поднялись на трибуну, как плотное кольцо собравшихся еще теснее сжалось около них и замерло.

Первый выступил Кругликов, а затем Краковецкий.

Много и долго говорили они. Говорили о падении самодержавия, о до революционной тяжелой жизни вообще, а в частности о крестьянстве и т. д. В общем, все сводилось к земщине. Рабочий вопрос они здесь не затрагивали, а поэтому и получилось, что начали о здравии, а кончили за·упокой, т. к. солдаты нашего полка в большинстве были рабочие; естественно, что и интересы им были ближе рабочие, а не крестьянские

Того многого, что они думали услышать на этом собрании, они не услышали.

Самым больным вопросом рабочего, как солдата, являлся вопрос о войне. Они думали услышать, что скоро будет конец войны и все они, наконец, смогут отдохнуть, разойтись по домам. Однако, эти сокровенные мысли рабочего солдата оказались обойденными.

В тяжелом раздумьи разбрелись солдаты по казармам. Они не понимали в чем же вся сила. В их представлении революция и падение самодержавия должны были дать им сразу облегчение и роспуск по домам.

Долго еще потом, после собрания, солдаты вели между собой гадательные разговоры, проявляя неудовольство.

3 марта, все мы откомандированные 600 человек прибыли в Черемхово, к месту своих работ.

Здесь нас распределили по рудникам.

Я попал на Рассушинский рудник.

Поработать шахтером, однако, здесь мне пришлось недолго.

С каждым днем между рабочими, эсэрами и меньшевиками, руководившими советом,.образовывалась все шире и шире щель. Рабочие, видя заигрывания Совета с копевладельцами, не могли примириться с этим, почему с каждым днем росли среди них массы недовольных.

С этими недовольными был и я. Левые мои взгляды, как их в то время называли эсэры и меньшевики, выдвигают меня от нашего рудника в кандидатуры члена Черемховского Совета. Кандидатура моя одобряется и меня избирают членом совета.

Я первый, таким образом, явился в Совет действительным выбранным самими рабочими.

В Совете в это время, вершителями всех дел, были меньшевики и эсэры.

Очутившись среди этих, далеких и чуждых нам рабочих партий и ясно представляя свое положение в совете, я твердо становлюсь на свою точку зрения, точку зрения товарищей шахтеров, пославших меня в Совет для действительной защиты их прав.

Меньшевистская братия, не зная моих полных политических убеждений, пытается меня обратить в члены своей партии, но все их попытки остались только попытками, т.-к. рабочие не торгуют своими классовыми убеждениями.

Между тем, мое пребывание в Совете находит все больше и больше сторонников моих взглядов среди беспартийных.

Вскоре я занимаю в С вете центральное место.

Надо сказать, что среди всех бывших здесь политических групп, хотя и существовало деление, но какого либо большого антоганизма между ними не было, т. к. все были охвачены одним революционным порывом.

В апреле, Совет Р. Депутатов посылает меня постоянным представителем в районную примирительную камеру.

Здесь впервые происходит раскол между партиями и мной, как представителем левого крыла рабочих.

Зная цели примирительной камеры и не питая к ней своих симпатий за ее роль, как соглашателя, я, несмотря на это, в интересах товарищей вхожу в нее членом.

Едва только стали проходить первые угары медового месяца революции, как копевладельцы мало по мало начали наседать на рабочих, пред'являя к ним всевозможные требования. Между рабочими и хозяевами появились трения, а затем и конфликты. Все эти возникающие спорные вопросы шли на разрешение в нашу камеру.

Здесь то и пришлось увидить, с кем идут эсэры и меньшевики.

Большая часть примирительной камеры состояла из таких „социалистов“ и незначительная лишь часть членов примирительной камеры состояла из беспартийных, держащих уклон влево.

Все наши сремления—сделать примирительную камеру об'ективным судьей, вырешителем при разрешении тех или иных конфликтов—кончались ничем, и победа всегда, при поддержке эсэров и меньшивиков, оставалась за хозяевами, копевладельцами.

Такое гнусное предательство именуемых „социалистами“ вызвало во мне необходимость отказаться в дальнейшем от

участия в примирительной камере. Класть на себя черное пятно предателя я не мог. О своем выходе и причинах его я заявил оффициально Совету, примирительной камере и товарищам, избравшим меня в Совет.

После моего выхода из членов примирительной камеры и посвящения товарищей о всех работах эсэров и меньшевиков в Совете и в примирительной камере, среди последних вырастает оппозиция еще больше.

Теперь уже растет неприязнь не только к примирительной камере, но и к Совету.

Между тем трения между рабочими и копевладельцами не затихают, а, наоборот, принимают еще больше массовый характер.

С каждым днем растет число конфликтов, а с ними и число нашей оппозиционной силы.

Вскоре к нашей оппозиции, руководимой мной, примкнул почти весь Черемховский район.

В Совете и в примирительной камере зарождаются некоторые опасения, но что либо против они предпринять не решаются.

Оппозиция с каждым днем все расла и расла.

Примирительная камера с председателем Ольховским—меньшевиком продолжает разрешать целый ряд конфликтов не в пользу рабочих, так не устанавливает удовлетворяющих ставок прожиточного минимума, над которым камера работала два месяца и конкретно разрешить этот вопрос не смогла.

Выведенные из терпения долгой процедурой примирительной камеры, рабочие готовы были об'явить забастовку.

Я же учел нецелесообразность готовящейся забастовки, на которой мы, рабочие только можем проиграть, взялся предотвратить ее.

Для предотвращения ее, я взял на сабя инициативу диктовать все требования рабочих примирительной камере и, при неразрешении примирительной камерой тех или иных вопросов, я ставил ей на вид разгон настоящего состава примирительной камеры и переизбрание.

Противники—эсэры, меньшевики и копевладельцы, предвидя для себя не весьма хорошие последствия, решили меня с Черемховских копей убрать. Пока шли решения и перерешения в примирительной камере всех пред'явленных

конфликтов рабочими, военными властями отдается приказ о моем аресте и препровождении меня в гор. Иркутск.

Начальник гарнизона, боясь самых неожиданных сюрпризов со стороны рабочих за мой арест, арестовать меня не решился, а предложил мне отправиться в Иркутск самому, тем более, что товарищи, узнав о намерении меня арестовать, заявили через своих представителей начальнику гарнизона, что арестовать меня они ни в коем случае не дадут. В случае же моего ареста, они грозили своими выступлениями. Одновременно с этим среди рабочих возникает мысль и о захвате копей в свои руки.

Однако наличные обстоятельства пока говорили о необходимости воздержания от приведения в исполнение этого—выступать я не советовали, но предложил несколько выждать, сам же с девятью делегатами, по одному от каждого рудника, отправился в гор. Иркутск.

Город Иркутск, являясь местом долгих лет ссылки политических, в это время представлял крупное гнездо эсэровщины и меньшевиков...

В гор. Иркутске мы увидили, что медовые месяцы Февральской революции здесь еще не окончились.

Опьяненные наступившей свободой и сладкими речами господствующей братии в Иркутске, рабочие города продолжали делать митинги и говорильню, не заглядывая вперед, что может случиться от этого.

Такое явление нас, рабочих черемховцев поставило в тупик, но не растеряло.

Наша твердость в своих взглядах стала еще крепче.

Мы, все прибывшие, направились в иркутский военный совет.

В Совете, среди вопроса о моем возвращении на Черемховские копи, нами выдвинулся еще вопрос и о передаче Черемховских копей в наши руки, руки рабочих.

Естественно, наше неожиданное требование о передаче копей в наши руки, Военным Советом было отклонено под различными предлогами, а мне, как главному виновнику, было категорически запрещено выезжать в Черемхово.

Делегаты ответом не успокоились и заявили иркутскому Совету, что если меня не возвратят на Черемхово, то они не дадут ни одного фунта угля сибирской железной дороге.

Ультиматум делегатов заставил Совет призадуматься, а затем изменить свое первоначальное решение о моем недопущении в район Черемхово.

Для расследования же моих дел в Черемхово была ими командирована военная следовательная комиссия. В результате, удовлетворенные, мы возвратились в Черемхово...

Не безинтересно, кстати, вспомнить одно весьма поучительное и характерное явление, в подтверждение именно общей спайки буржуазии, эсэров и меньшевиков.

Происходила одна крупная манифестация, устраиваемая эсэрами и меньшевиками для поддержания войны с Германией.

С красными флагами, революционными песнями шли манифестанты—эсэры и меньшевики, а рядом под их знаменами шли все крупные копевладельцы, как П. Щелкунов и другие, подтягивая революционную песню: „Долго в цепях нас держали, долго нас голод томил и т. д.“, а сами с самодовольной лукавой улыбкой поглядывали на рабочих, случайно очутившихся тут, то на своих лакеев—эсэров и меньшевиков.

Очевидно искушали меньшевиков и эсэров на „мужеловство“ для заключения с ними навсегда брачного гражданского союза, что впоследствии и подтвердилось на Московском государственном совещании, между Церетелли и Рябушинским...

С нашим возвращением на копи, атмосфера еще больше сгустилась.

Местные противники подняли тревогу и стали всячески науськивать на меня рабочих.

Одновременно же шла и работа прибывшей военной следовательной комиссии.

А грязь лилась и лилась...

Иркутск от наших противников не отставал.

Заправилами там в это время были: А. Кругликов, краевой комиссар, Краковецкий, командующий войсками, Тимофеев—почты и телеграфа, Яковлев, председатель земской управы, а в последствии при Колчаке—управляющий губернией, Петелин, инспектор училищ, Самойлов, Трифанов, Константинов и другая меньшевистская и эсэровская „братия“.

Все они являлись членами Дальневосточного бюро, как высшей краевой власти...

Неопределенное создавшееся положение на Черемхово, в связи с следствием военной следственной комиссий мало по мало начало близиться к развязке. Шахтеры все больше осознавали с каждым днем необходимость захвата власти в свои руки, а вместе с этим и прояснилась причина для них тех нападков, какие были направлены против меня...

В Иркутске же кампания злобствования на Черемховцев не уменьшалась; травились и науськивались рабочие, ибо Иркутские заправилы увидели в черемховцах первый оплот зарождающегося рабочего движения угрожающий их благополучию.

Но ничто не могло поколебать рабочего черемховца. Все провоцирования иркутян свелись к нулю, т. к. присланная военная следственная комиссия закончила свои работы в Черемхово и об'явила, что я стою на стороне пролетариата, защищаю его интересы и все нападки на меня и углекопов черемховцев ложны, и что для моего удаления с копей нет никаких оснований, тем более, что от малого до старого все шахтеры стоят за меня.

Иркутским заправилам это пришлось не по вкусу и они еще яростней повели свои наступления на черемховцев, но убрать меня с копей не решались.

Черемховцы—углекопы также не дремали и еще плотнее сомкнули свои революционные ряды, готовясь для активной атаки на соглашателей. А для тех, которые были против, для них готовилось хорошее средство—собачий ящик. Несмотря на явный перевес на нашей стороне, при всяком удобном случае эта гидра давала себя знать; так в июле, когда из Америки широкой волной в Россию через Дальний Восток полилась эмиграция. большая половина ее остановилась в Черемхово. Эмигранты эти в большинстве своем были анархистами и, очевидно, расчитывали здесь на благоприятную почву для анархии.

Эсэры и меньшевики, когда узнали о концентрации эмигрантов анархистов на Черемхово, были страшно обеспокоены и подняли сильную тревогу. Все лучшие меньшевистские и эсэровские силы командируются из Иркутска на Черемхово. Даже, помню, в том числе был с меньшевиками Я. Шумятский, выступивший вместе с ними.

Местные черемховские эсэры высылают вооруженных солдат для ареста анархистов, но я этого не допустил, за-

являя им, что пусть будет свобода слова и рабочие не маленькие дети и разберутся, с кем у них дорога.

Страх эсэров за свою власть охватывал все более и более. В июле, начальник гарнизона и военный Совет издают приказ, что ни один анархист не может появиться на территории рудников и в полосе жел. дор. Все, нарушившие этот приказ, будут строго караться законами по военному времени.

На этот приказ нам пришлось реагировать.

В первый же праздник, рабочие собрали манифестацию, куда были приглашены и анархисты с черными флагами, чтобы раздразнить эсэровщину и вызвать ее на эксцессы. Видя нашу сплоченность, эсэры и меньшевики не могли помешать нашей манифестации, несмотря на то, что накануне готовились разогнать нас.

Вся манифестация прошла по трем рудникам, а затем на митинг.

После митинга все разошлись спокойно по домам.

На этом и закончилась вся „анархия", которой так боялась эсэровщина, а рабочие, какими были, такими и остались—революционными рабочими, зная своего вечного заклятого врага, имя которого—класс угнетателей и их прислужники.

Вот как мыслил революционный рабочий, да иначе он и не мог мыслить.

В августе месяце, по моей инициативе, из шахтеров была организована 10.000 Красная гвардия с лозунгом расширения и углубления революции.

Вооруженный кулак рабочего, таким образом, был у нас готов к борьбе за свою власть—власть Советов.

По всем девяти рудникам были свои начальники красной гвардии, которые непосредственно подчинялись Совету и мне, как члену Совета и, как организатору-руководителю всех революционных углекопов.

Эсэры и меньшевики, узнав об организации Красной гвардии на копях и видя свою смерть в силе красногвардейцев, обрушились на меня, как на самого опасного для них противника.

Громы и молнии они заметали на меня в Иркутской прессе.

Помои и провокация были пущены в ход самые подлейшие и без конца ложь и сарказм.

...Красноярский совет, который был гнездом большевизма, в сентябре месяце созвал революционный С'езд средней Сибири для об'единения тактики в дальнейшей борьбе за власть Советов.—Так накоплялась, ширилась и крепла истинная революционная сила...

В это время в Москве происходило демократическое государственное совещание.

Там закреплялся союз буржуазии с эсерами и меньшевиками против нас, революционных рабочих. Кровью и железом эти социалисты готовились на этом совещании заглушить революционные требования рабочих. Вот поэтому то мы в Сибири, а в особенности товарищи красноярцы и готовили общий сибирский об'единенный с'езд, чтобы силами сибиряков в Петрограде выступить против эсэровского правительства, и созвать Всероссийский С'езд Советов рабочих.

Для этой цели на с'езде были избраны представители от с'езда тов. красноярцы—Валентин Яковлев, Борис Шумятский, Ада Лебедева, которые и были уже в Петрограде.

В сентябре, в г. Иркутске, анархистами сорганизовался беспартийный союз, который с частью гарнизона пытался совершить переворот, но Краковецкий, командующий войсками, подавил это восстание.

Дело дошло дажее до артиллерийской стрельбы.

В этом восстании было арестовано до 180 человек.

В последних числах месяца, я уехал в Иркутск, явился в военный Совет и пред'явил ультиматум немедленно же освободить всех арестованных, участников этого выступления, причем мною было заявлено, что в противном случае будет двинута для освобождения черемховская Красная гвардия, а вместо заключенных будет посажен военный совет.

После некоторого колебания, военный Совет отдал приказ об освобождении всех арестованных....

Продолжавшийся красноярский с'езд, между тем, заканчивался и вынес постановление, созвать 10-го октября в г. Иркутске всесибирский с'езд. С'езд этот для нас представлял очень важное значение, т. к. на нем должна была произойти решительная схватка большевиков и эсэровско-меньшевистского блока.

Та и другая сторона готовилась во-всю, мобилизуя свои силы.

Красноярский Совет все свои лучшие силы бросил на этот с'езд, как т. т. А. Акулова и Акулова, Теодоровича, В. Шумятского, В. Яковлева, Г. Вейнбаума, А. Лебедеву; от Черемхово—я, эсэр Редкин и А. Лозо.

На этом с'езде политические парти были почти равны постольку, поскольку различными партиями учитывалось решающее значение этого с'езда, постольку полемика всех фракций с'езда была самая отчаянная, ибо с'езд должен был решить вопрос о передаче власти Советам.

Вспоминается любопытная картина, происшедшая при голосовании резолюции и передачи власти Советам.

Подходит ко мне один эсэр и спрашивает со злым сарказмом:

—Господин синдикалист, за кого будешь голосовать?. За нас или большевиков...

В наш разговор вмешались эсэры Тимофеев и Петелин.

—Конечно, не за нас,—поспешил ответить за меня Тимофеев.

—Да один-то голос не страшен,—добавил Петелин.

И как будто ради курьеза при голосовании одним лишним голосом была принята резолюция о передаче власти Советам.

Но эсэры и меньшевики—хитрый народ. Как только для них стало ясно, что они потерпели поражение—подняли скандал для того, чтобы об'явить перерыв.

Достичь этого им удалось.

Как впоследствии оказалось, перерыв им был нужен для того, чтобы найти еще трех своих делегатов, которые в этот момент на с'езде отсутствовали. Ими они думали взять перевес на свою сторону при вторичном голосовании, которое было принято произвести поименно.

По всему городу они разослали на автомобилях своих гонцов для розыска своих единомышленников.

После перерыва заседание с'езда возобновилось.

Открылись прения.

Еще больше чем до перерыва разгорелись страсти фракций. Дело стало доходить чуть-ли не до рукопашной.

При вторичном голосовании за резолюцию передачи власти советам эсэровский и меньшевистский блок был снова бит.

После этой резолюции вся пораженная теплая компания заявила, что им больше на с'езде делать нечего, и они покидают с'езд, что и было ими сделано.

Несмотря на постановление сибирского с'езда, о передаче с'езда Советам земские управления пока все еще продолжали свое существование.

Так было и в Черемхово, хотя с того времени фактически местные земские управления были уже, ни больше ни меньше, как живые разлагающиеся трупы.

Для своих „похорон", в октябре земцами созывается черемховский земский с'езд. С'езд этот для них являлся последней надеждой для дальнейшего своего существования.

В противовес земскому с'езду нами назначается на это же время пленум Совета Рабочих Депутатов и назначается демонстрация Красной гвардии всего района.

В это же время в Черемхово прибывает из Иркутска Б. Шумятский.

Им выясняется у меня действительное политическое положение Черемхово, состояние Красной гвардии, которая, кстати сказать, наделала много шума по Сибири, возможности надежд на нас в случае надобности и т. д. и т. д.

Назначенный земский с'езд открылся.

Собрались на него: эсэры, меньшевики, деревенские богатеи, священники и прочая братия, враждебно настроенная против власти Советов, что и выливалось открыто на этом с'езде.

На с'езде присутствовали: Б. Шумятский, я и много других товарищей-красногвардейцев.

Здесь рабочие-красногвардейцы воочию убедились, насколько этот лагерь далек от них, ибо провокация за провокацией лилась из уст этих „достопочтенных мужей земцев". В конце концов рабочие не выдержали и вступили с земцами в споры. В результате получился переполох, земцы начали разбегаться со с'езда. Б. Шумятский обиделся за бестактность Красной гвардии и также покинул с'езд и ушел ко мне на квартиру, где он остановился.

Так было нанесено первое поражение соглашателям на первом земском уездном с'езде.

После этого, мы в Черемхово на 2-ой день выгнали из Совета всех меньшевиков и эсэров.

— За то, что вы шли против нас, мы вас изгоняем, — заявили рабочие.

Так были выгнаны из наших пролетарских рядов предатели рабочих—меньшевики и эсэры, заклеймившие себя вечным несмываемым позором проклятия, как убийцы рабочих и их вождей.

После этого инцидента, мне пришлось выступить перед с'ездом на 2-й день его заседания и сказать, что Совет Р. Д. не может допустить продолжение земского с'езда, что власть вся принадлежит Совету Раб. Деп. С'езд тут же был закрыт, а все керенские комиссары были арестованы.

За мое поведение Б. Шумятский долго не мог простить меня, но я ему ответил тогда же, что революция в белых перчатках не совершается и Черемховский Совет на глазах у себя не позволит организоваться контр-революционным организациям.

Не знаю был-ли удовлетворен этим ответом тов. Шумятский, но с того времени отношения его ко мне изменились. В то время ошибки были у всех, да и сейчас еще их много, если не больше, так что думаю, что история наши ошибки 1917—18 г. г. не поставит нам на вид и в вину, потому что тот не ошибается, кто ничего не делает...

Сгущенная и до того атмосфера, после разгона земского с'езда, сгустилась еще больше, и готова была разрядиться.

Мы же твердо держали свой курс политики, да и не те здесь рабочие, чтобы изменять и сворачивать с того пути, по которому должен итти каждый сознательный революционный рабочий, у которого есть один путь, одна дорога —революционная борьба до тех пор, пока рабочие всего мира не соединятся на поле революционной борьбы и не захватят власть, заводы и земли в свои руки.

Таковы черемховские углекопы, которые определенно стали на этот путь с первых дней революции.

Около двадцати дней, после разгона земцев, военная власть и гарнизон держали свою нейтральность, хотя враждебность к нам была очевидная.

В конце концов черемховский Совет отдал им приказ сдать свое оружие в Совет РД, а всем солдатам было сообщено, что они переводятся на положение рабочих и могут возвратиться в свои родные деревни, если они этого желают; весь же офицерский состав переходит в непосредственное подчинение Совету РД, как верховной законной власти в нашем районе.

Начальник гарнизона и гарнизон, состоящий из 1500 человек, получив это распоряжение от Совета РД, опешили, растерялись, т. к. не знали как поступить, а вследствие этого и не сдавали оружие.

Совет, получив эти сведения, решил милицию и солдат склонить на свою сторону агитацией. Главная причина нашей торопливости вытекала не из-за недостатка людей, защитников Совета (их было около 10000 человек),а из-за оружия. Дальнейшая же проволочка с оружием могла повлиять на наше положение и мы могли бы попасть в весьма невыгодные условия.

Комиссар милиции Волохов,—эсэр, нами арестовывается и вместо него ставится свой солдатский.

Наступает тревожный момент. Никто не был уверен как с одной, так и с другой стороны в своей власти. Только я один не останавливался ни передчем, а часто один с оружием в руках заставлял всех противников Советской власти подчиняться Совету.

В этот тревожный момент никто из товарищей не соглашался принять на себя председательство Совета. Избранный товарищ Коржиев через 24 часа отказался, ссылаясь, что желчь сердца не позволяет ему занять место председателя; также отказывались и другие товарищи под всякими благовидными предлогами. Между тем, момент надвигался самый серьезный и никакие колебания и проволочки не могли иметь места, т.-к. Иркутск, узнавший о том, что происходит в Черемхово уже готовился дать нам серьезный отпор. Единогласно пленумом Совета я избираюсь председателем Совета и тотчас же вступаю на этот ответственный пост. Естественно, что создавшийся грозный момент требовал твердых и неукоснительных методов в проведении своей тактики.

В силу этого обстоятельства я, со вступлением на пост председателя Совета, и выявил их. Некоторым товарищам это не понравилось. Приходилось даже слышать от них и ехидные замечания. Так тов. Рютин, который как-то шутя с сарказмом бросил мне, что я—Наполеон.

Конечно, винить их в этом не приходится, ибо они не были достаточно осведомлены обо мне и не знали моей долголетней твердой линии поведения и оформившихся

моих убеждений, не присобляющихся к моменту, как это бывает сплошь и рядом.

Но в этот момент тяжелой борьбы черемховцы не обращали никакого внимания на клевету со стороны товарищей иркутян и решительно штурмовали эс-эровские и меньшевистские твердыни.

Под следуюшим революционным кличем шли черемховцы за власть Советов: „Да здравствует революционная солидарность рабочих мира, которая единым сомкнутым революционным фронтом будет продолжать борьбу с капиталом до полного его поражения. Никакого примирения и соглашения с буржуазией, ибо это будет только временным перемирием. Рабочие, как класс, организованно после каждой передышки должны продолжать дальнейшую революционную борьбу, готовясь к предстоящему мировому бою, где борьба еще вся впереди. Мы не столько легковерны, чтобы поверить, что мировые пираты дсбровольно могут пойти на капитуляцию. Мы знаем, что их можно победить только силой оружия, а это оружие у нас есть. Выражается оно в силе, а эта сила, есть классовая лойяльная революционная спайка сознательной классовой солидарности.

Только единый рабочий мировой фронт в состоянии разбить на смерть мировую буржуазию в генеральной решительной предстоящей борьбе.

Так мыслили черемховские углекопы в 1917 году; вот почему все тогда партии так сильно нападали на нас, у которых классовая спайка была до чрезвычайности крепка и еще сохраняется до сего времени.

Черемховский Совет состоял из 10 комиссаров: председатель Совета—революционный синдикалист, 6 анархистов-коммунистов и три беспартийных.

Вся белогвардейско-эсеровская и меньшевистская братия великолепно учитывала дух черемховских углекопов и в открытую борьбу вступить не решалась, хотя из-за угла и сторожила. Так начальник гарнизона. со своим военным Советом, в котором были эсеры, решил меня арестовать, предполагая, что этим дело будет кончено.

Рано утром, в 4 часа, когда я уже работал в Совете, вдруг прибегает ко мне 14-ти летний сын и говорит, что пришли пьяные солдаты арестовать меня. Едва только мы успели закрыть дверь за вошедшим сыном, как до 40 пьяных солдат стали ломиться в двери Совета.

Для меня было ясно, что солдаты были напоены офицерами для того, чтобы учинить самосуд над председателем Совета.

Утром я открыл дверь Совета и впустил солдат. Начальник отряда, бывший с ними, заявил мне, что я арестован, после чего меня увели в милицию, где, по их разговорам, должен ожидать меня начальник гарнизона.

В милиции я начальнику отряда заявил, что не подчиняюсь никаким распоряжениям начальника гарнизона, как самозванцу, не подчиняющемуся распоряжениям Совета Р. Д. Солдаты за такое заявление хотели поднять меня на штыки, но один из товарищей остановил это и стал им говорить обо мне. Солдаты успокоились.

После этого инцидента, меня повели в канцелярию гарнизона, к начальнику гарнизона поручику Сухачеву.

Поручик Сухачев, кстати сказать, был одним из тех авантюристов и провокаторов, которые теплили себе то или иное хорошее местечко. В начале он называл себя анархистом и сотрудничал с эсерами и меньшевиками, а впоследствие, при Колчаке дослужился до полковника.

Пока меня водили из милиции к начальнику гарнизона —весть о моем аресте облетела Черемхово.

Поднялась тревога. Загудели по району тревожные гудки.

Рабочие потянулись к Совету.

Не прошло и полчаса, как около Совета набралась уже тысячная толпа рабочих, силившихся узнать обо мне.

Офицеры и военный Совет видели, что над ними собирается непогода, но отказаться от первоначальной мысли, от моего ареста они все-же не хотели.

Освобождение меня из под ареста означало-бы для них сдачу своих позиций без боя, ибо они знали, что я, выпущенный из под ареста, их в покое не оставлю.

Наскоро отдаются приказания о моем отправлении в Иркутск и меня увозят на станцию.

В это время уже к вокзалу с ближнего рудника Щелкунова для моего освобождения шло до 1500 человек рабочих и женщин.

Тесным кольцом окружили они меня, захватили конвоиров и заявили, что они не отпустят меня, а если меня и увезут, то только через их трупы. Конвой взял ружья на

изготовку и хотел открыть стрельбу в невооруженную толпу рабочих.

Такое отношение солдат к рабочим понудило меня потребовать от своих шахтеров не препятствовать моей отправке.

В это время, к станции, подошел эшелон демобилизованных солдат, которые, увидев громадную массу рабочих вокруг станции, заинтересовались происходящим. Когда узнали, что арестован офицерами председатель Совета Раб. Деп., они стали срамить конвойных солдат и пытались меня освободить. Во избежание столкновения фронтовиков с вооруженными конвойными, которых было до 40 чел., поезд с фронтовиками был немедленно отправлен дальше, а меня было приказано начальником гарнизона увести под вечер.

Было уже два часа дня.

Окруженные со всех сторон, для отправления в Иркутск, конвоирами мы ждали подачи вагонов.

Вдруг небо заволокло снежной пылью и послышался неиствующий крик и не успел я еще оглядеться, как уже ни одного конвойного возле меня не было, а со всех сторон была наша Красная гвардия. Все это произошло так стремительно, как будто в один миг, по мановению магической палочки.

Несколько тысяч Красной гвардии, кто с палкой, кто с лопатой, кто с дробовиком, кто с гранатой, кто с дубиной наскочили освободить меня. Женщины было уже начали разбалчивать рельсы, чтобы нельзя было пройти поезду, если-бы меня повезли в Иркутск. Вообще нельзя было описать того революционного под'ема рабочих самоотверженно защищавших своих выборных представителей, которых непосредственно они выбирали сами.

Когда Красная гвардия отбила меня от конвойных солдат, я отправился вместе с освободившими меня товарищами в Совет. Теперь уже не видно было тех купцов, которые плевали мне арестованному в след; теперь они все опять попрятались в подворотню, выжидая удобного случая, когда можно было бы укусить нас.

Красная гвардия, между тем, прошла на свое собрание обсуждать вопрос о дальнейшей тактике борьбы с контрреволюционными действиями местного офицерства.

В это же время был экстренно созван пленум Совета Раб. Деп., где также на обсуждение был поставлен этот воп-

рос. Здесь я внес предложение, что дальнейшая проволочка с контр-революцией может оказаться крайне вредной, а потому необходимо немедленно арестовать всех офицеров гарнизона, как ярых противников Советской власти и весь гарнизон разоружить, и оружие передать в распоряжение Совета. Мое предложение было принято. Красная гвардия также согласилась.

В эту ночь офицеры все были арестованы. Солдаты же гарнизона все заявили о своей солидарности с Советом и полном ему подчинении.

Так был сломлен черемховский эсэровский оплот.

Таким образом, на Черемхово Совет Рабочих Депутатов сделался единой властью всего района, в то время, как в Иркутске и других городах Сибири еще не было этого, а была лишь двойственная власть.

Как яркий светильник, черемховский Совет выбросил свое красное пламя—знамя власти рабочих.

Черемховский район частенько посещали т. т. Б. Шумятский и Боград, последний, как идеальнейшая личность, как один из самых крупных лекторов о Сибири пользовался большим авторитетом среди черемховских углекопов, которые очень уважали т. Боград, как достойного бойца и революционера. Бор. Шумятский также пользовался неменьшим уважением среди черемховских углекопов, как левого крыла большевик.

В общем, черемховцы все уважали революционных достойных товарищей.

Иркутские товарищи не пользовались доверием от черемховских углекопов, потому что в их действиях проявлялась и скользила примиренческая тенденция, которую черемховцы не переваривали; да и многие из своих иркутян не будут спорить, что в их работе до 30 проц. в то время было с меньшевистской идеологией.

В 1917 году в гор. Иркутске разыгрались декабрьские события. Произошло восстание, а затем бой: с одной стороны были юнкера, руководимые эсэрами, меньшевиками с буржуазией, с другой стороны весь, хотя и небольшой гарнизон солдат и мозолистые руки черемховских углекопов.

В распоряжении революционного штаба были артиллерия, гарнизон, а, главная сила—черемховские углекопы.

Эта вооруженная борьба за власть Советов в г. Иркутске подготовлялась т. Б. Шумятским, который, надо от-

дать справедливость, как талантливый организатор, сумел в течение одного месяца сагитировать весь гарнизон, привлечь его на сторону Советов, а затем, в вооруженной борьбе, противостоять белогвардейскому декабрьскому выступлению и ликвидировать его.

Так, в общем, в Иркутском округе, а главное в самом Иркутске, как в столице Сибири, закончилась Февральская революция, а вместе с ней — власть социал-предателей — меньшевиков и эсэров.

III

В Иркутске, с каждым днем политическая атмосфера сгущалась.

Чувствовалось, что назревающий острый момент должен скоро получить какую нибудь развязку, ибо двоевластие, какое было в Иркутске, теперь с особенной выпуклостью становилось вне всяких рамок.

Естественно, что под основанием всего этого являлась политическая распря и появление левого крыла, именуемого большевиками.

Это левое крыло с каждым днем приобретало массу сторонников и усиляло свои ряды.

Меньшевики и эсеры, видя нарастающую грозную лавину большевистского движения, спешно готовятся на защиту своего политического кредо и, кроме того, для нанесения удара своим противникам.

Ими спешно ведется усиленная спайка юнкеров и офицеров, как реальной своей силы для отстаивания власти и подавления всяких большевистских вожделений.

Оппозиционные рабочие, возглавляемые большевистской партией, также не дремлют. Они также готовятся для должного отпора.

Во главе их стали большевики: Б. Шумятский и Янсон.

Несмотря на все трудности, организационная работа по укреплению пролетарских рядов новыми силами для создания единого фронта, против наседающих белоручек, выполняется блестяще и вскоре они были уже готовы встретить в любой момент какое бы то ни было выступление своих противников.

Такой момент наступил скоро.

Эсеры и меньшевики, почувствовав в своих руках достаточную военную реальную силу для возможности ликвидации ненавистных им большевиков, выступили.

Едва только начались бои в Иркутске, как от Б. Шумятского ко мне в Черемхово прибыл посыльный с просьбой о немедленной присылке в Иркутск черемховской Красной гвардии, каковая являлась страшилещем для Иркутска.

Как только была получена эта весть, я немедленно же приступил к формированию эшелона Красной гвардии для отправки.

Часа через два мною отправляется первый эшелон, а затем через незначительный промежуток и еще шесть эшелонов.

С отправкой своей Красной гвардии в Иркутск на нас легла забота о снабжении их продовольствием, а также и снабжении их теплой одеждой.

Вообще все, что можно было достать в Черемхово для нужд Красной гвардии, чтобы облегчить их положение, посылалось нами. Отдавалось последнее во имя защиты своих прав и одержания победы.

Копи в эти дни работать перестали.

Все было обращено для победы над юнкерами. Все рабочие, способные как бойцы, спешили выехать из Черемхово на фронт в г. Иркутск; выехало даже много женщин.

Была лихорадочная работа; спать было некогда и так продолжалось несколько дней.

Нужно было посылать, как можно большее количество теплой одежды, так как стоя на постах много товарищей обмораживались. Морозы в эти дни, как на зло, стояли большие и доходили до 40°. При таких морозах в г. Иркутске река Ангара еще не застыла, давала сильные туманы и увеличивало морозы. Как будто сама природа обрушилась на нас, а ей вторила, бурная своим течением, река Ангара, выбрасывая из своих вод громадные облака тумана, нависавшего над городом густой пеленой, которую просекали своим свистом снаряды пушек, пули митральез и и бесстрашные атаки бесстрашных черемховских углекопов.

Шесть дней непрерывно продолжался бой с переменным успехом.

Пулеметы юнкеров стояли на колокольнях церквей и посылали град пуль по нашим наступающим цепям, но, несмотря на это, наши красные орлы шли все вперед и вперед. Они не любят отступать, а идут только вперед.

Было одно время, когда успех был определенно на стороне юнкеров и даже наш штаб переживал большую

растерянность. Мне сообщили о таком положении в Черемхово. Такое положение обеспокоило...

Независимо от штаба, было дано распоряжение своим красногвардейцам зажечь, центральную часть города, где в дыму противник держаться не сможет, и вынужден будет капитулироваться.

Это было исполнено.

И когда центральная часть города была об'ята огненным кольцом, тогда белогвардейщина заговорила другим языком.

Правда, штаб ворчал на это, что черемховцы допускают недопустимые приемы борьбы, что в другое время это было бы подведено под ст. уголовных законов. Но черемховцы знали, что цель оправдывает средства и для такой победы все средства должны были быть пущены в ход.

Благодаря самоотверженной и героической борьбы углекопов, оплот дальневосточной белогвардейшины—юнкеров был ликвидирован при дружном порядке рабочих и солдат.

Бои длились всего здесь восемь дней.

Юнкера, находящиеся в центре города, очутившиеся в кольце долго, не сдавались.

Наши предположения о их скорой ликвидации не оправдались

Буржуазия для своих сынков в золотых погонах отдавала все свои запасы, что позволяло им выдерживать осаду сколько угодно.

Все холопы и лакеи буржуазии:—эсэры и меньшевики также были в стане наших противников, по ту сторону баррикад и шли против нас, против рабочих.

Черемховские рабочие навсегда открыли себе здесь глаза кто такие социалисты, как меньшевики и эсэры; рабочие убедились, что эти „социалисты"—предатели рабочих и вечные наши враги, содействующие открыто уничтожению рабочих, как в Иркутске во время декабрьских событий.

Одно время, когда успех был на стороне противника, нашим штабом было заключено соглашательское перемирие с юнкерами, от которых вели переговоры, как представители, меньшевики и эсэры. Переговоры принимали для рабочих не весьма благоприятное положение, т. к. наш революционный штаб задумал приостановить дальнейшую борьбу и создать коалиционное управление города, с

участием враждебного лагеря. Такая мера, как это об'яснил тов. Янсон, вызвана была тем, что товарищи черемховцы допускают некорректные приемы борьбы, как пожары, грабежи и пьянство.

Такая клевета, основанная на неуверенности в своих силах, на которой хотелось нашему штабу построить намерение—коалиционное соглашение, что вызвало с нашей стороны протесты.

Черемховцы заявили, что этого позорного соглашения они не признают и одни будут продолжать борьбу, пока не будут побеждены юнкера. В это время из Красноярска прибыл к нам на помощь эшелон с войсками тяжелой артиллерии. Прибывшие, когда узнали о положении, решишили присоединиться к ультиматуму черемховцев.

Все привезенные ими орудия тотчас же направляются на город.

Когда узнали об этом юнкера и буржуазия, что дело их бесповоротно проиграно, что они не могут противостоять Красной гвардии, они взяли тогда другой тон. Другим тоном заговорил и наш штаб, заявляя, что золотой середины здесь быть не может.

Во время этого восьмидневного боя нельзя умолчать о беззаветной храбрости бойцов, засевших в Белом доме, по набережной реки Ангары.

Белый дом, это дом бывшего генерал-губернатора, большой дворец иркутских наместников во время революции, до последнего дня восстання юнкеров был занят Советом Рабочих Депутатов и бюро общественных организаций. Внезапное выступление юнкеров захватило здесь часть красногвардейцев и солдат, которые несли там службу охраны Совета Р. Д.

Застигнутые товарищи, без куска хлеба, мужественно защищались шесть цней, выдерживая бешеные приступы штурмов белогвардейщины и их яростный пулеметный обстрел и бросание бомб.

Эта горсть храбрецов держалась непоколебимо.

Особенным мужеством выделился один из солдат черемховского Совета и рабочий копей тов. Приходько, Все черемховцы знают своего любимца тов. Приходько. который один бесстрашно за шесть дней осады Белого дома не раз делал вылазки и приносил воды раненым товарищам, подвергаясь опасности.

Шесть дней, не смыкая глаз, как и другие товарищи, бдительно он охранял все входы в дом, в который беспрерывно пытались проникнуть белогвардейцы, но всякая их попытка кончалась неудачей.

Шесть суток держали эти храбрецы свою крепость и когда не стало возможности делать вылазки и подносить пищу и патроны, храбрецы... сдались. Описать тот революционный под'ем, каким была охвачена эта гордость храбрецов, нет слов и если бы революционную выдержку и дисциплину тех товарищей дать рабочим всего мира, то они могли бы в несколько часов ниспровергнуть власть капитализма по всей земле.

Юнкера, увидевшие, что дальнейшая борьба их не даст им победы, решили сдаться, при условии гарантирования им неприкосновенности жизни и свободного продвижения на Восток.

Предложение юнкеров было принято и юнкера стали разоружаться.

В городе восстановился Совет Р. К. и Кр. Депутатов.

Так восстановилась окончательно в 1917 году власть Советов в средней Сибири и закончилось существование оплота белогвардейщины.

Во время этих событий, с нашей стороны было 280 человек убитых со стороны юнкеров убитых около 50 человек, раненых с обоих сторон было до 500 человек. Со стороны черемховских углекопов было потери убитыми 18 человек, ранеными 45 человек, без вести пропавших 6 человек.

Вот жертвы Иркутских событий, убитыми и ранеными с обоих сторон.

Весьма интересно отметить похороны юнкеров. Гроба убитых несли под красным демократическим флагом учредиловцы—меньшевики и эсэры и лили слезницу вместе с попами о павших на поле брани христолюбивых воинах. При похоронах гражданский порядок с нашей стороны не нарушался, а, наоборот, охранялся прилично, дабы провокаторы не могли что-либо выкинуть. Вследствие этого, никаких эксцессов во время похорон не произошло.

Теперь вернемся в Черемхово, где надо знать, что происходило в это время, так как Черемхово в Иркутских событиях сыграло решающую роль.

Черемхово в течение десяти дней Иркутских событий вело лихорадочную работу, отдавая все для Иркутска, все для победы над юнкерами.

Революционный энтузиазм охватил рабочих и они для подкрепления Иркутска не щадили своих сил, своего здоровья.

По пять—шесть суток рабочим не приходилось спать.

Были самоотверженные случаи, когда некоторые товарищи, работавшие не покладая рук, падали от чрезвычайной усталости, некоторых даже просто уводили насильно товарищи для отдыха.

На рудниках, по шахтам, по цехам, в машинных отделениях остались только дежурные, а все остальные были отправлены в Иркутск. Но некоторые посланные нами оттуда уже отправлялись обратно, так как в складах не хватало оружия.

Я помню тот революционный порыв, каким были охвачены черемховцы, как каждый эшелон Красной гвардии рвался на фронт.

На фронт много выехало женщин.

Был такой эпизод.

Один шахтер, Маркевич, имел 2-х сыновей—14 и 12 лет.

Когда была отправка красногвардейцев на фронт в Иркутск, четырнадцатилетний сын поехал с отцом и взял винтовку, а 12 летнего я взял в Совет до возвращения отца, но и этот украдкой уехал на фронт.

В первые дни Иркутских событий на станции Черемхово были задержаны в поезде едущими на Восток 20 человек казаков и три казачьих офицера.

В этот момент мне пришлось быть на станции. Когда я увидел некорректное обращение красногвардейцев при обыске их вещей, то призвал их к порядку, а казакам и офицерам было предложено сойти с поезда.

Им было об'явлено, что они находятся под надзором до ликвидации Иркутских событий.

Офицеры хотели было протестовать, но им ответили что в Иркутск пропустить никоим образом нельзя, так как там казаки сражаются вместе с юнкерами против рабочих и всех задержанных отправляют обратно в Красноярск, откуда прибыли; после чего офицеры согласились остаться в Черемхово, где они пробыли десять дней.

После ликвидации Иркутских событий, им был дан свободный выезд на Восток, как и всем юнкерам Иркутских боев, на основании подписанного договора, а после сдачи ими оружия, такой договор распространялся и на Черемхово; в силу этого обстоятельства, все задержанные нами офицеры и солдаты были выпущены.

Нам стало известно, что задержанные нами в поезде офицеры и казаки являлись вдохновителями черной стаи контр-революционеров и через некоторое время их имена и фамилии стали фигурировать в контр-революционном стане в Забайкальи; это был атаман Семенов, второй—барон Унгерн.

Такие птицы, причинившие впоследствии массу несчастий, были задержаны в Черемхово и только из за незнания их будущего и прошлого-они были выпущены.

Говоря об этих личностях, как самых кровожадных реакционерах Забайкалья, мы еще будем иметь с ними соприкосновение впереди, в нашей книге и подробно остановимся на их зверствах.

Для загрязнения рабочих, меньшевистские и эсэровские провокаторы, пускались на всякие мерзости, дабы подорвать авторитет рабочих, стойко сражающихся за свое освобождение.

Было, например, так: в то время, когда рабочие на баррикадах проливали кровь и отстаивали свою свободу, глошатые города,—провокаторы, которых имелось у эсэров и меньшевиков достаточно, задумали устроить погром, интеллигенции и бужуазии.

Слух о готовящемся погроме быстро охватил Черемхово и интеллигенция и буржуазия заметались в страхе.

Мы опешили, ибо от нас такого явления не должно исходить.

Интеллигенция собралась в Совет ко мне и со слезами на глазах стала просить меня принять меры против якобы готовящейся резни и погрома на буржуев и интеллигенцию.

Всю эту публику я успокоил, сказав, что они могут быть спокойны и что никто их не тронет, а сам поехал по городу.

В городе действительно я увидел группы лиц, собирающихся на площади. Группы эти, как я выяснил, действительно собирались для устройства Варфоломеевской ночи.

Провокаторы так ловко подделали, что собравшиеся группы, при моем вопросе—откуда все это исходит не могли дать ответа.

Между тем группы на площади расли и расли.

Надо было принимать меры.

Я об'явил, что в Совете сейчас состоится митинг и пригласил всех присутствующих туда.

На митинг пришли все группы с площади.

Перед собравшимися погромщиками было сказано, что все революционные рабочие в иркутских боях истекают кровью за революционный порядок иСоветскую власть, а они, оставаясь для порядка в тылу, хотят опозорить красные революционные ряды тех, которые сражаются в Иркутске и поэтому Совет здесь не допустит никаких выпадов, конфискаций, погромов.

Всякий, кто нарушит этот приказ, будет на месте расстреливаться.

Для охраны мною устанавливаются дежурства.

И во всем районе установился порядок, какого еще не было до этого.

Жизнь начинала входить в обычное русло.

Местная буржуазия, видя, что тех эксцессов, каких она ждала, не случилось, решила отблагодарить рабочую милицию.

В знак своей благодарности для рабочей милиции ими жертвуются деньги, на ее содержание.

Очень характерно еще то, что буржуазия, мобилизованная на работы, не отказывалась и говорила, что надо и нам поработать. Конечно, скоро она была распущена, но факт был тот, что буржуазия никогда не проявляла никакого сопротивления и всегда безукоризненно выполняла всякие требования Совета. Я этим не пытаюсь хвалить буржуазию и не хочу сказать, что она боялась Совета.

Нет. Я знаю, что она будет всегда враждебна к рабочему правительству, но тот момент был благоприятным моментом: буржуазия знала, что шутить с Советской властью нельзя и, зная это, была бесприкословна и на все податлива.

После Иркутских событий, черемховские углекопы должны были наверстать те дни, которые они потеряли в боях, так как в это время все копи почти не работали, а уголь требовался для движения поездов по Сибирской жел. дор. еще больше, чем прежде.

Здесь товарищи черемховцы также оказались на высоте и были первыми в России на угольном фронте.

Они подняли производительность до 160 проц. довоенного времени, несмотря на то, что два месяца работали на одной картошке. Копевладельцы, зная свою неминуемую гибель, все запасы продовольствия и технические материалы свели на нет и в наследство черемховские углекопы получили нуль.

Но черемховцы по натуре не словоблуды, не хандрят, они—рабочие дела и своей энергией скоро исправили свое положение. После Иркутских событий, черемховский Совет очутился перед лицом финансового кризиса.

Колоссальнейшие расходы, как помощь проезжающим нуждающимся солдатам, введение бесплатного обучения, бесплатные столовые и плюс к этому содержание штатов, не покрывались суммой приходов, которых, кстати сказать, в это время совершенно не было.

Единственным источником, откуда черпались средства, являлись сами рабочие, делавшие отчисления.

Ясно, что долго продолжать так черпать свои рессурсы для Совета не представлялось возможным и мною на очередь пленарного заседания Совета был выдвинут этот вопрос, т. к. нужны новые источники для черпания денежных рессурсов.

Иркутск также не имел средств и помочь нам не мог.

Эсэры, меньшевики и буржуазия, предвидя свой скорый конец все ценное повыбрали из казнохранилищ.

В таком же положении оказался и Томск и другие города Сибири.

Пленум поставленного вопроса разрешить не смог, а, между тем, нужда в деньгах уже ощущалась весьма остро.

Неразрешенным вопрос этот не мог дальше оставаться и я самостоятельно решил для выхода из положения продать 400 ведер спирта, распределив его по 1/2 бутылки на каждого рабочего.

Свое решение я реализовал через рудничный комитет, который продал спирт за наличный расчет.

За сутки, таким образом, было выручено около 40.000 рублей, что давало возможность существования нашим учреждениям и Совету целый месяц.

Продажа мною спирта, как председателем Совета, подняла на ноги эс-эров и меньшевиков. Они подняли целую бурю на следующем пленарном заседании Совета.

Исполком, зная причину продажи спирта, на пленарном заседании просил винить Исполком в целом, а не меня, дабы меня избавить от всяких провокаторских выпадов со стороны эс-эров и меньшевиков.

Я же категорически ставил вину только себе.

Максималисты пытались спровоцировать, что мы губим этим самым революцию и их.

Иркутск также не отстал и приписали мне нарочитое спаивание рабочих, чтобы тем самым купить у них авторитет...

Давно это уже прошло, и я скажу то же, что и говорил тогда: „Цель оправдывает средства".

А средства в то время были нужны и нужны...

Другого выхода не было...

Только идеалисты могли думать, как максималисты, что в выдаче по 1/2 бутылке спирту заключается гибель революции.

Я знаю, что это было не идеально но зато закрепил прочность существования учреждений и Совета и если бы я поступил идеально, то могло бы случиться худшее.

С моей стороны глупо и преступно было бы перед Советской властью, если бы не сделать этого.

Так я думал тогда, выкручиваясь из положения и так спасал младенчество Советской власти.

История со спиртом была ликвидирована, но это был большой козырь для газет эсэровского и меньшевистского блоков, которые долго после этого еще потешались надо мной.

Иркутские товарищи не весьма расположенные к нам, самодовольно разрешили печатать эту грязь, принимаемую ими за чистую монету или из-за желания этой клеветой стегнуть лишний раз меня. Но мы—черемховцы держались такого понятия: на глупости самым умным ответом является молчание, так было и тогда. Мы молчали, но если обливающий нас грязью попадает под руку, то получает головомойку, как оздоровляющий рецепт, который долго останется в памяти. Таким рецептом было 10 или 15 дней заключения в нашем собачьем ящике, чего особенно боялись

даже такие заядлые меньшевики, как Редькин и Ольховский, тявкающие издали из Иркутска.

В январе, 1918 года, состоялись похороны павших борцов за Советскую власть в иркутских боях.

Из Иркутска был вызван оркестр духовой музыки, прибыли делегации.

С 9 часов утра стали подходить со всех рудников рабочие и Красная гвардия со знаменами.

Помню, на одном было написано: „Вечная память павшим борцам за свободу. За вашу кровь отомщено будет“.

Эти слова горели огненными буквами на фоне черного знамени и как будто говорили громовым голосом, который еще и сейчас слышен в ушах и сердце.

Несколько тысяч рабочих растянулись за похоронной процессией более, чем на 1½ версты. Процессия прошла через весь город до братской могилы и вблизи жел.-дор. станции среди улицы на видном лобном месте она остановилась.

Здесь при салютах гроба заносились и ставились в склеп. После похорон все разошлись и раз‘ехались по рудникам. Товарищи черемховцы и теперь чтут глубочайшую память этих товарищей. В каждую манифестацию они посещают братскую могилу, отдавая свой товарищеский долг почившим...

Черемхово в 1917 и 18 г.г. являлось, как я говорил об этом и ранее, страшилищем для Сибирской буржуазии и местом для ее ссылки.

Страшное прозвище — „страшилище“ привилось к Черемхово исключительно по провокации и поэтому нас, шахтеров-черемховцев, это нисколько не трогало и не шокировало.

Такой взгляд на Черемхово давал нам много козырей в руки, ибо сибирская буржуазия при одном только упоминании о Черемхово, вздрагивала, а в то время это было нам необходимо.

Много помогли к установлению таких взглядов на Черемхово еще эсэры и меньшевики, которые не стеснялись в красках, разрисовывая Черемхово перед своими благодетелями — буржуазией. В действительности-же, в это время на Черемхово был образцовый порядок, несмотря на мелкие шероховатости и служил, пожалуй, примером своего порядка для других мест Сибири.

Припоминаются любопытные курьезы, связанные с памятью о Черемхово.

Особенно это выражалось там, где взималась с буржуазии контрибуция.

Надо сказать, что народившиеся Советы в первое время остались без всяких денежных средств и для пополнения их средств ими ввелась контрибуция на буржуазию, т. к. других каких-либо источников дохода в то время изыскать не было возможным.

Новое введение, затрагивающее карманы толстосуммов, вызвало со стороны последних большое недовольство и нежелание платить, наложенную на них, контрибуцию. Под всякими предлогами, они старались увильнуть от платежей. И вот здесь то на помощь Советам является Черемхово. Стоило только неплательщикам сказать, что их отправят в Черемхово, как они моментально смирялись и выполняли все свои платежи...

Много еще примеров и в других отношениях, где Черемхово являлось большой помощью для установления тех или иных порядков и нововведений...

Чем дальше, тем больше укреплялись Советы в Сибири.

Наступила твердая полоса Советской власти, ибо все трудовые массы сознали необходимость такого строя, являющегося их властью и правом.

В Черемхово жизнь также начала входить в спокойное русло.

После побед черемховцы энергично принялись за широкую работу на хозяйственном фронте. В короткий промежуток времени производительность рабочих шахтеров здесь по добыче угля поднимается до десяти миллионов пудов в месяц.

Кроме того, идет развитие упорядочения всех дел копей, оставшихся от буржуазии в хаотическом состоянии; организуются и пускаются в ход новые заводы, мыловаренный, кожевенный и известковый.

Так налаживается жизнь Черемхово.

Однако, такая творческая работа продолжается недолго. Скоро опять черемховцу пришлось стать под ружье на защиту Советов.

В период временной передышки и затишья, в момент налаживания жизни, снова зашевелились, затихшие на время, меньшевики, эсэры и *анархисты.*

Особого успеха среди рабочих эсэры и меньшевики не имели, но анархисты, работавшие рука об руку с большевиками среди рабочих, все же пользовались некоторой популярностью и, чтобы использовать свое положение, они задумали захватить власть в свои руки.

Для осуществления своих планов, анархисты пытаются использовать агитацию меньшевиков и эсэров и перевоборы Совета, думая во время этих перевыборов использовать свои намерения о захвате власти, хотя это и странно. Анархисты мечтали о власти, но это был факт.

Та небольшая популярность анархистов, которая держалась среди рабочих, давала им уверенность, что в Совете окажутся только они и никто другой и, таким образом, власть фактически перейдет в их руки.

Агитация о переизбрании Совета достигает поставленной цели и рабочими заявляется о переизбрании Совета.

Началась дикая скачка, если так можно выразиться, всех партий, агитирующих рабочих, за подачу голосов за их кандидатов в Совет..

Но вот предвыборная кампания закончилась и начались выборы.

Результаты перевыборов оказались для анархистов, затеявших через эсэров эту кампанию, весьма плачевными.

Они остались при пиковом интересе.

Ни одного анархиста в новый Совет не прошло и победителями оказались эсэры-максималисты.

Таким образом, анархисты оказались одураченными, т. к. они прежде в старом Совете имели своих представителей, а теперь не имели ни одного.

Так закончили свою работу в черемховском Совете анархисты, получившие большой урок для будущего.

В новый Совет, несмотря на мое нежелание баллотироваться, я все же рабочими был поставлен на баллотировку и прошел в Совет.

Перспективы работ с эсерами мне не улыбались, ибо я знал, что с ними опять придется вести войну здесь, в Совете и отстаивать права низов, которые ближе всех для меня, т. к. я сам являюсь представителем этой группы пролетариата.

Выбранный новый Совет приступил к работам.

В январе 1918 года, черемховский Совет поручил мне поездку в Иркутск для выяснения вопроса о домах, находящихся там и принадлежащих нашим копевладельцам.

Вопрос этот ставился в плоскость национализации этих домов, т. к. владельцы их сбежали заграницу.

В Иркутске выяснилось, что хитрые хозяйчики, перед своим бегством заграницу, в свои дома поселили иностранных консулов, предполагая этим самым спасти их от национализации, так в Ложниковском доме поселился греческий консул, Рассушинском—японский и т. д.

За разрешением этого вопроса я обратился в иркутский Совет.

Разрешить этот вопрос в какую либо сторону в Совете не смогли и по интеллигентски искали различных выходов и подходов.

Такое отношение толкнуло меня на самостоятельное решение.

Я отправился к консулам.

Первый мой визит был к греческому консулу.

Мною ему было предложено немедленно спустить флаг, с незаконно занятого им дома и освободить дом, т. к. дом переходит в распоряжение черемховских углекопов.

Консул запротивился.

Тогда я вторично уже не стал просить, а приказал ему отдать все ключи и немедленно выселиться.

Консул, встретив такое настойчивое требование, забегал и поспешил в Совет с жалобой.

Иркутские „большевики" дать ему ответа также не смогли, а вели двойственность, что свойственно им с самого начала революции, за что я часто их называл недоносками. тем не менее консул смирился и дом очистил.

В занятом доме мы устроили общежитие для приезжающих черемховцев и библиотеку.

От греческого консула я направился к японскому.

Японский консул принял меня по всем правилам дипломатической процедуры. Наконец-то пришло и наше время разговаривать с тайными советниками, думал я, и разговаривать как равными

Цель своего визита здесь я пытался провести дипломатическим приемом, насколько это позволяло мое уменье и моя тактичность. В своем об'яснении о цели моего визита я об'яснил консулу, что у власти оказались рабочие и всякая частная собственность в настоящее время переходит государству, а так как этот дом, где помещается японское консульство, как собственный бывшего хозяина копей Рас-

сушина, нажит трудом углекопов, то в совершившейся революции переходит по праву Черемховским углекопам и, таким образом, заключенный договор со старым владельцем аннулируется. Новый же договор может быть законным только с настоящим хозяином-черемховским углекопом, который национализировал этот дом. Между прочим, в разговоре с консулом мною был задан вопрос ему, чем же вызвана необходимость представительства Японии в г. Иркутске, чего раньше не было, да японских граждан в то время там тоже не было. Не является ли это защитой собственности буржуазии под Японским флагом или же еще больше подготовлением захватов японией сибирской территории, которая думает воспользоваться нашей революцией и слабостью реальной военной силы.

Японский консул ответил, как полагается, дипломату, что его функции в Иркутске—охрана прав граждан Японии и сохранение дружественных отношений с Россией путем разрешения через него, могущих возникнуть, недоразумений и конфликтов. Что же касается занятого помещения и его условия о найме, то об этом он обещал переговорить с Янсоном и тогда дать нам ответ.

На этом наш разговор и закончился.

Выходя от японского консула я был очень доволен, что рабоче-крестьянская власть заставляет говорить равным языком представителей империалистических государств с нами черномазыми углекопами.

С такими мыслями дошел до квартиры шведского консула или уполномоченного, который также меня принял со всем надлежащим дипломатическим приемом.

Шведский консул был особенно любезен и интересовался революцией.

Во время моего свидания с ним,он больше всего говорил о политике и о прочности происходящей рабочей революции. Разговор был очень интересен и поэтому я остановлюсь на нем более подробно.

Не мог я не заинтересоваться крупным проницательным умом шведского консула, который со мной в увлечении своей мысли был откровенен и заявил, что нам опасаться серьезно контр-революции не следует. Контр-революция нужна для укрепления Советской власти, ибо иначе Советская власть изживет сама себя, так как все сибирское крестьянство к Советской власти относится отрицательно и

когда реакция, контр-революция затронет крестьянство не косвенно, а прямо, только тогда оно будет поддерживать Советскую власть. Всякая власть бывает прочна тогда, говорил консул, когда она прочно опирается на реальную силу и на широкие слои населения и чем труднее рождается власть, тем она больше будет пользоваться симпатией трудового народа. Чем нарождающаяся власть, в данном случае Советская, продолжает консул, больше испытает муки своего рождения, тем родившие эту власть—народ, рабочие и крестьяне, как свое детище будут сильнее оберегать ее. Так говорил со мной шведский консул, далеко отстоявший по своим политическим взглядам от своих собратьев консулов.

Дома в Иркутске почти все нами были отобраны и я возвратился в Черемхово.

В начале 1918 года на Востоке начинают появляться первые белые банды из офицеров, казаков и т. д.

Из всех этих белобанд наиболее значительной являлась банда эсаула Семенова, имеющая материальную поддержку от кяхтинских миллионеров.

Вскоре эти банды занимают Троицко-Савск и Советская власть там ликвидируется.

Создается угрожающее положение для Иркутска.

Иркутяне, озабоченные создавшимся положением, предпринять что-либо для ликвидации семеновских банд в Троицко-Савске не могут, т. к. действительной реальной силы для их подавления у них нет, а тут, кроме того, приходится еще вести приготовления и в Иркутске на всякий случай, как говорится.

Такое положение заставило их обратиться за помощью в Черемхово.

Сформированный немедленно черемховцами отряд, отправляется в Иркутск под командой тов. Третьякова.

Здесь отряд вооружается и направляется в Кяхтинский район для подавления белобандитских выступлений.

По прибытии в Кяхтинский район, отряд быстро ликвидирует все мелкие шайки белогвардейских банд, очищает от Семенова Троицко-Савск и восстанавливает Советскую власть.

После ликвидации, отряд возвращается в Иркутск с заложниками кяхтинских миллионеров, поддерживавшими атамана Семенова.

Иркутяне, очевидно, запуганные возвращающимся отрядом Третьякова, встретили, что называется, „по товарищески“ ставя ввиду насилия над главарями Кяхты.

За две-три версты до города, иркутяне выставили пулеметы, остановили этот эшелон, возвращающийся в Иркутск и приказали сдать оружие.

В случае неподчинений их распоряжению, они указали на свои готовые к действию пулеметы.

Черемховцы опешили в недоумении, что сей сон значит?

Такая неожиданная встреча иркутянами своих товарищей, только что боровшихся за одно дело и ничем не вызванная, поставила шахтеров в тупик.

Шахтеры поняли, что им не доверяется оружие.

Очень было обидно черемховцам такое отношение иркутян, ибо когда нужно было защищать Советскую власть, углекопы нужны, а тут теперь и оружие не доверили.

Скрепя сердце и не желая проливать рабочую кровь, как с одной, так и с другой стороны, черемховские углекопы сдали оружие, но еще больше затаили внутреннюю боль и негодование к тактике товарищей иркутян, которых трудно было отличить от меньшевиков, с которыми они все время, даже и после захвата власти жили по свойски.

Такая двойственность иркутских товарищей окрыляла наших врагов, которая вскоре не замедлила вылиться и в реальные последствия.

После происшедшего инцидента с возвращающимися черемховцами и нетактичного поступка иркутян к черемховцам, приумолкшая в Черемхово эс-эро-меньшевистская братия теперь воспрянула духом.

Ими по уезду начинается разжигание страстей среди крестьянства, натравливание на нас и т. д.

Вообще все их стремление сводится к поднятию восстания.

Через небольшой промежуток времени, цель ими была достигнута.

До десяти волостей Черемховского уезда было втянуто в эту авантюру. До 12000 человек крестьянства восстало.

Во главе восстания стали офицера и кулаки, руководившие из села Гумелети и Троицкого завода. Участниками восстания было больше всего бурятское население, которое легче русского поддавалось на удочку провокациям.

Восстание это носило крупный и серьезный по размерам характер и при дальнейшем его развитии, оно могло бы сыграть роль удушителя Советов в средней Сибири.

Восставшие уничтожали все Советы как в Малом и Большом Тагилах, так и на Троицком заводе и т. д.

Здесь все члены Советов восставшими были расстреляны.

Как только нами была получена телеграмма, что Троицкий районный Совет расстрелян, мною тотчас же ночью в течение 2-х часов был сформирован отряд в 300 человек.

Под моей лично командой отряд тут же выехал на станцию Тыреть, где уже для всего отряда были приготовлены подводы, для дальнейшего следования.

По прибытии на станцию Тыреть, весь отряд без всякого отдыха пересел на подводы и двинулся к Троицкому заводу, стоящему от станции железной дороги около 30 верст.

Не доезжая верст 6 до Троицкого завода, нам на встречу попалась подвода с убитым красногвардейцем.

Оказывается, что белогвардейцы по всем дорогам расставили караул и ждут наступления.

Такое положение заставило нас принять боевой порядок.

По пояс в снегу, мы начали тремя колоннами наступать на противника.

Общая цель нашего наступления сводилась к обхвату их в кольцо и внезапному нападению, т. к. иной военный подход здесь был не мыслим, ибо противник превосходил нашу численность раз в 20.

Внезапность нападения нам удалась и противник потерял из своих рук инициативу, чем и лишил себя сопротивления.

Правда, такой момент был не длителен.

Вскоре противник ориентировался и направил свой удар на центральную колонну, предполагая, что здесь наши главные силы, не допуская мысли нашего обхода в тыл по тому глубокому снегу.

Центральная наша колонна потерпела неудачу и начала отступать.

С 11 часов дня до 6 часов вечера, когда главные силы противника вели бой с центральной колонной, наши флан-

говые колонны, по плечи в снегу, вели обходы лесом, чтобы обойти противника.

Левой колонной руководил я. Наша колонна вышла в тыл противнику, незаметно и внезапно открыла по их цепям стрельбу пачками.

Наше неожиданное появление в тылу противника, оказавшегося под убийственным огнем, заставило отряд белых обратиться в бегство, бросая полушубки и катанки, чтобы легче было бежать.

Такие же результаты были и на правом фланге.

Противник, таким образом, оказался, обойденным и пытался выйти из нашего кольца.

Был такой эпизод.

Солнце уже закатилось и потухала заря, надвигались сумерки.

Отряд наш все еще вел наступление

Он шел позади меня на 50 сажен. Связь с другими нашими отрядами в это время была прервана. Неожиданно я впереди себя увидел отряд человек в 70 и подумал, что это свои двигались к нам, но когда я подошел вплотную к нему и столкнулся с ним, то увидел, что это был наш противник, разбившийся на две маленькие группы и отступивший из нашего кольца.

От неожиданного соседства с противником, я не смутился и закричал:

— Сдавайте оружие!.. Моя колонна, шедшая позади, между тем, быстро раскинулась цепью, хотя за темнотой она не знала, что происходит впереди со мной.

Отряд противника настолько растерялся, что, не видя моих товарищей, опустил руки передо мной одним, несмотря на то, что весь состоял из офицеров.

—Оружие сдадим—отвечали офицеры,—если вы гарантируете нам неприкосновенность.

На это мною было из‘явлено согласие и дано честное слово революционера, что они немедленно, после сдачи оружия, могут быть свободными и могут идти заниматься честным трудом в свои города и деревни.

Долго не задумались; они тотчас-же стали складывать передо мной оружие, отряд же мой в это дело не вмешивался и только издали слушал происходившее.

Оружие было собрано, а разоружившиеся пущены на свободу нами и „храбрецы“ ушли на заимку, где мы предполагали сделать небольшой отдых.

Таким образом случилось, что я один разоружил целый отряд офицеров.

После разоружения отряда офицеров, дальнейшее наступление нами было приостановлено, так как темнота ночи совершенно скрывала все окружающее.

У Троицкого завода на одной заимке, куда были подтянуты все наши силы, мы расположились на отдых.

Противник, рассеянный по полям, умолк.

Часов в 8 вечера, к нам на заимку неожиданно явился парламентер отряда белогвардейцев с предложением прекращения военных действий.

Парламентер был принят и мы начали вести переговоры.

Я, как командующий, поставил им свои условия, что через два часа, все мятежные силы должны сдать оружие и выдать главарей этого восстания и что только после этого можно признать ликвидацию законченной.

Парламентер удалился для передачи нашего ответа своему штабу.

Часа через два был получен ответ, что выполнить пред‘явленный ультиматум белогвардейцы отказались, так как представители, ведущие переговоры, были главари восстания и, конечно, выдать себя они не могли.

На такие отрицательные результаты переговоров я вновь пред‘явил более строгий ультиматум, сказав им, что им дается два часа сроку для того, чтобы вывести с завода всех женщин и детей, так как завод через этот срок будет подвергнут бомбардировке и штурму.

В действительности же никаких у нас орудий не было, а следовательно не могло быть и речи о какой либо бомбардировке. Этим строгим ультиматумом я думал взять белогвардейцев на испуг.

Это на них подействовало так, что ровно через два часа был получен ответ, что не только вывезены женщины и дети, но и белогвардейцы, получив мой строгий ультиматум, немедленно и беспорядочно отступили.

Троицкий завод был совершенно очищен и значительная часть крестьян из отряда белых раз‘ехалась по своим деревням, и только до 700 штыков организованно отступили в село Голыметьево.

На утро следующего дня, наши войска—черемховских углекопов, в 8 часов вошли в завод, который оказался теперь полупустым, так как белые все выехали, а кто оставался из красных, тот еще не вылез из своих похоронок.

Мало по мало, освоившиеся жители, начали собираться в дома.

Радость их была неописуемая при виде нас, ибо белогвардейцы за свое пребывание в Троицком заводе дали им большой урок. Часть жителей, поддерживавшая белобандитов, теперь раскаивалась и не знала как загладить свою вину перед нами.

Жалобам на бесчинства белых не было конца...

Особенно тяжело пришлось Советским работникам и их семьям.

Такие товарищи, задержанные белыми, подвергались самым жестоким пыткам; раздевались до нага, бросались нагими в снег, убивались как скотина и т. д.

В общем целый калейдоскоп ужасов.

Таким диким издевательствам подвергся и пойманный председатель местного Совета тов. К-тов, которого раненого вытащили из приемного покоя, раздели до нага и бросили в снег, глумясь над ним.

После долгих издевательств над ним, покончили с ним ударом полена по голове.

Не меньшим издевательствам подвергались и другие товарищи и, после самых жестоких пыток, были расстреляны.

Но еще хуже пришлось семьям замученных.

Жен и детей били палками, беременных—по животам, детей сажали в горячие печи и т. д. и т. д.

В нелучших условиях очутились также и те из крестьян, которые были лойяльны: к ним придирались и как чуть что не так, белые готовы были применить всю свою дикость и к ним. Вполне понятно, таким образом, почему население радовалось нашему приходу...

Теперь же, с нашим приходом, снова на заводе устанавливается порядок. Выделяется Ревком.

Коммуна, бывшая здесь и разогнанная белогвардейцами, также восстанавливается.

В общем мало по малу жизнь на заводе начинает входить в обычную колею.

Однако, несмотря на это, мы пока возвратиться в Черемхово не решаемся. Видимое наружное спокойствие нас не

удовлетворяет, ибо банды были ликвидированы не окончательно, а только рассеяны и, при первом удобном случае, они могли снова воспрянуть духом и начать свои налеты. Довольно значительной группой, оставшейся после разгона белобанд, осталась группа в селе Гумелетово, которая больше всего нас и останавливала, да и, кроме того, само село Гумелетово.

Надо сказать, что село Гумелетово—одно из самых больших сел в Черемховском уезде—было одно из самых больших гнезд контр-революции этого уезда.

При создавшемся положении нам не было известно его отношение и к нам, и к белым. Необходимо было это выяснить и тем самым вырешить дальнейшие наши шаги, ибо дальнейшее наше пребывание здесь отрывало 300 человек шахтеров от работы, что влияло на производительность копей.

Выяснить это было необходимо в самом срочном порядке, но как это сделать—перед нами стал вопрос.

Долго решали как это выполнить, а выхода не находилось. Тогда я предложил лично поехать в с. Гумелетово и там, на месте выяснить наши взаимоотношения.

О своем решении я заявил товарищам.

Последние, зная, что крестьянство села Гумелетово против меня настроено больше, чем ко всем нам красногвардейцам, стали противиться моему решению, ибо, по их мнению, я решил ехать на верную смерть.

Никакие уговоры на меня не подействовали и я остался при своем решении...

Рано утром на следующий день я с одним товарищем, красногвардейцем, выехал в с. Гумелетово...

Были уже сумерки, когда мы под'ехали к Гумелетово.

Неприятно тяжелые думы на минуту охватили меня, но если было отмеряно, надо было и резать.

В'ехали в село.

На улицах попались вооруженные белогвардейцы.

Мы проехали мимо них, дальше, к центру села, где было волостное управление.

В волости мы никого не нашли, оказалось, что в это время у них в сборне идет собрание. Мы направились туда...

В слабо освещенной горнице, в табачном дыму, в сборне, куда мы вошли, мы увидели толпившихся крестьян и белогвардейцев. Некоторые из них были вооружены.

Безалаберный крик, шум, брань, возбужденных крестьян дополняли картину собрания.

Спор принял острую форму и по этому наш приход остался незамеченным. Мы остановились у двери и стали прислушиваться.

Собранием руководил офицер, который являлся вдохновителем восстания. Я и мой товарищ узнали его.

Вскоре для нас стало ясным, о чем идет такой горячий спор.

Спор шел обо мне.

Приезд мой оказался во-время.

Много говорилось обо мне: что я руководитель рабочих красногвардейских банд, что я враг крестьянству и т. д.

В конечном итоге предлагалось во что бы то ни стало изловить меня и приговорить к смерти.

Для большей убедительности, что я достоин этого наказания, приводился, как козырь, в доказательство моей враждебности к крестьянству—разгон земского с'езда...

Много еще и еще приводилось примеров...

Долго я слушал, как лились помои на меня, наконец, не выдержал и направился к председателю.

Едва только я подошел к председателю, как он узнал меня и на минуту затих. Такая, очевидно, неожиданность моего появления здесь в то время, когда меня приговаривают к смерти, ошеломила его.

—Вот я и сам налицо, обратился я к председателю—главарю восстания и попросил слова.

Когда председатель собрания заявил, что я прошу слово для об'яснения цели своей поездки и назвал мою фамилию, то в сборне водворилась гробовая тишина, так как все были, очевидно, ошеломлены моим внезапным появлением здесь.

Своей речью я вывел их из оцепенения.

Я начал говорить о цели своего приезда к ним. Между прочим, я сказал, что я приехал к вам, товарищи крестьяне, для того, чтобы разрешить наши взаимоотношения и безболезненно, без драки, ликвидировать военное состояние. Мною было указано, что рабочие никакой ненависти к крестьянам питать не могут, так как мы рабочие, есть

плоть от плоти крестьян и безземельем выгнаны на фабрики и заводы, где сделались профессионалами рабочими, продающими свой труд за кусок хлеба. Мы—рабочие к Вам—крестьянам относимся, как к своим братьям и т. д.

Тут же я указал, что их ввели в заблуждение кулаки и офицеры, защищая свои права, чтобы еще их держать в своих когтях.

Я заявил им от имени черемховского Совета, что мирная жизнь настанет только тогда, когда будут выданы все зачинщики, а поэтому и предложил им сделать это, а если этого не будет сделано, то Советская власть сильна, и возьмет их силой и наказание после этого будет увеличено.

Такое мое поведение поставило крестьян в тупик.

На минуту притихли, а потом поднялся невообразимый спор, а в результате его, принято решение, признать Советскую власть прекратить вражду и дать друг другу взаимные заверения в лойяльности.

На этом вопрос и был покончен.—

После ликвидации белогвардейского духа в селе Гуметово мы с товарищем возвратилить в Троицкий завод. Здесь в это время происходил военный суд над убийцами председателя троицкого Совета.

На суде мне пришлось выступить защитником двух смертников, т. к. я лично, считая одного совершенно невиновным и только вследствие создавшихся обстоятельств, он попал под горячую руку своих односельчан. Невинность была очевидна, но тем не менее надо было принять меры, чтобы не пострадал невиновный человек. Второго я взялся защищать лишь потому, что он редкий тип крестьянина, из которого можно было сделать самого стойкого революционера.

Убийцу этого я взял в плен при разведке, высланной неприятелем при нашем наступлении на завод.

Убийца—молодой солдат, из бедняков, недавно женат, месяца два.

Он, убежденный наш противник, на все вопросы отвечает твердо и уверенно. За несколько минут до его смерти, в его камере мною ему было задано несколько вопросов: сознательно-ли он шел убивать рабочих или был введен кулаками в ложное положение. Приговоренный к смерти ответил, что шел сознательно. И тут же стал излагать свои

взгляды и причины, побудившие его на убийство председателя Совета, указав, что убил только потому, что он анархист. После этого он передал мне письмо для своей жены и разговор был прерван пришедшим караулом, который должен был увести его на расстрел.

Достойный предсмертник пожал мне руку и просил только не злобствовать над ним, как над смертником, после чего вышел на улицу и стал на указанное место; гордо поднял свою грудь, без капли смущения и тревожных переживаний и сказал: „стреляйте!“.

Метко раздался залп взвода, и последний вздох улетел вслед за свистом пуль.

На этом и закончилась, вообще, ликвидация восстания в Черемховском уезде, после чего мы возвратились в Черемхово к своим работам.

Между тем, пока нами производилась ликвидация восстания, в Иркутске эсэры подняли целую бурю против меня, обвиняя в том, что черемховцы, руководимые мною, в уезде чинят насилия над крестьянством, расстреливают и т. д.

Эсэровская буря не замедлила вызвать и результаты.

Для обследования и выяснения тех обвинений, какие выдвигались против нас и меня, в частности, эсэрами на места была командирована специальная следственная комиссия.

Комиссия произвела обследование и весь материал передался с‘езду горнорабочих, происходившему в то время в Иркутске.

Материал этот показал, что мы не насильники, а истинные борцы за свободу, что крестьянская масса была не против нас, и лишь под давлением кулаков оказалась мобилизованной ими, и наш приход принес крестьянину не нарушение его интересов и прав, не насилия, а твердый порядок, вызвавший лишь общую признательность и благодарность.

2 мая черемховский Совет командировал меня в г. Томск для учинения расчетов за предоставленный уголь Томской и Омской жел. дор., куда и выехал со своим семейством в служебном вагоне, со всем домашним багажем. С этим же поездом ехал в Москву Я. Шумятский, который, видя у меня, как у семейного человека, несколько чемоданов и узлов багажа, заподозрил меня в неблаговидности. В Кра-

сноярске Шумятский с поезда отстал. Для какой цели он остался в Красноярске, если ехал в Москву, я узнал после.

Оказывается, что он остался сообщить, что у меня имеются какие-то краденые вещи...

В городе Томске, куда я доехал без всяких казусов, мне пришлось для получения квартиры обратиться к коменданту города Лебедеву, в ведении которого находились все квартиры. Когда я отрекомендовался и назвал свою фамилию, тогда тов. Лебедев заявил, что у него имеется как раз телеграмма относительно меня, которую тут-же достал и прочел мне. Телеграмма была буквально такова: „Секретно. Проследовавшего представителя черемховского района в служебном вагоне, не взирая ни на какие мандаты и удостоверения арестовать, отобрать ценности и оружие:“ Подпись под телеграммой была председателя Красноярского Совета—Венбаум.

После этого тов. Лебедев задает мне вопрос: к какой я партии принадлежу; не меньшевик-ли я или эсэр и когда получил отрицательный ответ, то только развел руками и произвел обыск. Никаких, ясно, вещей у меня не оказалось и я был из под ареста освобожден.

На второй день, после этого, я телеграфировал тов. Венбаум с просьбой указать, кем он быт введен в заблуждение.

В противном случае, сообщил я ему, привлеку его к ответственности, как за оскорбление честного революционера и, кроме того, буду аппелировать к своим товарищам углекопам на оскорбление их доверенного лица.

Аналогичную же телеграмму дал тов. Орлов—управляющий томского Совета с просьбой указать мотивы моего ареста.

Тов. Венбаум ответил на губисполком шифрованной телеграммой, прося как-либо ликвидировать конфликт.

Вот какие бывали казусы и приемы сведения счетов в дни революционной борьбы и в дни партийного антогонизма на почве личной мести у гнустных людей, прибегающих к позорным методам клеветы и грязи.

Расчеты с Томской жел. дорогой подходили к концу. Было 22 мая.

В Томске политическая атмосфера круто стала повышаться.

Сгущались политические тучи.

В этот день комиссар продовольствия явился с отрядом красноармейцев в женский монастырь за получением муки и масла для детского приюта сирот империалистической войны.

На получение муки и масла из монастыря комиссаром от игумени согласие было получено накануне.

Когда в монастырь явились красноармейцы, монахини ударили в набат, на что быстро стала собираться черная рать. Кроме того, провокация, пущенная монахинями, что комиссар и красноармейцы пришли ограбить монастырь и его драгоценности, быстро облетела, город. Через небольшой промежуток времени к монастырю собралась тысячная толпа.

Раз'яренная публика, не разбираясь, начала бросать в красноармейцев камнями, а один студент выстрелом из револьвера ранил комиссара.

Красноармейцы, видя угрожающее положение, открыли стрельбу вверх.

Толпа начала расходиться и инцидент исчерпался.

В этот же день город об'является на военном положении. Хождение по городу запрещается с 7 часов вечера. Однако, несмотря на предпринятые меры ограждения, в этот же день по городу появляются погромные листки воззвания черной сотни города.

24 мая, я выехал в Черемхово для доклада Совету о результатах своей поездки в гор. Томск и в этот же день приехал на ст. Тайга.

Утром, 25 мая, поезда со ст. Тайга уже перестали ходить и в западном и в восточном направлении. Причиной прекращения отправки поездов явилось выступление чехов, против Советов. Подробных сведений, между тем, об этом выступлении здесь не было, но рассказывалось, что Новониколаевск ими уже занят, власть Советов ликвидирована, как и самый Совет и что все перешло к эсэрам, которые якобы уже создали новое Временное Сибирское Правительство.

В общем, о происшедшем говорилось разноречиво.

На станции Тайга атмосфера также заметно сгущалась как среди жителей, так и застрявших здесь пассажиров. Мещанская обывательская публика торжествовала по случаю успехов чехов и открыто теперь выступала в разговорах против большевиков, красногвардейцев и т. д.

—Что, пришел вам конец—злобствовали они, обращаясь к местным милиционерам-красногвардейцам. Некоторые с остервенением набрасывались на них, плевали в лица.

Между тем, общее положение было все еще неизвестно.

Я решил возвратиться в Томск.

О своем решении, я поделился с тов. Коляда, очутившимся также на станции Тайга.

И с первым отходящим поездом мы уже ехали в Томск.

По приезде в гор. Томск, мы с товарищем Коляда сейчас-же отправляемся в ревком, где узнаем подтвержденые сведения о занятии чехами Новониколаевска и Мариинска, а затем на телеграф к прямому проводу, чтобы узнать, что делается в Черемхово и в Иркутске.

К телеграфу были вызваны тов. черемховцы: Радко и Лебедихин.

Последние нам передали, что в ночь на 25 мая выступили чехи, ликвидировали местами Советы и дальше двигались на ст. Инокентьевку, но принятыми мерами выступление их подавлено. Чехи разоружены и отправлены на Дальний Восток.

Мы передали им, чтобы черемховцы немедленно встали все, как один человек на подавление чешских выступлений и не пропускали ни одного их эшелона ни в западном, ни в восточном направления, причем сообщили, что чехи заняли Новониколаевск и Мариинск, что выступление их носит определенный характер против Советской власти и что нужно готовиться к этой борьбе.

На этом был прерван прямой провод с Иркутском и больше уже не восстанавливался.

После разговора с Иркутском, мы перешли на прямой провод для разговора с Красноярском, откуда получаем сведения, что отряд в 500 человек уже выслан на Мариинский фронт против чехов и что этот отряд должен еще соединиться с Ачинским гарнизоном; говорили, кроме того, что если будет мало, то они еще смогут послать силы, т. к. имеют достаточные резервы.

На этом провод и тут был прерван и больше восстановить его также никак не удалось.

В Томске, всвязи с чешским выступлением, местный Ревком мобилизует все свои силы и приготовляется бросить их на фронты против чехов. Для единства действий с другими городами, отстаивающими власть Советов, защи-

ты Томска и держания фронта на участке Новоникол.—Мариинск, им высылается на ст. Тайга бронепоезд, во главе с тов. Александровым.

В это время уже образовалось два фронта; со стороны Новониколаевска и со стороны Мариинска.

Фронты держали анжерские и судженские шахтеры.

К ним и присоединяется Томский бронепоезд.

Общими силами они предпринимают наступление на чехов.

Выступление чехов, оживившее враждебный лагерь власти Советам, подняло дух и у томских реакционеров. Среди них заметно начала выявляться открытая ненависть. Мы получаем сведения, что они готовятся также к свержению власти Совета и в городе Томске имеется белогвардейский штаб.

Для предупреждения выступления Томским Ревкомом принимаются все охранительные меры и в ночь на 26 мая открывается белогвардейский штаб, готовый выступить в ближайших днях.

В открытом белогвардейском штабе нами находится список заговорщиков восстания, которых насчитывается до 300 человек офицеров.

Тов. Колядо тут-же приступил к арестам заговорщиков, большая часть которых излавливается.

В это же время со станции Тайга привозится арестованным сорганизовавшееся белогвардейское временное правительство.

В ночь на 27 мая, несмотря на то, что большая часть заговорщиков восстания была арестована, восстание вспыхнуло.

К 1 часу ночи участники восстания начали собираться в городской сад, против Дома Свободы, намереваясь затем рассыпаться группами по городу.

О белогвардейском сборе Ревком получает сведения и сейчас же отправляет красногвардейцев для их ареста.

Весь сад окружается и все белогвардейцы загоняются в учительскую семинарию и в кирку, где, окруженные со всех сторон, они и арестовываются.

Вскоре у сада задерживается один крестьянин, везший белогвардейцам 150 винтовок, спрятавши их в возе сене.

К 10 часам утра крупное белогвардейское восстание было в его зародыше ликвидировано и тем самым предупреждено ненужное кровопролитие.

Город Томск после этого переходит с военного положения на осадное. После 3 часов дня, всякое хождение по городу запрещается и вводится усиленное патрулирование красных частей.

Но и такая мера не избавляет город от ежедневных листовок-воззваний с погромными призывами, которые расклеиваются черной сворой на заборах и в витринах.

Источником, откуда исходили эти восстания среди населения, являлось Томское духовенство, якобы принимавшее участие в их изданиях.

Насколько это было правдой нам узнать не удалось, но тем не менее подтверждение этой возможности скоро не замедлило сказаться.

В один прекрасный день Томское духовенство, во главе с епископом, несмотря на осадное положение, решило устроить крестный ход с молебствием.

Для какой цели и почему это делалось, покрыто мраком неизвестности, но вероятно, для ниспослания побед „христолюбивому воинству" над большевиками и для того, чтобы учинить историю, какая произошла в памятный октябрь пятого года.

При колокольном звоне, с хором певчих, хоругвями и крестами вышло духовенство из собора, направляясь в город организовать черную рать.

На такую выходку духовенства, неподчиняющегося общим условиям всвязи с введением осадного положения, Ревкому пришлось стать на определенную линию закона.

Только что процессия черной братии вышла из собора, как был выслан автомобиль с пулеметами, который должен был рассеять это контр-революционное скопище.

Однако, никакие мирные уговоры о прекращении дальнейшего шествования на духовенство не действовало и оно продолжало свой путь из собора и только тогда, когда пулеметы приняли боевую готовность, черное воронье прекратило свою затею и возвратилось в собор..

И в то время, когда здесь духовенство молило о ниспослании побед над большевиками, чехи чинили жестокую расправу над рабочими в занятых ими местах.

Фронт в это время был у ст. Тайга.

27 мая тов. Канатчиков, председатель Томского Ревкома, по нашему настоянию командирует меня и тов. Колядо на станцию Тайга, в распоряжение начальника штаба—тов. Александрова.

На станции Тайга мы товарища Александрова не застали, т. к. бои в это время уже шли на раз‘езде Яшкино и он передвинулся в этот район.

Шло отступление.

На станцию прибывали все новые и новые раненые.

Анжерцы и судженцы, обойденные с флангов несли громадные потери.

Штаб командировал меня на Анжерские копи, где, по сведениям, была в это время неблагоприятная для нас атмосфера.

В этот-же день, в 4 часа дня, я приехал на Анжерские копи.

К моему приезду здесь происходило общее собрание, обсуждавшее текущий момент.

Надо сказать, что когда началось чешское выступление, с копей на фронт выехала, почти вся сознательная часть рабочих и в тылу, в общем, осталась лишь обывательски настроенная группа.

Такое положение заставило меньшевиков вновь вылезти из своих нор и приияться за свою черную работу.

В короткий срок они эту оставшуюся часть обработали на учредиловский лад и снова появляется здесь заглохший лозунг: „да здравствует учредительное собрание“.

Постановление такое было вынесено собранием рабочих накануне моего приезда...

Я отправился на происходящее собрание.

Здесь я видел, что меньшевизм работает, что называется, во всем об‘еме и шири.

Пришлось выступить против.

Противники, не имея козырей в руках, возражать не смели и приумолкли. Общее же собрание единогласно вынесло резолюцию, что вся власть должна принадлежать Советам и за Советы они будут сражаться до последней капли крови.

Так решили тов. анжерцы на последнем собрании при Советской власти в 1918 году.

Сейчас-же ими начинает формироваться отряд для посылки на фронт. До 300 человек набралось желающих,

которые тут же выехали на помощь товарищам, сражавшимся уже несколько дней на фронтах.

С Анжерки вечером я приехал на Судженку, где весь штаб вел заседание, обсуждая вопрос, какой держаться в дальнейшем ориентации, так как в это время было получело сообщение, что станция Тайга нашими войсками оставлена и наши броневики отошли на раз'езд Пихтач.

Наше положение все время с каждым часом ухудшалось.

Необходимы были героические меры для предотвращения катастрофы и судженский штаб решил полностью идти на Яйский фронт.

Кроме того, было учтено, что даже при таких условиях едва ли мы сможем противостоять чешским силам.

Лучше погибнуть в бою, чем сдаться на милость победителей, так решил штаб.

И мы все отправились на фронт.

Между тем, получались все новые и новые сведения, что мы попадаем в кольцо к чехам, что бои идут под ст. Тайгой и т. д.

Но чем становится серезнее положение, тем отчаяннее вели себя шахтеры, не щедя своей жизни.

Чешская петля стягивалась вокруг Анжерки и Судженки с каждым часом все туже и туже.

Надежда на нашу победу была потеряна окончательно и нам ничего не оставалось делать, как ликвидироваться.

Все дела Совета мы собрали с председателем судженского Совета и в сопровождении красногвардейцев выехали в деревню Кайлу, находящуюся в 8 верстах от копей. Здесь у крестьянина мы оставили все книги и оружие, а сами выехали дальше под видом коммерсантов, только с ручным багажем, держа путь на г. Мариинск.

В восьми верстах от Мариинска мы остановились в деревне, с расчетом узнать, как можно нам обойти город Мариинск, который был занят чехами.

Путь мы свой держали к своим, стоящим по другую сторону реки Кия, и ведущих бомбардировку города Мариинска.

Оказалось, что никакого обхода сделать здесь нельзя, т. к. река Кия слишком широка, а главное, ее луговая сторона была на десятки верст лесная и болотистая, так что всякий обход и переход на ту сторону, к красным был

неосуществим. Да и кроме того, сами мы местности здесь не знали, а из крестьян никто не брался нас провожать.

Наши поиски проводников вызвали со стороны крестьян подозрение в том, что мы—красные, от чего у них к нам появилась даже враждебность и они грозили нам расправой, как об этом узнали мы от крестьянина сочувствовавшего Советской власти, у которого мы ночевали.

Однажды, чуть только начало светать, как хозяин, где мы ночевали, разбудил нас и рассказал, что ночью за нами приходили крестьяне и требовали от него нас выдать, чтобы учинить расправу. Хозяин квартиры посоветовал нам скорее выехать из деревни. Мы согласились. Он сам сейчас же запрег пару лошадей и повез нас в г. Мариинск, под видом проезжающих коммерсантов. При проезде через город, нас обыскали чешские солдаты и пропустили дальше. Подозрения мы у них никакого не вызвали по наружному виду, да и еще первые дни борьбы не дали им вомзожности усвоить всех правил предосторожности.

Таким образом мы проехали первую чехословацкую полосу.

Наконец, после некоторых мытарств, мы добрались до гор. Красноярска.

Революционный Красноярск в эти дни вел грандиозную и тяжелую работу, выдерживая два фронта: один против Мариинска, другой со стороны Канска, на ст. Заозерная. Каждый день им отправлялись все новые и свежие отряды на оба фронта. Губревком вел большую работу, приготовляясь к дальнейшей борьбе.

Зам. председателя ревкома здесь в это время был Валентин Яковлев.

Тяжелое положение заставляло красноярцев обратиться за помощью к сибирскому центру—Иркутску в лице тов. Демина.

Однако, на все просьбы о помощи, Иркутск какой-либо серьезной поддержки не оказывал,

Не лучше дело обстояло с Иркутском и в других отношениях. Он вел всю ту-же нерешимость, какая им проводилась с самого начала революции.

Никакого активного приготовления против чехов Иркутск своевременно не принимал, а вел все время свои „дипломатические“ переговоры с Гайда, представителем

чешских войск, тем самым усиливая ряды контр-революционеров.

Чехи, не взирая ни на какие „дипломатические переговоры“ знали одно—свергать власть Советов, а Иркутску были, очевидно, терпимы беседы—„дипломатические переговоры“.

Месяц с лишним тянулась эта „дипломатия“...

Революционные ряды бойцов, сражавшихся на фронтах, не видя помощи от своего сибирского центра—Иркутска, начали проявлять сомнения о действительной преданности иркутских товарищей делу рабочих, власти Советам.

К этому же находились и факты, чуть-ли не подтверждающие их мысль.

Был такой случай.

Когда началось первое выступление чехов, черемховские шахтеры, не имея оружия, обратились за ним в Иркутск. Они хотели выступить против чехов и ликвидировать все эти восстания.

Своевременное снабжение черемховцев оружием могло бы положить дальнейшим чешским выступлениям конец.

Иркутск ходатайство черемховцев не удовлетворил и по-прежнему оставался на одной линии—линии большевиков с меньшевистской идеологией.

Такое поведение Иркутска, несомненно сыграло большую роль в деле помощи скрепления контр-революционных рядов, ибо оно дало возможность сконцентрировать все чешские силы в Сибири и в последующих событиях душить один за другим города, что было сделано с Красноярском и прочими городами западной Сибири...

В Красноярске, с нашим приездом шли об'единенные заседания с отступившими Советами из Каинска и Мариинска; обсуждалось наше дальнейшее положение и различные выходы из него.

Среди других вопросов затрагивался вопрос о положении фронтов.

Между прочим, указывалось на ту опасность на Мариинском фронте, какая могла случиться в случае обхода противником нас с фланга.

Указывалось еще на целый ряд не совсем удачных положений наших частей и на других фронтах.

Командующий войсками, тов. Марковский принимал все к сведению и после каждого совещания выезжал на линию фронта для окончательного разрешения на месте того или иного выдвинутого вопроса на совещании.

Товарищеская спайка и солидарность здесь были неразрывно связаны.

Одна у всех была мысль.

Только бы удержать власть Советов.

Только бы ликвидировать выступление контр-революции.

Здесь мне пробыть пришлось недолго.

По поручении В. Яковлева, я отправляюсь в Иркутск для выяснения вопроса, когда и какую он может оказать помошь красноярцам и, вместе с этим, подтолкнуть иркутских товарищей, ведущих „дипломатические" переговоры с чехами, на скорейшее принятие определенных решений.

Дальнейшее положение, какое велось Иркутском, ставило под угрозу сдачи Красноярска чехам и тем самым к ликвидации здесь власти Советов.

Перед от'ездом из Красноярска, я на вокзале встретился с только что приехавшими товарищами с востока, с т.т. Староверовым и Черепановым.

Они проехали все нейтральные зоны, полосы белогвардейского владычества и т. д, и когда они узнали, что я отправляюсь на восток, ехать не посоветовали.

Проезд на восток, по рассказам их, рисовался как весьма рискованное предприятие, т к. опасность для жизни будет встречаться на каждом шагу и что если они проехали все эти преграды, то только вследствие какой то счастливой случайности.

Несмотря на это, я все же решил во что-бы то ни стало ехать.

Пассажирское движение из Красноярска в восточном направлении в это время было только до станции Заозерной, откуда дальше шла нейтральная зона до следующей станции.

С первым отходящим поездом я отправляюсь к нейтральной зоне, до станции Заозерной.

А дальше надо было ехать на лошадях, т. к. поезда через нейтральную зону в этом районе не ходили.

Перспектива ехать на лошадях через нейтральную зону мне не улыбалась, ибо здесь, проезжая на лошадях, я

имел большое число шансов на то, что дальше этой зоны мне не уехать.

Белогвардейцы этого района слишком хорошо меня знали и, чтобы миновать это острое копье, мне пришлось подумывать о какой-либо оказии, с которой я мог бы проскользнуть незамеченным.

Оказия такая скоро мне подвернулась.

На восток шел поезд американского консула

С ним я и решил проехать нейтральную зону до первой станции, откуда начиналось движение поездов, т. е. до нашей станции Худоеланская.

Город Канск в этот период был уже занят чехами.

При занятии Канска, чехам достались довольно большие трофеи, в виде вооружения, как, например, винтовок ими было здесь взято до 7000 штук, складов снаряжения, обмундирования и т. д.

Захваченное ими оружие—винтовки—все тут же раздаются на руки крестьянам окрестных сел, желающим идти против нас.

Из всех окрестных сел наиболее ревностным селом по контр-революции оказалось село Заозерное, входящее тоже в нейтральную зону.

До семисот человек нашлось здесь охотников идти против рабочих, против нас.

Как только было роздано им оружие, они тотчас же выступили на фронт.

Вскоре вся нейтральная зона, начинающаяся от их села, переходит под их наблюдение и они чрезмерно рьяно оберегают там свои порядки.

Спаси и сохрани того, кто попадет к ним из большевиков.

Живым от них почти никто не уходил.

Меня же они знали хорошо, но случай с проходом американского поезда через зону облегчал опасность моего проезда.

Кое-как, с большим трудом я добился в консульском поезде места до первой станции, откуда дальше идут поезда.

Вот я и в Канске, в белогвардейском районе.

Чехов оказывается здесь совсем незначительное количество. В большинстве руководителями здесь является русское белогвардейское офицерство.

Между прочим, узнаю, что чешских войск в районе наших действий насчитывается не более двух тысяч чело-

век, да столько же, приблизительно, и разного белогвардейского сброда.

Все они раскинуты на пространстве четырехсот пятидесяти верст.

Моя мысль о возможности их скорой ликвидации при такой разбросанности выплывала снова, и если бы Иркутск не воспротивился, когда я предлагал эту комбинацию, победа была бы на нашей стороне и Красноярску, несомненно, удалось бы спастись, а черемховцам разбить нижнеудинский и канский фронты.

Пока я в Канске узнавал о противнике, на станции уже сформировался поезд для отправки дальше всех скопившихся здесь пассажиров.

Среди них и большевики и враги.

У каждого на лице свое: и радость, и испуг.

Кому что..

Документы проверились, надо сказать проверились они небрежно, и мы сели в вагоны.

Отходной свисток, поезд трогается и мы мчимся в Нижнеудинск.

В Нижнеудинске опять целая процедура.

Отсюда начиналась вторая нейтральная зона, простирающаяся до станции Тулун, где стояли наши черемховцы.

Комендант станции, чех, отправлять нас дальше отказался, но пассажиры, измученные долгими ожиданиями поездов, стали усиленно настаивать перед ним о немедленной их отправке дальше.

Комендант не соглашался.

Наконец, после долгих просьб, комендант решил переговорить по телефону с черемховцами о подаче ими своего паровоза для дальнейшего следования нашего поезда.

После двухчасового разговора с черемховцами об условиях обмена паровозами, наконец, между ними было достигнуто соглашение.

И наш поезд отправляется дальше, до станции Худоеланская, где должен был произойти обмен паровозами.

Станция Худоеланская от Нижнеудинска стоит в сорока верстах.

Едва только наш поезд стал подходить к семафору станции Худоеланская, как к поезду подлетает сотня казаков, останавливает поезд и начинает производить поверку документов.

Документы у меня были в порядке, но тем не менее, некоторая неприятность, при столкновении с казаками, чувствовалась.

Поверка документов окончилась.

Все прошло благополучно.

Поезд дает отходный свисток и мы отправляемся к станции.

Здесь, на станции Худоеланская ожидать нам пришлось Тулунского паровоза.

Два часа томительного и тревожного ожидания.

Напряженно мы прислушивались, не раздается ли подходный свисток, наконец, из-за леса вынырнул черномазый паровоз, с белым флагом, что значило, что паровоз не боевой, так как от этой станции начиналась фронтовая полоса, где могли показываться и неприятельские паровозы.

В ожидании паровоза, нам—пассажирам не разрешали ходить по станции.

Любопытных влекло посмотреть здесь на паровоз, опрокинувшийся у входной стрелки, на котором ехала красногвардейская разведка из 12 человек, и которая после крушения была зверски замучена казаками.

По прибытии паровоза, поезд немедленно отправляется дальше—в Тулун.

Раздается свисток отправления; у всех пассажиров радостно вырывается вздох облегчения.

Это был последний пункт белогвардейщины.

Паровоз стремительно подхватывает состав и быстро несется вперед, как бы убегая от преследования, подавая часто свистки, эхо которых трелью отдается в лесу, огораживающем стальную полосу железной дороги, извивавшейся змейкой и уходящей куда-то вдаль.

Но вот показалась и станция Тулун.

Поезд, без особых задержек, отсюда отправляется дальше, а я остаюсь в Тулуне.

Здесь много оказалось моих товарищей из Черемхово.

Все они здесь несли охрану нейтральной зоны и держали линию фронта.

Численность черемховцев здесь была до 10 рот по 250 человек в каждой, и небольшой отряд центра Сибири—Иркутска.

Здесь-же, в Тулуне стоял и штаб, во главе которого был тов. Канторович.

Недостаточно хорошее вооружение, если не считать двух орудий бывших при них, все же не останавливало черемховцев к наступлению на белогвардейцев для окончательной развязки с ними.

Но как не рвались они к этому, Иркутск „самостийничать" не разрешал, а попрежнему в е еще вел переговоры.

Такое отношение Иркутска среди черемховцев вызывало неповольство и с каждым днем настроение падало.

Необходимы были решительные меры для Иркутска, ибо эта соглашательская политика иркутских „большевиков" уже сказалась и дала плодотворные плоды для белогвардейцев, т. к. они теперь уже располагали довольно изрядными силами.

Дальнейшая такая проволочка может погубить власть Советов, думал я.

На другой же день я выехал в Иркутск...

По приезде в Иркутск, я был принят для доклада председателем центра Сибири Н. Н. Яковлевым.

Пред ним я развил мысль, что дальнейшее такое поведение Иркутска, как центра, допустить нельзя. При дальнейшей их такой политике соглашательства для Иркутска может быть плохо, и поэтому просил как либо разрешить этот вопрос в самом непродолжительном времени.

Кроме того, выявил ему необходимость дальнейших военных операций на Нижнеудинск. которые спасут гор. Красноярск. Просил также немедленно вооружить лучше черемховцев и дать им гаубицы и 3000 штук винтовок.

Н. Н. Яковлев обещал сделать все, что будет от него зависить.

От Н. Н. Яковлева я отправился в военный комиссариат, где руководителями были: Трилиссер, Швецов, Зележев и др.

Пред ним я также развил свою мысль об угрожающей опасности.

Но, вместо делового серьезного ответа, я получил ответы детски-наивные, так Трилиссер оказался глубоко верующим в то, что чехи скоро уедут из Сибири, ибо, по его мнению, они едут на французский фронт и сказал, что я беспокоюсь напрасно.

Наша беседа обратилась в бурную сцену, особенно тогда, когда я сказал, что такая детская „трогательная" наивность есть ни что иное, как предательство революции.

В конце концов мне все же удалось получить 300 штук винтовок, из них половину итальянских, несмотря на то, что в складе лежало без употребления громадное количество трехлинеек.

Итальянские винтовки многие были попорчены, но отказываться было нельзя, ибо могло случиться, что мне бы не дали и никаких, а оружие фронту нужно было до-зареза, как говорится.

Тов. Вележев дал две гаубицы.

Когда все это я получил и погрузил в вагоны для отправки в Тулун, ко мне поступает распоряжение, чтобы винтовки и гаубицы на фронт не смел отправлять.

Очевидно, недоверие к черемховцам, держащим, кстати сказать, более месяца Нижнеудинский фронт, воскресло еще с большей силой, а может быть и какие либо иные побуждения руководили ими, когда давали они это распоряжение о запрещении отправки оружия на фронт черемховцам.

Это—загадка.

Тов. Кузнецов, бывший со мной, также не меньше возмущался, чем и я.

Но, как выйти из этого положения...

Я возвратился со станции в военный комиссариат к Трилиссеру узнать о причинах запрещения отправки оружия.

После бурной стычки с тов. Трилиссер и по настоянию Н. Н. Яковлева, я получаю вновь разрешение на отправку выданного мне оружия.

Это ничтожное количество оружия, полученное мною, не удовлетворяло и одной пятой части фронтовой нужды, но я был в надежде, что после этой партии достанем еще.

Оружие мною было привезено и сдано штабу в Тулуне, который тотчас же раздал на руки красногвардейцам, не имевшим никакого вооружения.

Что касается гаубиц, то они оказались без замков и упряжи, а без этого они к делу не годились.

Пришлось за замками и упряжью возвратиться в Иркутск.

В этот приезд в гор. Иркутск местные власти уже беспрекословно выдали мне 1500 винтовок, 13000 патрон.

Кроме того, приехавшим со мной товарищем Кузнецовым на станции Иркутск было случайно открыто еще че-

тыре вагона с японскими винтовками, о которых никто не знал.

Все это было для нас большой помощью.

Тов. Вележев, узнавший, что замки не отосланы, на этот раз распорядился экстренно дать мне специальный паровоз для срочной отправки оружия на фронт.

Перед от'ездом, я зашел еще раз в военный комиссариат и еще раз попросил выслать на фронт кавалерию Лаврова, прибывшую только что с семеновского фронта.

Пока я ездил в Иркутск, черемховцы уже повели наступление на станцию Худоеланскую, где и разбили на голову противника.

На станции ими был захвачен броневик с паровозом.

Одна рота в 250 человек здесь разбила до 1000 человек противника.

Такие неравные силы рисуют картину достаточно ярко.

Как пример революционного героизма красных шахтеров-черемховцев можно привести еще и такой.

В то время, когда противник меньше всего ожидал нашего наступления и мы вообще были пассивны на фронте, взвод черемховцев подполз к броневику и заметал бомбами броневик.

Результаты, как я говорил выше, нашего наступления оказались налицо: броневик после этого достался нам.

Так мужественно сражались товарищи-черемховцы, отстаивавшие завоевания Октябрьской революции.

После победы над белогвардейцами, со станции Худосланская, наступление черемховцев продолжалось.

Вскоре приехал на фронт и Лавров с отрядом своей кавалерии.

Он был назначен командующим фронтом.

На третий день по прибытии на фронт Лаврова, с мадьярской кавалерией повели наступление на Нижнеудинск.

Наступление повелось по двум направлениям: по линии железной дороги и в обход города, куда можно было пройти вброд через реку Уду, около Вознесенской горы.

Наше наступление развивалось удачно и войска уже заходили в город, заняв Вознесенскую гору.

Не было сомнения, что мы вновь возвращаем здесь сданные свои позиции.

Но вдруг, мы получаем сведения, что к Нижнеудинску на помощь пришло девять эшелонов чехов.

Такой неожиданности мы не поверили, но не прошло и полчаса, как мы убедились, что сообщение о прибытии подкрепления Нижнеудинску не является плодом вымысла.

Как только чехи прибыли в Нижнеудинск, они сейчас же из вагонов были двинуты на позицию.

Тут только мы узнали, что революционный Красноярск пал, чем и об'яснялось изрядное количество чехов, наседающих теперь на нас всей своей тяжестью.

Всякое наше наступление на Нижнеудинск теперь, с прибытием чехов, встречало сильнейшие контр-атаки и затем дальнейшее наступление противника.

Нам пришлось отступать.

Но отступление наше не подрывало дух у нас, а, наоборот, вселяло еще большую энергию и под ем.

Я помню такой случай героизма.

Председатель зиминского Совета тов. Молодых, лет не более 21, был ранен девятью пулями в грудь на вылет; причем, в это же время ему оторвало снарядом ногу.

Он остался жив.

И когда, он лежал раненый в носилках, то сжал кулак и стал грозить противнику.

После, в Нижнеудинске, в госпитале, как рассказывают, им очень интересовался шведский консул и ежедневно приезжал к нему проведывать, привозил для него каждый раз подарки.

Восхищаясь его революционным духом, шведский консул часто говорил полушутя:

„Что, если бы все рабочие были такими? Нам бы карачун".

Во время нашего наступления на станцию Худоеланскую, в лесу было найдено зверски-изуродованное тело тов. Черепанова.

Узнать его можно было только по письму, найденному у него в кармане к его сестре в Иркутск. Я узнал тов. Черепанова по брюкам, в каких он был в момент моего прощания с ним в Красноярске.

Зверски изуродованное лицо т. Черепанова не поддается никакому описанию.

Глаза выколоты, одно ухо оторвано, череп разбит.

На теле было семнадцать штыковых ран в живот.

Как выяснилось товарищ, Черепанов ехал в Иркутск под покровительством американского консула, хотя в Канске полковник Ушаков гарантировал ему неприкосновенность его проезда.

Однако, товарищ Черепанов никакой гарантии Ушакова не поверил и уехал все-же с поездом американского консула.

Но и это покровительствование не оказалось сильным, т. к. вслед за от'ездом на восток Черепанова, Ушаков телеграфировал на станцию Худоеланскую об его задержании.

Тов. Черепанов был с поезда снят и по телеграфному же распоряжению Ушакова замучен и расстрелян.

Таким оказалось благородное слово господина полковника и консула.

Труп тов. Черепанова был нами перевезен в Тулун, где с подобающими почестями схоронен.

Так погиб всеми уважаемый рабочий красноярец, тов. Черепанов.

Бои с чехами не утихали, а, наоборот, с каждым днем принимали все более и более ожесточенный характер.

Мы отсупали. Несли большие потери. Но без боя не сдавали ни одной позиции.

В то время, когда мы вели отступление по линии, где мы раньше наступали, чехи задумали сделать обход и забраться к нам в тыл.

Как конечная цель достижения при обходе нас, они поставили станцию Шеберта.

Но мы, предвидевшие всякие неожиданности со стороны тыла, а тем более как раз в этом же районе, куда направлялись чехи, выставили для охраны роту черемховцев.

Однако, несмотря на это, чехам удалось зайти в этот район.

Ночью, когда все люди спали, они напали на станцию Шеберта.

Черемховцы, застигнутые врасплох, взялись за оружие и бросились в цепь. Помещались они в вагонах, т. к. война в то время велась подвижная и большей частью на колесах.

Произошла горячая схватка.

Разбитые черемховцы начали отступать.

Много было унесено здесь жертв.

Так в этом бою погиб один из славных борцов, т. Коржнев, старый революционер, вернувшийся из эмиграции и еще целый ряд товарищей.

Все эти жертвы не удалссь похоронить, так как уже началось отступление.

По слухам было известно, что крестьяне деревни Шеберты, якобы даже украдкой от белогвардейцев похоронили все жертвы этого боя.

По всему фронту шло наше отступление, давая все время арьергардные бои противнику.

Иногда этакие бои принимали довольно серьезныя формы, задерживали противника и наносили ему поражения.

Наш революционный штаб, отступая, все время искал подходящее ме.то для встречи с противником.

Место было избрано.

Решено было дать основательное сражение около станции Тыреть.

Но когда мы прибыли в этот район, то убедились, что по стратегическим соображениям местность для нас не выгодна.

И отступление продолжалось дальше.

И так по всему красному фронту.

В Черемховском районе шла эвакуация.

Эвакуировалось отсюда все: живой, мертвый инвентарь копей, рабочие, их семьи...

Много осталось рудников без одной живой души...

Все черемховские революционные углекопы знали, что никоим образом они не могут оставаться здесь.

Они знали, что вся буржуазия и вообще вся белогвардейщина стала бы мстить им беспощадно, так как товарищи черемховцы были самые ненавистные враги всей белогвардейской братии.

Это было доказано.

Был случай, когда началась эвакуация Черемхово, местный военный комиссар тов. Бельков не успел выехать и был захвачен белогвардейцами.

Буржуазия, увидевшая пленного тов. Белькова, готова была броситься на него и растерзать.

Чешские солдаты этого не допустили, а ночью увели и расстреляли в лесу.

Так погиб от руки палачей энергичнейший работник Черемховского Совета Р. И. К. Д.

Тов. Бельков был идеальнейший коммунист-революционер.

Он бедный крестьянин Черемховского уезда.

Схвачен он чехами в родной своей деревне.

Тов. Бельков был выдан местными кулаками.

Его отзывчивая натура осталась в памяти у всех тов. черемховцев, кто знал его, как преданного защитника интересов рабочих, крестьян и бедноты деревни.

Вот что значила для черемховца не эвакуация.

Мы знали, что соглашатели равнодушно убивали рабочих, как Сибирское Временное Правительство из меньшевиков и эсэров, которое вынесло мне смертный приговор, как вожаку черемховских шахтеров.

Но черемховцы были не из таких, чтобы можно было сдавать без боя оружие.

Это были те революционные богатыри, которые не могут быть забыты историей будущих поколений.

Так бились революционные черемховцы с чехами и всей белогвардейщиной, отступая от своих дорогих шахт все далее и далее на восток, устилая своими трупами весь путь от Нижнеудинска...

Наш революционный штаб решил дать сражение чехам на реке Белой, где широкая река являлась естественной преградой между сражающимися.

Здесь более выгодными представлялись нам боевые позиции, чем где либо в другом месте, к тому же они являлись преддверием сибирской столицы—Иркутска

Едва только от Нижнеудинска началось наше отступление, как в Иркутске белогвардейцы—эсэры и меньшевики начинают проявлять себя.

Ими организуется заговор.

Целью своей они ставят свержение власти Советов, и, не располагая достаточно силами, они в первую очередь намечают захват тюрьмы и освобождение арестованных, которых в то время в иркутской тюрьме было очень много.

Из солдат они предполагали втянуть девятый полк, расположенный в казармах, для чего также был в первую очередь намечен захват этих казарм.

Выступление и план освобождения арестованных из тюрьмы частично им удались.

Начальник караула, бывший офицер Ашидко, имея предрасположение к ним, не смог им полностью осуществить этот план.

При захвате тюрьмы, Ашидко убивает комиссара тюрьмы и освобождает арестованных.

Иркутские власти о происходящих событиях в тюрьме узнают несколько с опозданием, но, тем не менее, ими тут же высылается отряд т. Серышева для ликвидации событий в тюрьме и восстания вообще.

Прибывший отряд, в тюрьме прекращает освобождение арестованных и водворяет порядок.

Но около половины тюрьмы оказалось уже освобожденной.

Среди освобожденных был и видный эсэр Д. Яковлев, бывший впоследствии при Колчаке губернатором и который впоследствии, когда мы сидели в тюрьме, как губернатор, заявлял нам, что совдепщиков они расстреливали с удовольствием...

Целый день отряд т. Серышева вылавливал по городу восставших белогвардейцев...

К вечеру ликвидация восстания закончилась..

По железной дороге отступление наших войск прикрывал бронепоезд. Начальником этого бронепоезда был черемховец, тов. Михеев, бывший когда то паровозным машинистом на Закавказской жел. дор. и сосланный в Александровский централ, по национальности т. Михеев — турок. Около шести лет он жил в Черемхово и в последнее время служил машинистом на электрической станции, где был общим любимцем среди бывших уголовных ссыльных черемховцев.

Тов. Михеев был одно время, председателем черемховского Совета, но когда иркутяне написали в газете, что в Черемхово председатель Совета из уголовных, это очень и очень обидело и огорчило тов. Михеева.

И т. Михеев ушел от работы на время, ругая всех политиков и проклиная законы.

Более 4-х месяцев т. Михеев был чужд всякой политической работе и до тех пор это продолжалось, пока не пришло время взяться за оружие всем рабочим для защиты власти рабочих и крестьян.

Теперь т. Михеев говорил, когда командовал бронепоездом—поглядите в наши ряды, где те крикуны, которые позорят черемховцев.

Их не было, их нет и они не могут быть здесь, так как здесь дерутся только одни мозолистые руки, которые только одни и могут держать винтовку в руках на защиту своих интересов. После нашей победы, крикуны опять нас будут ругать, как неотесанных и будут подводить под уголовные статьи,—так рассуждал за несколько дней перед смертью т. Михеев.

Помощником начальника бронепоезда был тов. Григорович, слесарь механического завода Щелкунова, он был до безумия ревностный революционер, за что и был любимцем всех рабочих завода.

Эти два бесстрашных революционера, во время нашего отступления, причиняли противнику не мало бед.

Своим примером они воодушевляли товарищей, падающих духом и шли всегда впереди.

Подвигам их нет конца.

Одним из примеров мужества является следующий случай.

При нашем отступлении из Иркутска, на складах бывшего интендантства, должно было остаться невывезенным громадное количество обмундирования.

Спешное наше отступление не позволяло нам заняться вывозкой каких-либо ценностей и все это попадало в руки противника.

Между тем, нужда в одежде у красноармейцев была большая.

Тов. Михеев и Григорович, когда узнали об этом, решили возвратиться и погрузить все возможное на бронепоезд и вывезти.

В Иркутске в это время уже хозяйничали белогвардейцы.

Горсть красногвардейцев с тов. Михеевым и Григоровичем, несмотря на свое опасное положение, все же отважились на смелое решение.

Появление поезда тов. Михеева на ст. Иркутск подняло суматоху среди белогвардейцев.

В результате завязывается бой.

В это время, пока идет бой-перестрелка с бронепоездом, товарищи с последнего спешно нагружают свой поезд обмундированием.

Белогвардейцы, узнавши, что бронепоезд увозит обмундирование, еще интенсивнее открыли по поезду огонь.

Под ужасным огнем, поезд продолжает грузиться и когда стало больше невозможным грузить из-за убийственного огня противника, бронепоезд возвращается целым и невредимым к своим.

Больше чем на 1000 человек удалось здесь т. Михееву достать обмундирования и снаряжения. Кроме того, была нагружена еще и теплая одежда, пригодившаяся нам впоследствии на Кругобайкальском фронте.

Отступление наше продолжалось.

Противник все время старался захватить нас в кольцо и. тем самым, заставить нас покончить сопротивляться.

Такие обхваты ему иногда и удавались и наши части попадали к ним в руки.

В такое положение попал и бронепоезд т. Михеева.

Бои шли на Байкале.

Среди дикой природы, в невыносимых условиях терялись наши части, уходившие от белогвардейцев.

Бронепоезд т. Михеева служил нам в это время арриергардом по линии жел. дороги, удерживая рвущегося все вперед и вперед противника.

Противник, учитывающий в бронепоезде единственную нашу тыловую силу, все усилия направил, чтобы обойти его с фланга и захватить, таким образом, его в плен.

Однако, несмотря на все его ухищрения, этого сделать ему не удавалось и возможно, что не удалось бы это и в будущем, если бы не предательство на ст. Байкал. Случилось это так.

Бронепоезд со ст. Байкал готовился уйти дальше, на восток и, во время отхода поезда, стрелочник умышленно испортил стрелку.

Паровоз бронепоезда сошел с рельс.

Заменить другим паровозом, сошедший паровоз с рельс, было нельзя.

Пришлось паровоз поднимать на рельсы.

К работам было приступлено тотчас же, ибо постановка паровоза вновь на рельсы требовала продолжительного времени, а его у бронепоезда не было.

Противник все ожесточеннее и яростнее наседал со всех сторон.

Кроме того, у команды бронепоезда продовольственные запасы уже иссякали. Необходимо было их пополнить.

Острая необходимость в продовольствии заставила тов. Григоровича использовать эту неожиданную стоянку и отправиться за покупкой их в ближайшее село.

Тов. Григорович, справившийся с покупкой, намеревался уже возвратиться из села к бронепоезду, как вдруг в этом селе появляются белогвардейцы.

Он ими схватывается и арестовывается.

Здесь он подвергается гнусным пыткам и зверски замучивается. Ему резали язык и спрашивали—где красные, кололи глаза, резали уши, из спины вырезали ремни, но т. Григорович не сказал ни слова и погиб, как полагается умереть бесстрашному революционеру; умереть с полным сознанием революционного долга.

Так погиб т. Григорович в Кругобайкальских горах. Свидетелями его мучительной смерти были крестьянин и один присутствовавший здесь незамеченным черемховец, да немые свидетели его смерти угрюмые голые сопки, где вечно заунывно воет и плачет ветер, надрываясь тонкими переливами своих голосов над вечной дикостью природы.

В это время, когда происходили эти события с тов. Григорович, белогвардейцы уже отрезали ст. Байкал и начали вести по ней ужасный обстрел.

Точно дождь посыпались снаряды на станцию.

Бронепоезд, не поставленный на рельсы, открывает также огонь по противнику...

Но вот раздается громаднейший взрыв...

Это от упавшего снаряда взорвался на ст. Байкал вагон с динамитом.

От взрыва происходит что-то невероятнейшее, кошмарное.

В груды превращаются близ стоящие к нему вагоны, строения... На сорок слишком верст все содрогается...

После взрыва, белогвардейцы окружают район станции еще плотнее.

Тов. Михеев, не терявшийся ни одной минуты, по-прежнему стойко ведет оборонительную линию.

Озверевший противник окружает теперь т. Михеева и готовится его захватить в плен, но т. Михеев из под штыков бросается в озеро Байкал и тонет.

Так бесстрашной смертью погиб т. Михеев, как подобает стойкому революционеру.

Теперь только одни бурливые волны Байкала, пенясь и разбиваясь о скалы в диком реве, рассказывают страшные были и поют надгробную память т. Михееву, нашедшему себе могилу в их пучинах.

Могила—это озеро Байкал, кстати сказать, просторна и очень многих борцов похоронила в своих мягких пеленах прозрачных вод, куда белогвардейцы за одно только слово „товарищ" их отправляли.

Да будет тебе, дорогой товарищ, вечный покой!

Имя твое никогда не забудется и запишется в книгу революционной истории и о твоей геройской смерти, принесенной в жертву за свободу рабочих, ни кем из нас, рабочих, не забудется.

Мы отступали и отступали...

Дошли уже до Кругобайкальских гор.

Отсюда наше быстрое отступление заметно пошло медленнее.

Каждая пядь земли здесь нами отстаивалась и без боя противнику не сдавалась.

Природные твердыни давали нам возможность наносить противнику довольно значительные ущербы. Сами-же мы были ограждены от внезапных его нападений: с одной стороны—громадами скал, с другой—озером Байкал.

Наше верховное командование, состоявшее из 3-х товарищей: Голикова, Трилиссера и Янсона эту благоприятную местность решило использовать и задержаться здесь, т. к. неприступные твердыни, имеющиеся здесь, могут служить хорошим оплотом для задержания противника и накопления сил для дальнейшей борьбы.

Мы все здесь, глубоко верили, что несмотря ни на что, в России наша власть восторжествует, и потому наша горсточка красных храбрецов, истекая кровью, еще крепче отстаивала свое красное знамя и не сдавала своих позиций.

Мы верили, что Россия превращается в клокочущее бурливое море, и разобьет в дребезги буржуазный корабль.

Особенно большие события произошли в Култукских горах. Здесь белогвардейцы стянули все свои силы и повели на нас наступление.

Три дня непрерывно шли здесь бои, в которых участвовали с нашей стороны до 7000 человек. Кроме того, нами была введена в бой и тяжелая артиллерия.

Со стороны противника участвовало значительно большее число людей и принимали участие броневики.

В этом бою белогвардейцы ставили перед собою вопрос раз навсегда покончить с нами.

Конец Байкала около ст. Култук. будет шириною не более 7 или 8 верст, на другой стороне озера, за холмом, стояла наша тяжелая артиллерия, которая через оз. Байкал и вела обстрел по неприятельскому броневику. Вскоре мы своим удачным обстрелом заставили броневик противника прекратить обстрел по ст. Култук и скрыться в тоннель, но мы, не успокоившись этим, продолжали поддерживать артиллерийский огонь по тоннели и, когда два снаряда попали в тоннель, неприятельский броневик быстро скрылся.

В последний день Култукских боев, среди нас появился слух, что противник обходит наш левый фланг, который находится под командой Лаврова, такой слух исходил от т. Лаврова, этой своей нетактичностью произведшего переполох среди своих людей на фланге; распустив этот слух, начал отходить, понудив, таким образом к отступлению весь фронт.

Отодвинулись мы к ст. Слюдянка.

Вслед за отступлением нами была взорвана маленькая тоннель, стоящая от ст. Слюдянка в 2-х верстах, дабы закрыть путь противнику.

Прошло не много времени, когда выясняется, что вести и слухи об обходе противником левого фланга, ничем не оправдываются и что все это оказалось просто провокационной выходкой.

Но, тем не менее возвратиться на прежние позиции мы уже не могли.

Такая бестактность т. Лаврова, а может была и действительная провокационная выходка, наблюдалась не один раз

Однажды его за такую проделку черемховцы едва не расстреляли, но вмешался его отряд, состоящий из мадьяр, и расстрелять не дали.

О неблаговидных поступках т. Лаврова, или вернее о политической его честности и преданности его нам, я говорил с Трилиссером. Последний также был в недоумении

и высказал те же предположения, что и я. Все же, несмотря на все это, он по-прежнему оставался командиром интернационального отряда, проделывая всевозможные трюки.

В конце концов, как я узнал впоследствии,-сидя в тюрьме, Лавров получил должное.

Его пристрелили Каландарашвильцы, отступавшие к Монгольской территории.

После Култукских твердынь фронт был перенесен на Танхойские позиции, не доезжая до ст. девяти верст.

Здесь нами возводились окопы с траншейными избами, ставилось проволочное заграждение около ст. Муриной и т. д.

В общем готовились к зимней стоянке.

Между тем, противник ни одной минуты покоя не давал.

Часто в результате мелких стычек получалось целое сражение.

Однажды здесь наши войска нанесли серьезное поражение белым, разбив их два полка наголову.

Успех победы закружил нашим настолько голову, что один батальон и бронепоезд бросился в преследование за разбитым противником.

Увлечение это послужило уроком для будущего, т. к. оно стоило многим жизни.

Когда этот батальон увлеченный бросился преследовать разбитого противника, то в результате попал в засаду, причем около 400 человек красноармейцев оказалось отрезанными белогвардейцами. Достался белым еще здесь и бронепоезд.

О происходивших здесь боях можно судить по тому, что, в этих Муринских боях из некоторых рот осталось всего по несколько человек; из них была одна рота черемховцев, самых отборных товарищей, которая погибла целиком от голода не сдавшись в плен, а ушедши в сопки.

Здесь также есть эпизоды революционного героизма, пример чему явил тов. Кузнецов, столяр с Рассушинских копей.

Когда он был окружен белогвардейскими солдатами и увидел свою гибель, бросился в бурный горный поток и утонул, но не сдался на милость победителя.

Тов. Кузнецов был из бывших уголовных каторжан, но был настолько сознательный революционер, что полтора

месяца не выходил из окопов, несмотря на то, что ему давали отпуск. Он отказался от него, заявив, что в настоящее время каждый, оставивший свой революционный пост, есть враг рабочих.

Тов. Кузнецов был весьма уважаем всеми шахтерами Рассушинского рудника, от которого и был избран членом в Совет рабочих и крестьянских депутатов.

Второй случай: т. Власов, во время боя, когда выносил из сферы огня свою невесту, раненую в обе ноги, увидел, что положение безвыходное, без страху и боязни со своей дорогой ношей—невестой, стал под неприятельские пули и в одну минуту погиб, не выпуская из рук своего друга, всегда дравшегося в окопах вместе с ним.

Много еще можно привести таких примеров.

На озере Байкал у нас имелась своя флотилия, в которую входили: ледокол „Байкал", „Ангара" и все другие суда бывшие здесь.

Ледоколы нами были обращены в военные судна и на них были установлены орудия.

Всем Байкальским флотом командовал т. Швецов.

Штаб-квартира находилась в это время на ст. Мысовая.

В последнее время, в связи с нашим тяжелым положением, в штабе беспрерывно шли заседания военного Совета.

На эти заседания прибыл и я.

На заседании присутствовали тов. Голиков, Сенюхин, Рютин и др.

В числе других вопросов стоял вопрос об усилении силой фронта: дело в том, что военный комиссариат никаких мер не принимал, несмотря на наши требования, а если частично их и выполнял, то без всякой существенной пользы.

Такое отношение военного комиссариата вызвало горячие прения на заседании, где я указывал на ошибки комиссариата. Т. Голиков тут же передал временно свое командование командиру корпуса т. Сенюхину, а сам выехал в Читу, после чего больше на фронт не возвращался.

После этого я также выехал по делам в Верхнеудинск, где был центр Сибири.

По приезде в Верхнеудинск, мы с т. Кузнецовым отправились на заседание центра, где обсуждался вопрос об эвакуации черемховцев.

Тов. Виленский стал против эвакуации черемховских шахтеров, т. к. эвакуация их с семьями требовала продовольствия и т. д. В общем он предлагал черемховцев не трогать. На такое предложение я возразил, что т. Виленский совершенно не заглядывает в будущее революции.

И тут же мне пришлось доказывать заседанию центра, что обывательскими глазами на черемховцев смотреть нельзя, ибо это те рабочие, у которых нет ни родины, ни отечества и которые преданы революции тем более, что все рабочие со своими семьями уже и без нашего разрешения эвакуируются, очевидно понимая, что оставаться здесь дольше нельзя, а нужно отступать с оружием в руках.

Вот как глядели все рабочие черемховцы на свое положение.

Я доказывал им, что мы—рабочие, если будем разбиты здесь на фронте, то перейдем на способ партизанской борьбы.

Для рабочих золотой середины нет: либо смерть, либо победа, а покорно сдаться на милость противника, как говорил т. Виленский, это было не по духу черемховским революционным углекопам.

Правда, трусы и шкурники остались, но это были пасынки революции, а все ее видные сыны отступали с оружием в руках.

Тов. Кузнецов также на этот счет серьезно поспорил с Н. Н. Яковлевым.

Тов. Кузнецов указал ему, что торговаться поздно, ибо судьба сибирского рабочего поставлена на карту и летят головы рабочих, как мячи, а те пятачки, о которых товарищи толковали и торговались в корне противоречат методам революционной борьбы, а также не отвечают и самому принципу.

На второй день после моего от'езда с фронта, во второй половине августа, чешский дессант, ночью, через Байкал, высадился около ст. Мысовой.

Таким образом, наш фронт попал в еще худшие условия.

Несмотря на то, что у нас были самые лучшие суда, противник из дальнобойных орудий зажигающим снарядом зажег наш ледокол „Байкал“. Ледокол „Ангара“, спасая его, поднялся выше ст. Мысовой и выбросился на песок.

Таким образом, наша армия оказалась отрезанной и очутилась в кольце с тыла и в лоб, а с боков—с одной

стороны Байкалом, а с другой—снеговым хребтом Кругобайкальских гор.

Вот какой участи была подвергнута Кругобайкальская Красная армия.

Положение было безвыходное.

Главные наши силы со штабом, видя свое безвыходное положение, решили отступить в сопки.

Часть же, более отважных и смелых, решила пробраться к Верхнеудинску, не взирая на перекрестный пулеметный огонь.

При таких условиях наши смельчаки начали свой путь к Верхнеудинску, исправляя под убийственным огнем противника семь сожженых мостов, испорченных им у нас в тылу, да еще, при таких условиях, давая бои. Во многих местах довольно сильно удалось поколотить белых.

В одном из таких боев попал полковник Ушаков, которого тут же отправили куда следует.

После падения кругобайкальских твердынь началось наше безостановочное отступление на Восток.

Вслед за этим эвакуировался и Верхнеудинск в Читу, где уже центр передал свою власть военной семерке, в которую входили тов. Казачков, Шилов, Лозо и др.

Одновременно с этим получается сведение о поражении Владивостокского нашего фронта и о высадке японского дессанта.

Все говорило за то, что приходит конец Советской власти на Дальнем Востоке.

В это же время в Чите уже начинаются беспорядки.

Дензнаков у центра не оказывается, а платить войскам было надо. В силу этого ими было решено выдать солдатам в расплату золотом по курсу того дня, т. е. 32 рубля за золотник.

Как только началась такая официальная выдача золотом жалования всем частям, как жел. дор., читинскому батальону черновскому отряду, черемховским углекопам, тут же, явились в банк с вооруженной силой анархисты, как, напр., Пережегин, Караев и др. и все оставшееся золото забрали.

Читинский банк, таким образом, оказался разграбленным, что называется, до основания.

В Чите нам также пробыть пришлось недолго. Пришлось отступать.

Последние отступающие наши части из Читы подвергались самому жестокому обстрелу. Здесь уже на сцену вышли открыто меньшевики и эсэры, которые тут же присоединились к рядам борцов белой гвардии.

Дальнейшее наше отступление продолжалось по Амурской жел. дор., с целым рядом провокационных телеграмм, как, напр., эвакуирующиеся тыловые мастерские и воздушные автомобильные парки на ст. Ксеньевская, по такой телеграмме были задержаны для обыска железнодорожной милицией, об'единившейся с обывателем. Под угрозой оружия они пытаются отобрать, имеющиеся в поезде, до 40 штук пулеметов и 3000 винтовок.

Такое требование я удовлетворить отказался и отдал распоряжение своим черемховцам взяться за оружие. После настойчивого требования через сутки начальник станции отправил поезд наш дальше.

Черемховский Совет все время следовал до города Благовещенска, где еще существовала Советская власть на Амуре.

Гор. Благовещенск в последние дни сделался центром всех советских учреждений и отступающих частей с обоих фронтов как с Уссурийского, так и с Забайкальского.

Длинный путь отступления по Амурской жел. дор. занял целый месяц, всех разбросанных частей для их концентрации в г. Благовещенск.

На этом длинном пути армия красногвардейцев все таяла. Некоторые отряды, видя безнадежное положение, уходили в сопки для партизанской борьбы, некоторые рассасывались по деревням под чужими фамилиями, некоторые по жел. дороге где нибудь в мастерских, а те, кто сдавался под условием гарантии, те предательски расстреливались, как напр., было на ст. Рухлово, где сдался отряд красноармейцев в 700 человек, которым гарантировали полную неприкосновенность. Их передали Семеновским казакам, которые расстреляли из них 500 человек на ст. Рухлово, а 200 человек увели в Даурию и там всех замучили ужасными пытками.

Горсд Благовещенск, где Советская власть отживала последние и тяжелые дни исторического переживания рабоче-крестьянской власти, как-будто стал одурманенным.

Началось невообразимое пьянство и швыряние деньгами. Так за чистку сапог давали сторублевую бумажку;

нельзя было достать извозчиков для деловой езды, так как все были заняты гуляющими.

В общем пахло какой то анархией.

Благовещенские станки круглые сутки печатали кредитки и не успевали покрывать спрос.

В комиссариат финансов приходили вооруженные красногвардейцы и требовали деньги. Большинство из них были приехавшие с фронтов. Их военный комиссариат отказывался удовлетворять, так как ни у кого из них не было аттестатов.

Деньги требовались под угрозой оружия, поэтому о правильной выдаче не могло быть и речи.

Вспоминается следующий случай: наши черемховцы привезли четырнадцать пудов тридцать шесть фунтов золота, полученного в читинском банке в уплату по содержанию красногвардейцев черемховских углекопов, которые все четыре месяца борьбы с белогвардейцами не получали ни копейки. Золото было получено твердой ценой по 32 рубля за золотник.

Рабочие хотели было делить золото, но я этого не допустил и золото сдал в государственный банк, условясь с комиссаром финансов,

Через три дня т. Галинский заявил, что условия обмена выполнить он не может и что золото не будет возвращено. Я же ответил, что с меня рабочие требуют деньги, или обратно золото сейчас же, так как каждый из нас не знает, что будет завтра.

Тов. Галинский начал уклоняться от прямого ответа, чтобы золото не возвратить.

Такое отношение заставило поставить его под угрозу, что если он сейчас не возвратит золото, то сейчас же придут черемховцы и возьмут все силой. Заявление мое на него подействовало и он золото возвратил.

В эти дни Благовещенск был наводнен золотом.

За одну неделю на китайскую сторону, в Сахалян, было продано свыше пятидесяти пудов. На барахолке в городе можно было видеть кусочки золота или рубленные слитки.

Из 200 слишком пудов золота читинского банка 50 проц. были экспроприированы Пережегиным, Карасевым и многими другими, которые мне известны в отдельности. В Благовещенск привезли его целыми ящиками.

С эвакуацией Хабаровска в г. Благовещенск, приехал т. Краснощеков. Он тоже просил денег полтора миллиона для уплаты жалования жел. дор. служащим.

После этого больше не пришлось его видеть, да и почти все ответственные работники раз'ехались.

Я также на пароходе уехал в г. Зею, где видел, как готовились в северный путь т. Н. Н. Яковлев, Лыткин и др. Долго я колебался, куда избрать свой путь, но тяга к рабочим оказалась сильнее и я вернулся обратно в г. Благовещенск, где остались товарищи рабочие.

Невольно думалось, что когда нужно было драться, то мы их всех призывали в ряды к оружию, а как пришлось туго, то бросили их на произвол судьбы.

Эта мысль и вернула меня обратно в ряды рабочих и так я возвратился опять в г. Благовещенск.

Здесь в городе я встретился с т. Пережегиным, который мне сказал, что ему т. Мухин разрешил сформировать дивизион с артиллерией и пулеметами. Он приглашал многих к себе на службу.

Однако на следующий день Пережегин был убит и затея его осталась невыполненной.

Все понимали, что власть доживает последние дни, ибо чумная вакханалия происходила у всех на глазах.

Разлагающаяся зараза шла беспрепятственно. В эти последние дни у массы явились большие требования, чем в нормальное время. Были также случаи, где можно было слышать смело говорящих недовольных властью людей, которые раньше были дисциплинированы, как партийные, и всегда язык держали за зубами.

Особенно, конечно, в этом выделялось городское мещанство и обывательщина.

Благовещенский военный комиссариат в это время готовил экспедицию из 12 пароходов, 18 барж по р. Зее в г. Зею. Суда грузились всевозможным оружием, продовольствием и другими запасами для продолжения дальнейшей борьбы.

15 сентября 1919 года, вся флотилия тронулась вверх по реке Зее, прикрывая отступление кананерской лодкой.

18 сентября у города Свободного, пароходы приняли береговой бой. С одной стороны—белогвардейцы, с другой стороны—японские войска. В этом бою один наш пароход утонул со всей находившейся на нем ротой красногвардейцев. В этих боях я попал к японцам в плен со многими другими товарищами. Арестованных нас посадили на пароход „Дунай“ и три дня нас возили с собой.

В эту ночь пароход „Дунай“ завязал перестрелку с пароходом, тоже находящемся в руках японцев, принявших его за пароход красных.

Около часа длилась пулеметная перестрелка, пока не выяснилось, что перестреливаются японцы с японцами. В эту же ночь 4 часа длились взрывы снарядов на загоревшихся баржах.

Японцы, захвативши „Дунай“, жестоко издевались над командиром парохода „Дунай“, связав его, японский офицер бил по щекам и т. д.

Все, что было на пароходе, было забрано японцами, как военная добыча. Из дессанта было захвачено 200 человек красногвардейцев, с которыми был и я. Арестованным нам не давали ничего есть, но на работу высылались разгружать тот же пароход.

Когда голодные красногвардейцы падали под тяжестью пятипудового мешка, японцы беспощадно избивали этих несчастных пленников, три дня ничего не евших.

После разгрузки парохода, всех посадили по 50 человек в крытые вагоны и увезли в г. Свободный, где поставили на ст. в тупик под японской охраной.

Здесь еще пять дней нам не давали ни есть, ни пить, не открывая железных ставень окон.

При таких условиях красногвардейцы начали умирать от голода и задыхаться без воздуха. Чтобы развязаться с красными, белогвардейцы решили часть их расстрелять. Они отобрали 60 человек и увели для рытья могилы. Могила была вырыта и этих пленных зарыли живыми в землю.

Вот те гнуснейшие и подлейшие меры борьбы, в которой принимали участие эсэры и меньшевики, у которых во главе Амурского правительства стоял эсэр Алексеевский.

С пеной у рта от удовольствия, он благословлял всех палачей капитализма на расстрелы революционных борцов.

...После трех дней этих событий, японцы меня освободили, как коммерсанта, но через три дня в г. Свободном меня выдал один провокатор Павченко и утром 27-го сентября, еще спящего, меня вновь арестовали и в глухом автомобиле увезли в тюрьму.

Хозяин дома, у которого я находился на квартире, был арестован за укрывательство и вместе со мной посажен в тюрьму.

IV

Я в тюрьме . . . . .

Небольшая Свободинская тюрьма, обнесенная деревянным частоколом, не походит на тюрьму Екатерининского времени и скорее похожа на арестный дом.

В 1918 году, после падения Советской власти, эта тюрьма становится центром заключения всех советских работников, отступавших сюда, как конечному пути отступления, почти со всей Сибири.

Небольшая тюрьма заполняется арестованными до крайности.

Камеры набиваются людьми, в буквальном смысле, до отказа: как сельди в бочку.

О сне думать здесь нам арестованным при такой обстановке не приходилось, ибо такое чрезмерное заполнение камер не позволяло нам даже сносно стоять на ногах.

К этому, если добавить, что нам вот уже пять суток, как не давали пищи, кроме воды, то несмотря на слабость режима в Свободинской тюрьме, все же, в общем, сидение было не из хороших.

Многие товарищи, имевшие связь с вне тюрьмой, получали кое-что из провизии.

Мне же сидеть в этом отношении было плохо.

Родных или знакомых я в городе не имел и потому никаких передач не получал и был обречен на голодовку.

Деньги, имевшиеся у меня, были отобраны при аресте и ни копейки я из них не мог получить на хлеб; их мне не давали.

Положение было хуже губернаторского, как это говорят, но сидевшие здесь, духом не падали; с утра до вечера слышались песни самого веселого жанра, какой вы можете слышать только в тюрьме, а особенно здесь, где отсутствует тюремный режим и дисциплина.

От скуки иной раз, здесь откалывались всевозможные номера, какие бы в другой тюрьме без наказания не прошли.

Все это подбодряло заключенных, да и, кроме того, не изжились еще недавние дни свободы.

Дух этот сохранил веру, что свобода вновь восторжествует и если мы погибнем, то на наше место встанут новые борцы за начатое дело.

На третий день моего сидения в Свободинской тюрьме, привели арестованного к нам т. Трифонова, бывшего комиссара милиции Забайкальской жел. дороги.

Мы с Николаем Васильевичем Трифоновым, знавшие ранее один другого только по газетным сведениям, здесь в тюрьме быстро сдружились и в дальнейшем вместе коротали время.

Тюремная жизнь очень правильно дает критическую оценку людям; нигде так не узнаются они, как здесь и нигде так правильно не оцениваются коммунисты, как только в тюрьме, где приходилось отмечать действительных коммунистов от коммунистов в ковычках.

За все 14 дней моего прибывания в Свободинской тюрьме, каждый день к нам приводились все новые и новые товарищи.

Новички рассказывали, что после переворота, контр-разведка работает без остановки.

Провокаторов оказалось без конца.

Помнится мне такой случай.

Когда арестованного меня привели к коменданту города Свободного, к поручику Ватяеву, то у него оказался один из провокаторов, служивший ныне в комендатуре, который перед своим начальником в моем присутствии пытался блеснуть своей провокационной работой.

Он обратился ко мне и сказал, что он меня хорошо знает, где и какую должность я занимал при Советской власти, а затем задает мне вопрос: знаю ли я его, так как он был на левом фланге в боях с нами на реке Белой, где он дал возможность белогвардейцам обойти наш левый фланг. Меня всего трясло от злости, что со мной разговаривает предатель рабочей власти, да еще и служивший в Красной гвардии. Когда я восстановил в своей памяти о действительности его службы в артиллерии, то я на него крикнул и плюнул ему в лицо, за что получил удар прикладом.

По многим данным, когда я сидел, видел, что очень большой процент скрывшихся советских работников выда-

вались изменниками правокаторами, цифры которых в дни переворота доходили до внушительных размеров как явных, так и тайных агентов контр-разведки. Имена некоторых провокаторов узнавались только случайно, как напр. Розенфельд, служивший в 1918 году в центре, в городе Иркутске и говоривший, что он старый политический работник оказался провокатором и выдал т.т. Славина и Гаврилова, которых во время пути из Хабаровска в Читу неизвестно где замучили палачи кровавых атаманов Калмыкова и Семенова.

Будучи впоследствии шесть месяцев товарищем председателя Амурского Областного Военно-Революционного суда, я установил по следственным материалам, что сотни имен мелких провокаторов, до 70% принадлежат лицам не с русскими фамилиями; все это приходится подчеркнуть только потому, что в дни переворота видно было стойких и испытанных революционеров, и видно было трусов и шкурников, примазавшихся к государственному пирогу и при первой опасности без зазора совести перекрасившихся в белый цвет...

Большинство прибывающих в тюрьму передавали, что многие из них арестованы по личным счетам, из мести и т. д.

Наблюдалось явление арестов и по кляузам на почве партийного антагонизма.

Когда Свободинская тюрьма настолько была переполнена, что о каком-либо уплотнении больше не могло быть и речи, тогда 5-го октября нас, сто двадцать человек, отобрали для отправки в Благовещенскую областную тюрьму, Поздно вечером, в этот день, нас под усиленным конвоем привели на вокзал жел. дор. и посадили в „Столыпинский" вагон. Конвоировал нас ад'ютант коменданта, прапорщик Макаров, бывший при Советской власти комиссаром. Этот то прапорщик Макаров и арестовал меня.

Он меня узнал среди других арестованных, узнал и я его.

Надо сказать, что при моем аресте у меня отобрали все мои вещи и, теперь я был почти раздет.

Дальнейшее мое „путешествие" чуть-ли не в адамовом костюме, было для меня невозможным и я решил обратиться к прапорщику Макарову за получением чего-либо из своей одежды.

Прапорщик обещал все это устроить, но не исполнил.

Оказалось впоследствии, что все мои вещи, отобранные при аресте, были разделены в комендантском управлении...

Когда мы сели в вагон, то любопытные японские офицеры и солдаты, прибывшие с востока, зашли к нам в вагон посмотреть на большевиков.

Для японцев большевики представлялись какими-то особенными людьми и теперь японцы, не веря своим глазам, щупали наше тело, дабы убедиться, что действительно большевики такие-же люди, как и все; подвергали осмотру нас с ног до головы, и спрашивали нас мимикой, показывая на большой палец своей руки, что значит большевик и т, д.

Ради курьеза, когда японцы спрашивали нас о большевиках, показывая на большой палец, мы показывали мизинец.

И японцы оживали, смеялись и говорили:—хоросе, хоросе...

В пути до Благовещенска навстречу нам то и дело попадались эшелоны японцев, которые также все время осаждали наш эшелон ради любопытства.

Вот и под'езжаем к Благовещенску.

Белое здание вокзала еще сохранило следы 1918 года.

На наружном фасаде штукатурка испещрена, как червоточиной, от пуль. Здесь отсиживались белогвардейцы от наседающих крестьян и рабочих, идущих в город восстанавливать Советскую власть в 1918 г. марта месяца.

Через два часа после нашего приезда в г. Благовещенск к нам явился наряд конвойной команды и нас стали выводить из вагона.

Нас отвели к вокзалу, где была устроена приемка арестованных.

Начальник конвоя, офицер, начал приемку от поездного конвоя. Началась перекличка по списку. По ле каждой фамилии непрерывно добавлялось: „становись, сволочь!", „грабитель!" „мы вам покажем!" и т. п., некоторым тут же приказывали всыпать плетей десять, пятнадцать и т. д.

Вокруг нас собралась толпа любопытных, среди любопытных были и наши товарищи, следившие за ходом всех репрессий.

Один из них не вытерпел и сказал, что такое зверство недопустимо, что это—жандармские приемы.

Офицер, услышавший такие возгласы из толпы, посмотрел на нас. В это время из среды ее выделился доносчик и указал, кто это сказал...

Начальник конвоя сейчас же приказал доносчика выдернуть из толпы, что было и сделано и тут же велел у всех на глазах всыпать ему пятнадцать нагаек.

Доносчик испугался, увидев, что дело приняло плохой оборот для него, начал просить офицера, чтобы тот смягчил наказание на десять. Офицер согласился.

От такого поступка, что попало доносчику, мы были довольны, да и собравшаяся толпа ликовала, что хорошо проучили доносчика, и вперед не будет повадно другим таким же.

Такой поступок офицера для нас остался непонятным.

Доносчик, получивши десять плетей, со стоном отошел обратно в толпу, откуда был слышен смех. Слышались даже возгласы:—„поделом! Мало еще дали, надо было больше!“

Сконфуженный доносчик быстро выделился из толпы и пошел во-свояси.

Перекличка продолжалась.

В числе арестованных, среди нас была женщина, жена комиссара Сорокина из г. Свободного.

Арестована она была вместо мужа, так как муж ее скрылся.

Офицер, между тем, продолжал вызывать фамилии.

Дошел и до фамилии Сорокиной.

Вызвал раз, другой...

Сорокина с ответом замешкалась.

Офицер, тот офицер, который только что дал десять плетей доносчику, обозлился и набросился с бранью на Сорокину.

Громаднейший лексикон ругательств сыпался, как из рога изобилия...

После переклички, нас стали считать, как баранов: тыкали в каждого из нас пальцем, говоря один, два, три...

Счет окончился, все оказались налицо и нас повели в тюрьму.

Посредине города нас останавливала два раза любопытная публика, но и этим любопытным конвоировавший нас офицер вкладывал по пятнадцать плетей, наводя этим порядок, как он выражался, что мы вам не большевики,

мы вам покажем и наведем порядок—таковы были побеги репрессий Амурского эсэровского правительства, возглавляемого эсэром Алексеевским.

После долгих испытаний, нас подвели к воротам областной тюрьмы.

Здесь мы несколько облегченно вздохнули, полагая, что, наконец, таким издевательствам будет конец, но оказалось, что это были только цветики, цветочки впереди.

Благовещенская областная тюрьма в 4 этажа—постройки нового типа, при ней имеется пятьдесят одиночных камер.

Вся тюрьма по нормальному времени расчитана до 600 человек арестантов.

Когда нас привели в нее, то там было кроме нас уже свыше 3000 человек.

У ворот тюрьмы нас вновь выстроили в шеренгу и начальник конвоя опять стал нас пересчитывать и записывать: этому пять, этому десять, этому пятнадцать плетей и т. д. Но все обошлось благополучно и мы плетей этих не получили.

Через некоторое время из ворот тюрьмы вышел надзиратель, и повел нас в контору тюрьмы, где нас обыскали до всех швов нашей одежды.

Все ценное отбиралось и даже из одежды.

После этого обыска, многие остались только в нижнем белье.

На все протесты против такого произвола был ответ, что это чужое, что это награбленное.

Будто раньше мы, рабочие, были всегда голы и ходили в костюме Адама.

Все это делалось действительно к лучшему, потому что этим только еще больше в нас проявлялась злоба и ненависть ко всей холопской власти.

После обыска все были отведены в корпус и помещены в две камеры.

В камерах не было никаких коек и нар и тюрьма до декабря месяца не отапливалась, а стоял страшный холод и заключенные, оставшиеся без одежды после обыска, были обречены на замерзание. Спать пришлось на голом цементном полу, причем теснота была самая невероятная и спать приходилось только боком, а иногда даже не хватало места и так. Пища была отвратительная: суп из тухлой рыбы,

но и такой даже гадости давали не в достаточной мере, лишь бы только не дать умереть от голодной смерти.

Впоследствии стол несколько улучшился и паек также увеличился.

Целых пять месяцев не выводили нас на прогулку, отчего заключенные до 80 проц. переболели.

В камерах стоял невозможно спертый воздух и люди буквально задыхались.

Появился разных видов тиф, вскоре обратившийся в эпидемию, так что до 70 проц. из нас заболело тифом; смертность дошла до 30—40 проц.

Против развивающейся эпидемии, администрация не принимала никаких мер до тех пор, пока эпидемия не стала появляться и среди администрации, которой до 10 проц. пошло к отцу Авраамову.

Только тогда администрация начала принимать меры и изолировать больных и дезинфекцировать камеры, что в дальнейшем и ликвидировало тифозную эпидемию...

Алексеевский, представитель Амурского правительства, эсэр, хота бы долю проявил, в это время, что он есть социалист; он был глух и нем, а при случае для нас политических советских работников он становился об'явленным врагом.

Был случай такой: к нему приходила Шимановская хлопотать за мужа.

Алексеевский арестовал ее и посадил в тюрьму, как коммунистку.

Вот что представляли из себя тогда эсэры, определенные враги не только партии коммунистов, но и нам рабочим, с которыми в тюрьме Алексеевский даже не хотел разговаривать при своем посещении.

В декабре месяце в г. Благовещенск командующим войсками был назначен полковник Шемелин, ставленник атамана Семенова, специально назначенный для того, чтобы убрать социалиста Алексеевского и „навести порядок" в тюрьме.

Полковник Шемелин явился кровавым палачем атамановщины.

Как только Шемелин вступил в свои обязанности, то сейчас же им в г. Благовещенске образовывается прифронтовой военно-полевой суд, который тут же и приступил к своим работам. Так началась суровая и преступная расправа

с политическими заключенными, расстреливая пачками их без суда и следствия.

Первым был приговорен к смертной казни т. Шадрин, бывший товарищ председателя амурского областного исполнительного комитета Совета Р. и К. Д.

Тов. Шадрин при аресте даже не пытался и скрываться, что он большевик: он расчитывал, что кроме политической борьбы у него нет никакого преступления, а это для него было, наивнодумающему, не преступлением.

Тов. Шадрин оставил предсмертное письмо, которое было получено нашей камерой. Письмо нами было передано на волю, где было оно перепечатано в тысячи экземплярах для распространения среди крестьян, так как тов. Шадрин пользовался большим авторитетом среди крестьянства и являлся их избранником; письмо его произвело сильное впечатление среди крестьянства и сразу среди них вызвало недовольство, а впоследствии оно выявилось в массовое крестьянское партизанское движение.

Когда повели на расстрел товарища Шадрина, он в корридоре тюрьмы громко крикнул: „Прощайте, товарищи"!..

Тяжелым стоном пронеслось последнее прощание.

Бодрой поступью, без страха т. Шадрин спустился на тюремный двор, разговаривая и шутя с конвойными, хотя последние были немы, так как были они из офицеров.

Через несколько минут, после ухода т. Шадрина, запыхтел автомобиль и умчал свою жертву на кладбище.

Роль палача над т. Шадриным исполнял начальник тюрьмы—Туресский.

Этот палач первый пролил невинную кровь.

Т. Шадрин—выдающийся работник областного исполкома и любимец крестьян в Амурской области.

Впоследствии нам передавали, что т. Шадрин до последней минуты перед смертью держал себя, как достойный революционер и верил, что рано или поздно сметется гидра угнетателей и снова красный флаг зардеет над Россией и власть крестьян и рабочих будет крепка, которая сумеет отомстить за своих избранников, защищавших интересы трудовых масс.

Так в Благовещенской тюрьме первой жертвой был т. Шадрин. Вся тюрьма оплакивала его смерть и посылала вечное проклятие палачам и врагам Советской власти...

Вторым после Шадрина был расстрелян инженер Шимановский, председатель коллектива правления Амурской жел. дор. Расстрел т. Шимановского на всех товарищей также произвел удручающее впечатление, так как все были уверены, что казнь ему будет заменена бессрочной каторгой, ибо т. Шимановский исполнял свои обязанности только по специальности, как инженер,

Т. Шимановский за несколько часов до казни, написал письмо, которое впоследствии и было помещено в газете „Амурская правда" в 1920 году, в мае месяце.

Вскоре расстрелы приняли большие размеры.

Были случаи, когда в ночь расстреливалось до 27 человек. Особенно расстреливали много здесь мадьяр.

Так в течение одной недели их было расстреляно до 60 человек.

Каждую ночь обязательно приезжал автомобиль и увозил все новые и новые жертвы.

Жуть берет, когда вспоминаешь о расстрелах лучших товарищей—советских работников.

К числу расстрелянных принадлежит и И. И. Сибиряков, бывший учитель.

Это идеальнейший социалист без всяких пятен.

Сибиряков познакомился со мной в тюрьме, когда он был болен и ходил ежедневно принимать ванну в тюремной больнице.

Я долго беседовал с ним и за два дня до суда т. Сибиряков не верил в суровость приговора, не говоря уже о смертной казни.

—А впрочем, сказал он, одинаково помирать—двадцать лет раньше или двадцать лет позже.

Настроение его было бодрое, веселое во все время пребывания в тюрьме.

—Т. Сибиряков, вечно улыбающийся, добрейший и милый товарищ,—так знала его тюрьма.

Можно смело думать, что т. Сибиряков не был способен принести кому либо зло и оскорбить даже кого нибудь, что впоследствии и доказалось, когда был он приговорен к расстрелу... Как только узнало о таком приговоре учительство, оно запротестовало, но кровавая атамановщина не обратила на это никакого внимания и не пощадила этого безгрешного товарища-педагога.

Необходимо отметить еще несколько случаев расстрелов. Расстрелян был также т. Тетюник, молодой человек, лет 22, бывший поручик, сын паровозного машиниста Верхнеудинского депо, служил у красных, участвовал в боях против чехов и командовал батальоном. За это он и был приговорен к расстрелу.

Когда т. Тетюника и еще двух товарищей повели для приведения в исполнение приговора, Тетюник бросился бежать. Побег оказался неудачным и он, отбежав не более 150 саж., был пристрелен японскими солдатами.

Такая внезапность, как побег, среди конвоиров вызвала замешательство, они растерялись, чем воспользовались другие товарищи, бывшие здесь.

Один из смертников, т. П-ко в это время бросился обратно в тюремный двор. Здесь он через стену проник в сторожевую будку, где, к его счастью, оказалась одна винтовка, а часовой в это время вышел из будки и расхаживал внизу за стеной тюрьмы, дабы согреться и размяться

Т. П-ко, схватив винтовку, скрылся.

...В марте 1919 года, мы однажды увидели из окна тюрьмы, что к тюрьме подошел с лопатами взвод японских солдат.

Целый месяц прошел, как не трогали нас и не выводили на расстрел и приход японцев предзнаменовал теперь для нас нехорошее. Вскоре это подтвердилось.

Оказалось, что они действительно пришли за новыми жертвами.

С их прибытием началась поверка арестованных.

После поверки, в нашу камеру вошел старший конторщик за справкой к алфавиту, так как с нами сидели алфавитники, ведущие алфавитный список заключенных.

Старший конторщик называл фамилии из видных советских работников, сидевших в одиночках.

Алфавитник давал номера, где сидит тот или иной из названных, не подозревая, для какой цели нужно это.

Но для меня стало ясно, что всех спрашиваемых лиц уведут на расстрел без суда и следствия.

Я подошел к алфавитнику и толкнул его так, чтобы не заметил конторщик, алфавитник понял мое предупреждение и начал путать номера камер.

Таким образом, вместо 26 человек по списку с трудом разыскали 22 человека; 4 человека удалось спасти.

Все двадцать два товарища были вызваны в контору тюрьмы, в числе которых были т. Чумак, Мельников, Белин, Повелихин и др. Все они бывшие крупные советские комиссары.

Все они тут же перевязываются веревками и выводятся в город.

Из конца в конец водили их японцы по городу, для какой цели, неизвестно.

В час ночи японцы повели их к кирпичным сараям, к вырытой здесь яме.

Для этих товарищей стало ясным, что их расстреляют.

Один из них, кое-как освободился от веревки, бросился бежать в город.

За ним образовалась погоня.

В центре города он был настигнут и тут же на улице был убит.

Между тем, остальных японцы подвели к яме и выстроили в ряд.

Раздался залп.

Тов. Повалихин, один из смертников этой группы, в момент залпа падает в обморочном состоянии.

Большинство из смертников, благодаря темноте от залпа, никакого ранения не получают и попрежнему остаются стоять.

После залпа японцы подбегают к стоящим связанным смертникам и начинают их рубить и колоть шашками, а затем всех бросают в яму, не закопав, уходят.

Через несколько часов, после момента кошмарной казни, тов. Повалихин пришел в себя, припоминая все происшедшее и, оглядевшись вокруг, он стал выбираться из ямы — могилы; товарищи, бывшие в яме, еще корчились в предсмертных муках и хватались один за другого. Тов. Повалихин, оказавшийся в об'ятиях застывающих рук своих товарищей, лежавших на нем-всей своей тяжестью, все-же кое-как выбрался из ямы.

Весь в крови Тов. Повалихин не знал куда направить свой путь, но необходимость спасаться толкала его вперед.

Он пошел к городу.

Недалеко от места казни стояла будка городской больницы. Сюда решил он зайти. Сторож, живший в сторожке, помог тов. Повалихину переменить окровавленную одежду на крестьянскую.

После чего, переодетый тов. Повалихин, быстро отправился в город к своим, а оттуда в Маньчжурию.

Такое зверское, кошмарное и бесчеловечное убийство на следующий день в городе вызвало страшное возмущение.

Город заволновался...

Все изуродованные трупы расстрелянных были перевезены в анатомический покой.

Японский дипломатический корпус, для того, чтобы успокоить население, взял расследование происшедшего на себя, для чего ими была назначена комиссия.

Город успокоился.

Комиссия же, создавшаяся для расследования кошмарного убийства, дело никуда не двинула, да это и ясно почему, ибо во всех этих расстрелах были виноваты сами интервенты...

В Благовещенской тюрьме, в числе заключенных с нами, содержался и председатель исполкома читинского областного Совета, тов. Бутин.

За ним не раз приезжал Семеновский броневик, но, благодаря тюремному врачу Леснику, который умышленно держал его в тюремной больнице в числе больных, затягивая выпиской, ни разу броневику не пришлось увести Бутина на расстрел.

Семеновцы, видя свою бесплодность попыток, оставляют т. Бутина в покое.

Прошло так много времени и Бутин выписывается из больницы.

Но едва только он очутился в тюрьме, как приезжает броневик и увозит т. т. Бутина, Журавлева и др.

Было ясно, что семеновские броневики возят только смертников и за участь т. т. Бутина и Журавлева тюрьма очень забеспокоилась, главным образом, за то, что они не будут знать, где будут замучены эти товарищи, так как эти палачи сплошь и рядом скрывали место казни, как это было с тов. Славиным и Гавриловым.

Через четыре дня после увоза т. Бутина, в первых числах июня 1919 года, пришел к нам конторщик за мной и т. Мироновым и еще одним молодым человеком.

Все мы сидели в одной камере.

Нас вызвали в контору, где об'явили нам, что завтра нас отправят в другие тюрьмы: меня и Миронова в Иркутскую и т. М. в г. Омск.

На следующий день, в 8 часов утра, еще до занятия в конторе тюрьмы, нас вызвали в контору, где дежурный по тюрьме нас передал читинскому конвою. Начальник конвоя хотел меня заковать в кандалы, так как в открытом листе, значилось, что я анархист, и для меня требуются особые меры надзора и бдительности.

Начальник поглядел на меня, подумал и сказал:

— Ладно, заковывать не буду, если будешь вести себя прилично!..

Все трое мы конвоировались незакованными, хотя кандалы были начальником взяты с собой.

До отхода поезда из г. Свободного, к нам в арестанский вагон стали ломиться японские солдаты, спрашивая, что мы „большевики" или нет, если большевики, то нас надо чики-чики, как говорят они, т. е. прикончить, но конвойные, бывшие большей частью из бывших красногвардейцев, были свои ребята и отвечали японцам, что большевиков нет, а есть только воришки, т. е. „карабчи".

Японцы после этого успокоились.

Во время пути по Амурской железной дороге, мы все время ожидали, что нас где-нибудь освободят партизаны, так как на нескольких станциях партизанские отряды наш поезд не заставал только на несколько минут, да и, кроме того, конвой говорил, что если только будет нападение на поезд, то весь конвой пойдет к партизанам и отстреливаться при нападении не будет, за исключением добровольца начальника конвоя, который один был во всем конвое против Советской власти.

Однако, надежда, что нас здесь освободят партизаны, не оправдалась: был близок конец этой дороги. Мы теперь начали только ждать, как мы проедем полосу казачьего произвола, начиная от Нерчинска до г. Читы.

Перед нами было самое страшное место. Место это—Маковеевские ворота. Местность у этих ворот очень угрюма. С двух сторон реки Ингоды зловещими сопками стоят ворота, которые сохраняют тайну тех великих мучений, где более 3000 человек нашли здесь свою мученическую могилу от руки атамановских палачей.

Многие здесь были живыми сожжены на кострах, многие погибли под пытками, каких даже не могла придумать средне-вековая испанская инквизиция...

При проезде через ст. Маковеево, при одной мысли всех ужасов, которые мы знали, леденило пятки у каждого политического товарища, несмотря на то, что мы к смерти были равнодушны и наши нервы ко всем ужасам притупились.

При приближении к ст. Маковеевой, все-же нам становилось жутко.

С таким адско-мучительным переживанием, мы под'ехали к ст. Маковеево; не менее нас беспокоился и приготовлялся конвой, зная местный произвол атамановцев, который не считался ни с какими правилами дисциплины конвоирования и отбирал арестованных для расправы.

Как только на станции остановился поезд, наша конвойная команда оцепила наш арестантский вагон и по приказу начальника конвоя никого не пускала ни к вагону и ни в вагон. Наша тревога несколько улеглась. Стоянка здесь обошлась без осложнений и мы отправились дальше.

Здесь нас спасло, как мы узнали впоследствии, только то, что военно-полевой суд был распущен, т. к. Семенов с Колчаком в это время находились в состоянии войны, и чинить суд—помогать Колчаку не хотел.

Благодаря последним обстоятельствам, мы благополучно проехали и Маковеевское ущелье, ущелье пыток и смерти.

На ст. Маковеево, а затем на ст. Нарымская присоединились к нашему вагону еще два вагона с арестованными. В одном из них, как узнали мы после, было много знакомых и товарищей иркутян, которые также переживали, как и мы, тот страх, какой был связан с Маковеево.

После тяжелых переживаний в пути, мы наконец благополучно доехали до города Читы, где царствовал кровавый атаман Семенов.

Здесь, среди арестованных товарищей, прибывших из владивостокской тюрьмы, я увидел т. Рябикова, которого не осмелился назвать по фамилии.

Впоследствии, в Читинской тюрьме в пересыльном бараке, мы с ним прожили вместе неделю. Он рассказал мне, что делается во Владивостоке, в Амурских тюрьмах, а о Читинской нам уже рассказывали товарищи, сидящие здесь.

Из читинской тюрьмы было уже назначение на дальнейшую нашу отправку—в Иркутскую тюрьму. Мы ждали дня отправления.

Перед отправкой нас дальше, в Иркутскую тюрьму, всех пересыльных арестованных повели вымыться в тюремной бане.

Здесь я встретил и тов. Бутина, который оказался жив и мылся теперь в бане.

Тов. Бутин рассказал, как он проехал дорогу из Благовещенска и сказал, что хуже того не будет, что уже было.

Он мне рассказал, что каждый день ему давали по 15 --25 плетей, затем его привезли на ст. Маковеево, где он пробыл 10 дней и благодаря тому, что Маковеевский корпусной суд был арестован, всех арестованных привезли в Читу и что будет дальше, Бутин не знал.

По приходе из бани, я увидел тов. Журавлева, вместе привезенного с т. Бутиным.

Тов. Журавлев колол дрова для бани. В несколько минут, проходя мимо него, мне удалось кое-что узнать от него. Он передал мне, что у него имеется много шансов на его скорое освобождение. Действительно он был освобожден, т. к. я его видел после падения атамановщины на Амурской жел. дор. машинистом.

Тов. Бутин все же в конце концов был расстрелян Семеновскими палачами.

Через семь дней из Читинской тюрьмы нас отправили в Иркутскую тюрьму, с Иркутским конвоем.

В пути меня заметили в Петровском заводе товарищи, черемховские шахтеры, которые специально ехали в этом поезде до Иркутска. Они на каждой станции делали мне передачу и всячески старались как либо помочь мне, чтобы облегчить мое положение, как арестованного.

Среди нас, в арестантском вагоне, ехал арестованным бывший офицер, служивший у Семенова.

Офицер этот конвоировался в г. Омск.

Дорогой мы стали с ним разговаривать.

Бывший офицер, получивший все знаки отличия в германскую войну, считал себя правым, и жаловался на незаконный арест, под которым его держали три месяца на гауптвахте, а затем еще отправляют в распоряжение военного министра.

От нечего делать в пути, интересуясь буквально всем, мы все арестанты заинтересовались своим белым спутником и спросили его, за что же он арестован, если он совершенно не считает себя виновным.

Офицер негодуя и возмущаясь заговорил, что он выполнил честное слово офицера, т. е. он поспорил с одним полковником, что он должен заехать на лошади в театр, в партер во время действия.

Он с достоинством офицерской чести это выполнил.

Если уже разбираться в виновности, то по его заключению, виноват не он, а полковник, толкнувший его на это пари, в котором он также ничего предосудительного, кстати сказать, не видел.

В Иркутской тюрьме мне пришлось встретить очень многих знакомых, оставшихся здесь от нашего отступления за Байкал.

В Иркутской тюрьме оказалось, что сидит и Я. Шумятский. Мне захотелось, как либо с ним свидеться и поговорить о случае, произошедшем в Томске.

Случай свидания с Я. Шумятским мне представился скоро.

Заведующий тюремными мастерскими, где работал Я. Шумятский, оказался арестованный черемховец, т. Макшаков. Ему я сказал о своем желании свидеться с Шумятским и он предложил мне выйти в мастерские на работы, где я смогу поговорить с Я. Шумятским по волнующему меня вопросу.

Между прочим, т. Макшаков сообщил мне, что из мастерской готовится побег и для меня пребывание в мастерской ввиду этого будет небесполезно, ибо я могу оттуда также бежать.

Дня через два после разговора с т. Макшаковым, тюремный агент вызвал меня на работу.

В мастерской мы сошлись с т. Шумятским для переговоров. Шумятский чувствовал себя крайне неудобно. Он сознался, что он действительно покойного т. Вейнбаума поставил в известность и даже просил дать телеграмму о моем аресте и об отобрании ценностей...

Этим фактом я хотел подчеркнуть только то, к каким недостойным методам борьбы к своим политическим противникам, прибегалось в то время случаев, которых в революционной борьбе было больше, чем достаточно.

Три дня я проработал в мастерских тюрьмы и затем, убедившись, что о побеге, который готовится через пролом стены, не может быть и речи, так как вся эта затея была очень опасна и главное то, что чуть ли не вся тюрьма

была посвящена в этот секрет, который мог в любой момент сделаться известным и тюремной администрации. Я из мастерских ушел, чтобы больше не возвращаться.

Мои предположения о рискованности такого предприятия вскоре после этого подтвердились и побег был раскрыт.

В иркутской тюрьме, как и во всех других тюрьмах, сидели провокаторы, которые и информировали контр-разведку о жизни тюрьмы.

Все это говорило за то, что всякое распространение секретов может быть чревато последствиями, а особенно теперь, в последние моменты, когда власть Колчака трещала по всем швам и белогвардейщина злобствовала и изливала свою злобу на политических заключенных.

Расправа здесь дошла до невозможных крайностей.

Присужденных к смертной казни не расстреливали, а вешали тут же в тюрьме.

Но и в этих случаях революционные борцы умели гордо умирать.

Так погиб тов. Иванов.

Когда его поставили на бочку и палач хотел ему надеть петлю на шею, т. Иванов мужественно оттолкнул его от себя и сам надел петлю себе на шею.

В августе, в иркутской тюрьме, начали вводить среди политических вечерние и утренние молитвы, такое введение со стороны политических встретило протесты, но за такие протесты все смельчаки получали по три шомпольных удара в назидание, а тем, которым и порка не помогала, тем чехи к виску приставляли револьвер и под угрозой смерти принуждали петь молитву.

Когда же при обходе тюрьмы управляющему губернией Яковлеву, эсэру, заключенные заявили о таком насилии, то Яковлев обещал разобраться, так как эти репрессии произошли в его отсутствие, как говорил он, сам же он от удовольствия потирал руки, как нам об этом передавали и еще добавлял, что так и надо, что еще плохо нас порют и т. д., иногда даже говорил это заключенным открыто, не стесняясь.

— Давно бы вас следовало расстрелять... Ясам вас расстреляю...—говорил он открыто.

Вот как предотвращали репрессии эти, именуемые себя социалистами, эсэры и меньшевики.

В октябре из иркутской тюрьмы судили 28 товарищей, из отряда Каландарашвилли, который в 1918 году отступил через Монголию в Черемховский уезд.

Судил их иркутский военный суд и приговорил их к вечной каторге.

Среди 28 осужденных, оказалась жена т. Третьякова, того Третьякова, что Розановым расстрелян в красноярской тюрьме в качестве заложника.

Тов. Третьякова также была приговорена к бессрочной каторге.

На следующий день, после суда, в 4 часа утра всей этой партии приказали собираться, якобы к отправке в Александровский централ, а вместо этого их всех увели, как потом выяснилось, на кладбище и расстреляли; тов. Третьякова была оставлена, лишь только потому, что родила в тюрьме в это время ребенка.

В числе 27 товарищей расстрелянных, нельзя обойти молчанием тов. Соколова.

Тов. Соколов—красноярец, 22 лет, бывший прапорщик, единственный сын у отца и матери, которые были рабочие.

Тов Соколов был начальником пулеметной команды в отряде Каландарашвилли при переходе из Монголии на русскую территорию; был пойман белогвардейцами и отправлен в иркутскую тюрьму где мужественно ожидал своей участи.

Тов. Коля Соколов был общим любимцем всех политических заключенных Всегда жизнерадостный он ею поддерживал заключенных.

Отец т. Соколова всю колчаковщину партизанил.

Стойкостью этого молодого революционера т. Соколова, державшего геройски себя до последней секунды жизни, восхищались даже противники.

Даже тогда, когда он стоял над могилой, он не терялся и беспрерывно агитировал казаков, солдат и ободрял своих товарищей, дабы умереть достойной смертью революционера.

Через несколько дней, после расстрела, 27 товарищей каландарашвильцев, в иркутской тюрьме стали вновь появляться слухи, что будут скоро отбирать в смертную камеру еще 27 человек из видных бывших советских работников.

Слухи эти исходили вполне из авторитетных источников.

В тюрьме всегда можно было знать, что делается за стенами тюрьмы и что делается вообще на белом свете и

больше знать, чем это знают на свободе, т. к. у тюрьмы слишком остры уши и тонок слух. как ни у кого.

Слухи определенно говорили следующее, что военные власти настаивают перед управляющим губернией Д. Яковлевым о передачи им всех политических для эвакуации в Забайкалье, иначе это означало, что всех отдавали на расстрел.

За Байкалом, мы знали, не оставалось в тюрьмах ни одного политического: все были расстреляны.

Военные власти, однако, положительного ответа от Д. Яковлева не получили.

Тогда они стали настаивать категорически на том, чтобы им была выдана „головка“, для отсылки их к отцу Авраамову.

На такие требования Д. Яковлев согласился с тем, чтобы всю эту голову в Иркутске не расстреливали, а увезли в Читу к атаману Семенову.

Все эти слухи действительно скоро подтвердились и нас стал отбирать сам начальник тюрьмы.

В один день нас отобрали всех 27 человек (число совпадающее с числом каландарашвильцев, что нас очень удивило и ставило в загадку.

Вся эта канитель, происходившая в иркутской тюрьме, была в первых числах ноября, когда уже с фронта шли неутешительные вести для колчаковцев.

В г. Иркутске и в других городах Сибири, в это время начались контр-разведкой обнаруживаться организации, ратующие за учредиловку. Среди колчаковских властей появлялась некоторая тревога.

Все эти тревоги и понуждали военные власти спешить вырвать головку из тюрьмы, чтобы скорее с ней расчитаться.

Спешным порядком все 27 человек мы были собраны за один день в смертную камеру.

Для нас было загадочно одно, что из всех главных политических руководителей отобрали всех за исключением иркутян.

Правда, иркутяне были больны тифом. Все это хорошо, что все они благодаря этому остались, как будто хранимые самой судьбой, но тем не менее т. Краснов, самый видный работник, хотя был сильно болен тифом, был притащен из барака в нашу группу...

Для всех нас 27 человек, собранных в смертную камеру, была загадка о своей дальнейшей жизни и возникал вопрос, что с нами будут делать. Много кривотолков появилось среди нас; одни говорили, что нас взяли, как заложников, другие говорили, что нас сегодня расстреляют здесь и т. д.

Особенно это тяжелое положение увеличилось, когда корридорный подошел к волчку и сказал, что могила для нас уже вырыта и сам зарыдал, прощаясь с нами.

— Сегодня вас расстреляют,—сказал он.

До мучительности тревожное состояние овладевает нами.

Все замолкают.

Мы решили вызвать для об'яснений начальника тюрьмы и управляющего губернией Яковлева.

Яковлева не оказалось дома, а начальник тюрьмы к нам мог придти не ранее, как через полчаса.

После этого, мы решили, что если за нами вечером придут конвойные, для того, чтобы вести нас на расстрел, из камеры никому не выходить, пусть стреляют здесь в камере. Этим хотя-бы, мы расчитывали отомстить своим врагам.

В пять часов к нам пришел начальник тюрьмы.

Один из наших товарищей был уполномочен вести с ним разговор.

Когда наш уполномоченный задал ему вопрос, для чего нас собрали в камеру смертников и где нас будут расстреливать, начальник тюрьмы был озадачен таким прямым вопросом, но быстро ориентировался и дал честное слово, что нас расстреливать здесь не будут, а отправят в читинскую тюрьму. Все это делается, как пояснил он, по распоряжению управляющего губернией Яковлева.

Поверка окончилась в 7 часов вечера. Мы расположились к ночи.

Вдруг с шумом отворяется дверь нашей камеры, врывается вооруженный конвой и зверски прикладами выгоняет нас всех в корридор.

Все это произошло так стремительно, что никто не успел сообразить, что это значит.

В корридоре тюрьмы начались наши избиения и обыски.

После этого, всех нас сковали по-парно цепями и вывели за тюремные ворота.

За воротами тюрьмы, мы почувствовали свежесть воздуха, широкий простор оживил нас и сердце забилось от

радости, но руки, скованные цепями, невольно наводили на грустное раздумье.

Ноябрьский вечер давал себя чувствовать.

Все мы были одеты по-летнему, а на улице был мороз и снег скрипел под полозьями саней. Густой туман дымчатой пеленой окутывал город—столицу Сибири. Туман, выходящий из реки Ангары, стлался по земле, заволакивая все окружающее. За десять шагов ничего нельзя было разобрать.

Сердце щемило, тоска... Мелькала мысль о побеге. Но кандалы и плотные цепи конвоя, плотным кольцом окружавшие нас, разбивали все думы о побеге.

За тюрьмой начальник конвоя выстроил нас в шеренгу и заявил, что, наша жизнь в его руках и если кто вздумает из нас бежать, то все мы на месте будем расстреляны.

Затем начальник конвоя тут-же отдал распоряжение конвою, что пока они ведут нас до станции, они должны половину из нас дорогой убить.

После всех приказаний и указаний раздалась команда: шагом марш... и мы—тронулись...

Наш конвой почему-то, вопреки распоряжения своего начальника, повел нас центральными улицами.

Как только мы тронулись, безостановочно посыпались на наши спины удары прикладов. Конвойные оказались не людьми, а зверьми.

Еще никто никогда из всех нас 27 товарищей такого зверского конвоя не видал ни раньше, ни после; даже жуть берет еще и сейчас, когда вспоминаешь об этих зверях, о тех побоях, которые выпали на нашу долю.

Во время прохода по Большой улице, на улице еще гуляла публика.

Удары прикладов и звон кандалов привлекли внимание публики на нас, но она безмолствовала и только молча смотрела на происходящее.

Между тем, многие из нас в изнеможении от ударов прикладами падали, увлекали за собою своих товарищей скованных в одну пару. Многие такие из товарищей стали от невыносимой боли просить конвой пристрелить их, лишь бы больше не мучиться. Но звери, а не люди, продолжали свое избиение..

Обессиленных наших товарищей, не могущих дальше идти от побоев, клали на подводу, которая сопровождала нас сзади. Дикий произвол не унимался.

Все, кто попадался навстречу нам, также получали от конвойных удары прикладов, а если кто ехал на лошадях, то у тех рубились шашками гужи и упряжь. .

В городе, мы видели, чувствовалась какая-то ненормальность, было видно какое-то передвижение войск и т. д.

После пришлось нам узнать, что эту ночь ожидались какие то выступления, а потому в этот день и принимались все меры предосторожности со стороны колчаковской власти. По этим-же причинам, мы и подверглись страшным побоям, которые в виде злобы обрушились на нас.

От тюрьмы до железнодорожной станции Иркутска мы прошли всего 30 минут.

На станции нас без задержки посадили в арестантский вагон и поезд быстро тронулся.

Во время пути, конвойные также были очень грубы и обращались с нами по-прежнему; даже в вагоне мы оставались скованные попарно.

В течение трех суток езды, до Читы нам не давали ни есть, ни пить; не давали громко разговаривать; с 6-ти часов приказывали лежать с закрытыми глазами, а если кто осмеливался глянуть, конвойный солдат подходил, наставлял револьвер и приказывал закрывать глаза.

Кроме того, тут же конвойные открыто смеялись, заявляя, что много они везут мяса Семенову и т. д.

По приезде в Читинскую тюрьму, в конторе нас всех расковали и затем увели в смертную камеру, которая уже три дня была освобождена в ожидании нас, т. к. Читинская тюрьма уже раньше знала, что из Иркутской тюрьмы везут к ним 27 человек смертников, для которых нужно приготовить камеру.

В Читинской тюрьме ежедневно, два раза в день, выводили нас на прогулку.

Здесь я встретился с одним знакомым по этой же тюрьме.

Товарищ этот на прогулке мне передал, что все старые знакомые расстреляны в забайкальских тюрьмах.

О себе этот товарищ сказал, что он остался чудом и показал мне левую руку, на которой у кисти виднелся

глубокий шрам до половины толщины руки. Рука была несколько скорчена.

Он об'яснил, что вскоре после нашего этапного прохода, он в числе смертников был увезен в Даурие для расстрела, там его вначале обрекли на пытку, вместе с другими товарищами. Тяжелые и мучительные пытки товарищей на глазах у него заставили за несколько минут до начала его пытки вскрыть себе вены руки; после вскрытия вены он упал в обморочное состояние и только через месяц пришел в себя и узнал, что с ним произошло.

А теперь опять, сказал товарищ, во второй раз состою смертником.

На этот раз он запасся ядом.

На прогулке здесь же я увидел, ходившего особняком, самозванного наследника Алексея Романова.

Самозванец держался в тюрьме, как говорили товарищи, одиноко и весьма сдержанно. Некоторые из нас арестованных уверяли, что это действительно Алексей Романов, тем более, что нашелся один смертник офицер, который хорошо знал наследника и подтверждал, что это он, настоящий наследник.

Нам рассказывали, что самозванного наследника держали 12 дней в контр-разведке, где всячески пытали Однако, несмотря на это, он говорил одно, что он Алексей Романов

Там же в Читинской тюрьме сидела самозванная великая княжна Татьяна.

Выяснилось, что самозванка была гимназистка из города Барнаула.

На прогулках, при общении друг с другом, мы держали себя сдержанно, т. к. в тюрьме, среди арестованных, был сильно развит шпионаж.

Однажды, даже несмотря на это, в тюрьме заходил слух, что сибирская столица Колчака г. Омск пал и занят красными войсками, а затем появилась и газета, подтверждавшая эти слухи.

Известие поразило нас и, вместе с этим еще больше вселило в нас тревоги за свое ближайшее будущее.

12 суток таких томительных ожиданий, каждую минуту своей смерти, прошли.

Однажды, в 12 часов ночи, к нам пришли и приказали, чтобы мы приготовили вещи.

Через час дверь в камеру отворилась и показался казачий офицер с тетрадкой в руках, который начал вызывать нас.

Вызванные выходили в корридор тюрьмы к столу, где сидел старый седой генерал и еще раз переписывал нас.

Все, вышедшие из камеры и переписанные вновь, проводились дальше по корридору, где их принимал офицер, некий Урядников.

Всех нас вызванных поставили в затылок и стали вязать за шеи проволокой.

Когда эта процедура закончилась и все вызванные были связаны, то один офицер, как мы после узнали, начальник броневика „Мститель", начал выравнивать нас. За малейшую неточность он пускал в ход нагайку, работая ею направо и налево по нашим лицам.

После дикой тренировки, связанных за шею проволокой, нас гуськом выводят на тюремный двор.

Во дворе уже был готов конвой, который тут же нас окружает двойной цепью и выводит за ворота тюрьмы.

Здесь к нам присоединяется еще одна цепь конвоиров — конные казаки...

При виде такой усиленной охраны, наше предположение об отправке нас в другую тюрьму исчезает и появляется новое: увод нас в сопки, что означало—в вечность, ибо сопки для них служили местом, где производились расправы и расстрелы над арестованными...

С бранью конвоиров, подталкиванием прикладами — мы двинулись в путь

В дороге один из товарищей пошатнулся, за что тут-же был заколот штыками конвойных...

Вот мы подошли к Горбатому мосту.

Надо сказать, что были последние числа ноября и был снег.

Едва только мы подошли к мосту, как конвойными отдается нам приказание ложиться на землю. Полураздетые, мы следуем распоряжению, лежим и ждем что будет.

Вскоре показался бронепоезд, он подошел к Горбатому мосту и остановился: оказалось, что он пришел за нами; мы попали в число жертв, которые каждый месяц увозились отсюда в Даурию к барону Унгерну.

Нам скомандовали подняться и заходить в вагоны...

В вагоне нас развязали и приказали всем также ложиться, а заколотого товарища они бросили на площадку вагона и когда поезд тронулся, его втиснули к нам, как какую нибудь чурку.

Часа через два товарищ затих и ушел в вечность.

Пять суток ехал с нами мертвец до Даурии и никто из нас не обращал внимания на него, т. к. мы были сами живые мертвецы. Что ожидало нас через час, минуту, сейчас—мы не знали, но все мы знали, что мы--живые мертвецы, обречены на смерть, и приходилось жалеть лишь только об одном: мы не знали где расстреляют нас, где будет место нашей могилы...

Правда, не все были полны сознанием и такими думами, ибо были среди нас и малодушные, занятые теперь нытьем. Особенно большим нытиком оказался N..., который своим нытьем нервировал и без того приподнятое настроение...

Шли дни кошмарного неведания своей участи.

Тюремщики будто забыли о нас и не давали нам ни есть, ни пить. От голода мы еще сильнее становились злыми, нервными; некоторые из товарищей от истощения лежали в забытье.

Бронепоезд, между тем, шел все тише и тише, делая внезапные остановки среди дороги, что еще больше натягивало наши нервы и усиливало тревоги, ибо на каждой из них мы ожидали, что вот-вот к нам войдут и выведут на расстрел. Но все для нас обходилось благополучно.

Впоследствии оказалось, что причиной такого тихого движения бронепоезда и его частых остановок являлись красные партизаны, которые в это время уже дали почувствовать свою силу атамановщине.

В конце пятого дня нашего пути, этого единственного в жизни тяжелого пути, бронепоезд подошел к станции Даурия.

Станция Даурия в 40 верстах стоит от ст. Маньчжурия, где сопки небольшими валунами окаймляют Маньчжурскую равнину. Местность ст. Даурия очень скучная; окрестности ее населяют кочующие племена: монголы; буряты и другие народности.

Унылая обстановка еще более наводит на нас тоску...

Вскоре, по прибытии на станцию, в наш арестантский вагон пришел пьяный начальник гарнизона—казачий офицер с целой шайкой таких-же пьяных офицеров. Он про-

смотрел открытые листы и списки арестованных и начал издеваться всячески над нами.

После издевательства, всех нас вывели из вагона и стали связывать веревкой, как и в Чите—за шею, и гуськом, и опять всячески издевались над нами.

Впереди меня стояла деревенская девушка, которая все время находилась в партизанском отряде и была в боях взята белогвардейцами в плен.

Над этой партизанкой они больше всего издевались, оскорбляя ее.

Наиздевавшись вдоволь над нами, нас отправили в военную тюрьму.

В тюрьме произвели у нас тщательный обыск и нас посадили в одиночку—в камеру $2^1/_2$ аршина ширины и 6 аршин длины.

В такой камере было помещено нас 24 смертника.

Здесь, вечером, перед смертью, палачи сдобрились и принесли нам хлеба, чаю, каши, но после пятидневного голода, мы воздерживались есть до сыта, и только поели, чтобы утолить голод, да никто и не думал об еде, так как все мы знали, что живем последнюю ночь на белом свете.

В эту ночь, у окна камеры, стояли два часовых, бдительно карауливших нас и думать вырваться из этого каменного мешка нельзя было.

Товарищи, слабые натурой, в эту ночь переживали внутреннюю тяжелую борьбу; чего только они не передумали, каких они не строили предположений, каких только не переносили они внутренних терзаний, думая о родных, жене, детях, о жизни, о доживаемой свободе...

Все это родилось в голове и задыхалось в каменном мешке...

На следующий день рано утром, едва только начинало светать, как раздалась команда: „на караул!“

Не прошло и одной минуты после этого, как дверь в нашу камеру отворилась и начальник караула крикнул мою фамилию; я вылетел, как пуля к дверям, где и предстал перед бароном Унгерном.

Барон поглядел на меня и сказал:

Это не тот, я того знаю...

Барон не узнал меня, так как тогда, когда я был в Черемхово в 1917 году, когда я его задержал, я был в солдатской форме, с бритыми усами и в пенснэ, а теперь весь

оброс, поседел и был без пенснэ и, кроме того, был в арестантской одежде.

Рядом со мной стоял вызванный тов. Краснов, иркутянин, при первой Советской власти он был комиссаром в Иркутской тюрьме.

Барон обратил внимание на его бравую офицерскую выправку и спросил его за что он сидит.

Тов. Краснов ответил, что он был при Советской власти заведывающим 20 дней тюремными мастерскими и за это сидит. Унгерн приказал Краснова вывести из камеры.

Через 15 минут дверь камеры отворилась и к нам всунули т. Краснова.

Мы все были изумлены видом т. Краснова: он был неузнаваем, весь почернел и обоими руками держался за заднюю часть.

На наши вопросы т. Краснов ответил, что его избили нагайками. Он радовался за то, что его избили, т. к, если здесь кого пороли, того не расстреливали...

Ежедневно день тюремной жизни здесь начинался с 8-ми часов утра и продолжался до 2-х часов дня.

В это время здесь происходила экзекуция: порка заключенных. Тюрьма в это время обращалась в инквизиторскую и по всему зданию слышались удары, брань, глухие и душу раздирающие стоны избиваемых.

И так каждый день...

Когда вся тюрьма была перепорота и осталась наша камера последняя, пришли и за нами. Мы вышли, за исключением т. Краснова, которому начальник гарнизона сказал, чтобы он не выходил.

Все выстроились в шеренгу.

Стояли, что называется, в струнку.

Руки по швам.

Барон, бывший в это время здесь, лично стал опрашивать, кто за что сидит.

Конечно, все по возможности смягчали свою виновность, уклоняясь от ответа, какую должность занимали при Советской власти.

Дела всех были потеряны, а потому действительчость палачи знать не могли, так меня за 18 месяцев тюрьмы ни разу не вызывали на допросы, и потому что либо знать обо мне они не могли.

Барон начал опрос с левого фланга, где стоял тов. Капелевич.

Барон спросил его, за что он сидит и когда посмотрел на т. Капелевичу в лицо, то сказал; „а, жид“!... „расстрелять“! .. И добавил, «всех жидов расстрелять»...

После опроса, каждого назначенного к расстрелу, отводили в особую группу.

Здесь-же стояли т, т. Бобров, Ежов и еще двое, которые так-же попали в группу для расстрела.

Дальше стоял т. Демин, самый дорогой мой друг по тюрьме.

Тов. Демин—член Красноярского исполкома, крестьянин, выучившийся на средства сестры, служившей в прислугах у господ; окончил техническое училище, учительскую семинарию и выдержал на аттестат зрелости; в последнее время до Советской власти был железно-дорожным учителем на ст. Красноярск, старый партийный работник.

Как только т. Демин сказал, что он учитель железнодорожной школы ст. Красноярск, барон больше не дал ему говорить, махнул рукой, приказал расстрелять, дальше стоял солдат-фельдфебель из иркутского 53 полка еще в полной английской форме.

Товарищ этот был арестован за несколько дней до нашей отправки из иркутской тюрьмы за революционную организацию в полку.

Барон спросил его, за что он сидит, тот ответил ему какую-то чушь и барон приказал отвести его в учебную команду, но через некоторое время вернулся к нему и долго всматривался ему в глаза.

—„Однако, нужно тебя расстрелять, так как глаза у тебя хитрые“...—сказал барон, но, подумав немного, приказал дать ему пятьдесят ударов и отправить в учебную команду.

Дальше стоял один из эмигрантов Америки. За свое пребывание в тюрьме оброс так, что представлял из себя чистейшего сибирского крестьянина.

Барон спросил его, за что он сидит.

Товарищ, притворившись безграмотным, начал говорить барону всякую ерунду.

Барон внимательно оглядел его с ног до головы и сказал:—„дать ему 50, накормить его кашей и отправить его обратно в родной город—Томск...“

Затем подошел еще к одному товарищу, который был комиссаром при Советской власти.

Этому товарищу барон приказал всыпать 150 и взять его в штаб к себе писарем.

В конце дошел опять до меня и спрашивает—за что же в конце концов сижу я.

Я начал разводить ему, что я крестьянин, что сижу не знаю за что и т. д. Барона моя околесица расположила к себе и он поверил мне; он заявил, что меня отпустит через десять дней, а в время это я должен поработать каменщиком.

После этого опроса нас осталось в живых 18 человек и 6 человек было приговорено к расстрелу.

Наша партия, как оказалось после, попала очень удачно к барону, так как он по обыкновению не всегда лично опрашивает, а прямо заочно приказывает расстрелять, без разбора дел. Был случай, когда по его приказанию, в Даурских сопках был расстрелян эшелон арестованных свыше 15000 человек.

У этого дегенерата были две крайности: расстрелять, или выпороть и освободить.

После сортировки и экзекуции, нам приказали собрать свои вещи и быть готовыми к отправке в мастерские. Через некоторое время нас вывели из тюрьмы на крыльцо и, указав мастерские, приказали идти туда; когда я спросил о своем конвое, которого нам не давали, получил ответ, что мы можем идти без него, но если вздумаем бежать, то закон у них один—расстрелять.

Нельзя описать того чувства радости от неожиданной свободы, ибо еще несколько минут тому назад, жизнь наша висела на волоске, а сейчас, после пяти минут, мы стали на свободе и ни одного нет около нас конвоира.

После двухлетнего сидения в каменном мешке и переживаемых ужасов, мы теперь полной грудью вдыхали в себя воздух, чувствуя себя опьяненными—мы были почти свободны.

Нам даже в начале не верилось, что мы на свободе.

Долго мы стояли в недоумении, а затем пошли. Чем дальше мы удалялись от тюрьмы, тем больше убеждались, что это не сон, а действительность, которая вряд-ли так часто проявлялась здесь, в Даурии, у этих палачей.

В мастерских Азиатского корпуса, куда мы пришли, заведывающий мастерскими оказался техник, из латышей;

он переписал нас по специальностям и, указав себе на язык, сказал, что бы обо всем мы держали язык за зубами, а то здесь одно наказание—сопки (расстрел).

Мы ему ответили, что об этом нам говорили многие в том числе и сам барон.

После опроса заведывающим, нас увели в казарму и поместили всех в одну большую комнату на три дня отдыха и для политического карантина.

В этот же день нам принесли по две пары нижнего белья, японские шинели, папахи, теплое белье, сапоги, белого хлеба и т. д и начали кормить нас, как на убой.

Мы недоумевали, что все это значит.

Оказывается, они нас хотят задобрить, чтобы мы работали, так они страшно нуждались в мастерах по всем специальностям, а среди нас действительно их было много.

На третий день, я помню, пошел в баню, где случайно были два офицера и следили за всеми мывшимися.

В бане было до 200 человек и 90% из них были с выпоротыми задницами, причем у многих места этих частей были вздуты, как подушки и посинели.

При виде этого эти два офицера возмущались от такого издевательства.

Они говорили, что здесь не больше 10% таких кровожадных офицеров, как сам барон.

На 4-й день я вышел на работу печником.

Наконец, 10 обещанных бароном дней окончились и я напомнил об этом заведывающему мастерскими технику ОЯ. Техник ОЯ сейчас же пошел с докладной запиской к барону и через час я уже имел на руках открытый лист и удостоверение, которое мне написал тов. Бугуславский, из нашей же партии смертников, оставшийся в живых и занимавшийся в конторе у техника ОЯ.

Удостоверение, выданное мне, оказалось отпускным на две недели.

Все вещи, какие были, я получил, вплоть до медного котелка, забрал с собой и в день кануна Рождества, я выехал из Даурии.

На станции Маньчжурия меня задержала контр-разведка. Несмотря на все ей пред'явленные свои проездные документы, они запросили Даурию, а в ожидании ответа, вечером мне всыпали 150 бамбуков и бросили в подвал. На

утро следующего дня они пришли и всыпали мне без счету, так что я потерял сознание.

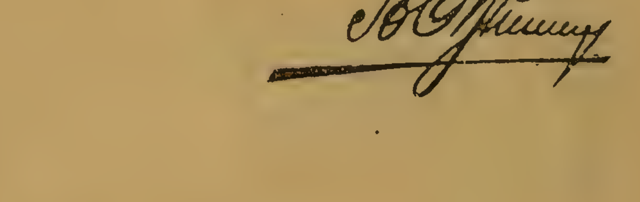
Очнулся я на телеге когда меня везли на вокзал.

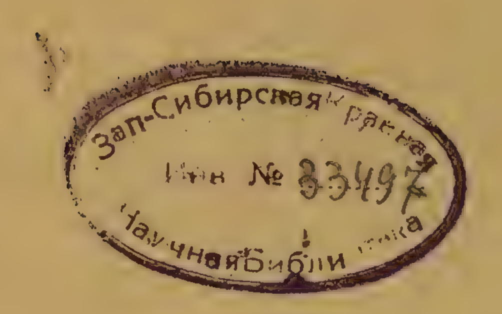
Всю дорогу до Владивостока, я провел в сильных муках. Во Владивосток, куда я приехал, то я увидел, что здесь свирепствует генерал Розанов. Дни его были уже сочтены и его контр-разведка работала не покладая рук.

Здесь я пристроился лечиться у одного старика, знакомого, живущего в землянке, на берегу Амурского залива, где пробыл три дня, а затем меня взяли товарищи рабочие, знавшие меня раньше по Сучанским рудникам, работавшие теперь во временных мастерских г. Владивостока.

Они меня спрятали.

У них я остался залечивать свои раны от бамбуков, переживая сильные боли и муки.

(Р. Ц. 601). Новониколаевск. Гостипография. Тираж 3000 экз.

